

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В. И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального научного центра
«Владикавказский научный центр Российской академии наук»

ГЕНЕАЛОГИЯ НАРОДОВ КАВКАЗА

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск X

Владикавказ 2018

ББК 63.214(531)

*Печатается по решению
Ученого совета СОИГСИ ВНЦ РАН*

Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Выпуск X: сборник статей. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2018. – 268 с.

ISBN 978-5-91480-293-3

Редакционная коллегия:

*И. Т. Марзоев, доктор исторических наук
М. И. Барзбиев, кандидат исторических наук
Р. М. Абрамян, кандидат педагогических наук
К. Р. Дзалаева, кандидат исторических наук
Н. Г. Джавахишвили, доктор исторических наук*

*В оформлении обложки использовано фото А. Букулова –
башня Тага и Курта в Куртатинском ущелье Северной Осетии*

ISBN 978-5-91480-293-3

ББК 63.214(531)

© СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2018

© Коллектив авторов, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНЕАЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СЕМЕЙ

Вачагаев М. М.

К ГЕНЕАЛОГИИ ЧЕЧЕНСКОЙ ФАМИЛИИ ЧЕРМОЕВЫХ 7

Григорян А. А.

АРМЯНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ЯЛТЕ:
ФАМИЛЬНАЯ УСЫПАЛЬНИЦА ГУКАСОВЫХ 18

Гусейнов Г.-Р. А.-К.

МИРЗОЕВЫ И ДОСОВЕТСКАЯ ЭЛИТА ЧЕЧНИ
(ИСТОРИЧЕСКИЕ И ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ) 27

Гутиева А. Э.

ГУТИЕВЫ. ИСТОРИЯ ФАМИЛИИ 34

Духаев А. И.

ГЕНЕАЛОГИЯ ФАМИЛИИ ЧУЛИКОВЫХ 43

Киреев Ф. С.

ИЗ ИСТОРИИ РОДА ВЕЛИКОГО РЕГЕНТА
ХОРА СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ
АРХИМАНДРИТА МАТФЕЯ (МОРМЫЛЯ) 64

Кулиев М. Р.

ШАХТАХТИНСКИЕ – ВЕТВЬ ДИНАСТИИ КЕНГЕРЛИНЦЕВ ... 71

КАВКАЗОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**Алиев К. М.-С.**

КУМЫКСКИЕ ЖЁНЫ ЦАРСТВЕННЫХ ОСОБ
(Генеалогические этюды)..... 77

Гарсаев Л. М. , Гарасаев А. М.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЧЕЧЕНЦЕВ В ИОРДАНИЮ 103

Дзалаева К.Р.

Интеграция северокавказского
социума в культурное поле России в процессе
приобщения к театральному искусству
(вторая половина XIX – начало XX вв.)..... 120

Идрисов Ю. М.

СПИСКИ УРОЖЕНЦЕВ СЕВЕРНОЙ КУМЫКИИ,
ИЗЪЯВИВШИХ ЖЕЛАНИЕ ПЕРЕЕХАТЬ НА ПОСТОЯННОЕ
МЕСТОЖИТЕЛЬСТВО В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ
В 1894–1895 ГОДЫ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК
ДЛЯ ГЕНЕАЛОГИИ ТУРЕЦКИХ КУМЫКОВ..... 128

Кафар-заде Л. Р.

О ТЮРКСКОМ ФАКТОРЕ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА
(НА ПРИМЕРЕ ДИНАСТИИ СЕФЕВИДОВ) 133

Тезиева М. Х.

МОТИВЫ ЗМЕЕБОРЧЕСТВА В РОДОВОЙ
ИСТОРИИ ЦАРГАСАТ 143

Цагараев М. А.

К ВОПРОСУ О ЗАСЕЛЕНИИ
ФИАГДОНСКОЙ КОТЛОВИНЫ ПО ДАННЫМ
ФАМИЛЬНЫХ И НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЙ 149

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Батчаев Ш. М.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ГОРСКОЙ АРИСТОКРАТИИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА – ВЫПУСКНИКИ
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ИМПЕРАТОРСКОГО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА..... 157

Дзагалов А. С.

НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ ИЗ ЖИЗНИ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОЛХОЗА «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
ТЕРСКОГО РАЙОНА КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ
АЗАМАТГЕРИ ПАНАГОВА 173

Канукова З. В.

ЭЛЬДАР КАНУКОВ – ПОТОМОК ОСЕТИНСКОЙ
ТАГАУРСКОЙ ЗНАТИ 183

Казаков А. В., Казаков К. А., Марзоев И. Т.

ЧЕКИСТЫ-ОСЕТИНЫ В 1920–1940 гг. 192

БИБЛИОГРАФИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Абрамян Р. М.

ОПЫТ БИБЛИОГРАФИИ ГЕНЕАЛОГИИ ИНАЛИДОВ
(НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)..... 209

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 226

ГЕНЕАЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СЕМЕЙ

М. М. Вачагаев
(г. Париж, Франция)

К ГЕНЕАЛОГИИ ЧЕЧЕНСКОЙ ФАМИЛИИ ЧЕРМОЕВЫХ

Арцу Чермоев, выходец из тейпа (клан, род) Билто нахчимох-кхоевского тукхума (общество) из одноименного села Билтой (в настоящее время расположено в Ножай-Юртовском районе Чечни), родился 16 июня 1825 года. Его отцом был Черма, который был сыном Исхака, который был сыном Бакха, который был сыном Мадакха. Согласно семейным преданиям потомков Хас-хаджи Чермоевича, уже в 20-х годах их предки жили в селе Кошкельды (в настоящее время расположено в Гудермесском районе Чечни). Именно это обстоятельство могло способствовать факту службы Исхака в российской армии [1], которая в те годы закреплялась в равнинной части Чечни.

Братьями Арцу были Царыс и Хас-хаджи. Точную дату рождения самого Арцу удалось выяснить благодаря тому, что его отец Черма Исхаков зафиксировал в своих личных делах дату рождения сына.

Родословная по всем трем линиям детей Черма прослежена, и, несмотря на существующие определенные вопросы, требующие

дополнительных изысканий, позволяют судить в целом о всем роде. Имя Черма стало основополагающим для потомков двух его сыновей – Арцу и Цахыса Чермоевых. В то время как потомки третьего сына – Хас-Хаджи – взяли другие фамилии, как например, Шепиевых по имени сына Хас-Хаджи Чермоевича.

Созвучие фамилии Чермоевых с чеченским тейпом – *чермой*, приводило к заблуждению многих в Чечне, ассоциируя членов данной фамилии с одноименным чеченским тейпом. Однако многочисленные исторические документы, в том числе и за авторством самих Чермоевых [2], однозначно дают ответ об их происхождении из села Билтой, и вопросы возможного чермоевского происхождения (по тейпу) не имеют под собой вообще никакой основы. Не говоря уже о том, что многочисленные потомки по линии Хас-Хаджи проживают и ныне в селах Билтой (Ножай-Юртовский район) и в Кошкельды (Гудермесский район) Чеченской республики.

Разница есть и в написании имени самого Арцу. В чеченских статьях об именитом генерале всегда пишут через заглавную букву «О» – Орцу Чермоев, что не соответствует правильному написанию, так как документы полувековой службы Арцу показывают, что отчество его многочисленного потомства также писалось исключительно так: «Арцуевич» или «Арцуевна». То есть, Орцу – это позднее приобретение у современных авторов, ассоциирующее с чеченским словом «орца» – помощь. В то время, как его имя стоит, видимо, ассоциировать со старинным чеченским, мало употребляемым на сегодня словом, арц – гора (покрытая лесом гора, холм).

Молодой Арцу присоединился к русским войскам в качестве волонтера, это произошло согласно военным документам – 2 июня 1842 года. Именно эта дата позднее взята за основу начала начисления ему военной пенсии.

Арцу оказался на редкость смелым и смышленным парнем, что уже к концу 1845 года, то есть два с половиной года спустя после начала его военной карьеры в русской армии, его представляют, а 5 января 1846 года уже официально объявляют о производстве его в прапорщики.

31 октября 1846 года, командование, отмечая его рвение, награждает его единовременным пособием в размере 150 рублей.

С 1842 по 1849 года он практически участвует во всех крупных экспедициях русских войск против чеченцев, в силу чего 22 августа 1849 года командование производит его в подпоручики.

С этого момента его военная карьера стремительно растет. Уже 3 декабря 1849 года приказом по Отдельному Кавказскому корпусу за номером 113 награжден орденом Святой Анны 4 степени с надписью «За храбрость».

Полгода спустя, 19 июня 1850 года, награжден единовременно 100 рублями серебром, о чем объявлено приказом по Корпусу за номером 130.

А уже 26 октября 1850 года Арцу Чермоев награждается орденом Святой Анны 3 степени с бантами и приказом по Отдельному Кавказскому корпусу за номером 172, что было объявлено во всех войсках региона.

Полгода спустя, 20 марта 1851 года, он вновь отмечен, на этот раз «монаршим благословением», что также высоко ценилось в армии.

В тот же год, 17 декабря 1851 г., командование наградило его золотой шашкой с надписью «За храбрость», что, как и предыдущая награда, было объявлено по корпусу приказом за номером 191.

21 апреля 1852 года Арцу был произведен в поручики и через несколько месяцев, 13 июня 1852 года, был уже произведен в штабс-капитаны, с объявлением приказа Военного министра Российской Империи за номером 357.

С 1853 года его призывают уже на новый фронт – в ходе турецко-русской войны, где А. Чермоев также показал себя отважным участником, что и было отмечено 1 марта 1854 года, когда его наградили орденом Святого Владимира 4 степени с бантом, и объявлением приказа по корпусу за номером 371. В этот же год, 9 августа 1854 года, он произведен в капитаны. Уже к концу войны с турками, 1 июня 1856 года, ему вновь было объявлено мо-

наршее благословение по корпусу, а 26 августа 1856 года был уже произведен в майоры.

По окончании войны с турками, Арцу возвращается к себе домой, где 30 сентября 1857 года вновь был отмечен монаршеским благословением по армии приказом за номером 464. А 13 декабря 1857 года награждается орденом Святого Станислава 2 степени с Императорской короной и мечами, что было объявлено в приказе по армии за номером 470.

Окончание войны и захват территории, населенной чеченцами, был отмечен 26 мая 1859 года – Арцу был произведен в подполковники. В том же году, 29 декабря 1859 года, он награждается орденом Святого Георгия 4 степени, установленным для мусульман, что было объявлено в приказе по армии за номером 513. Через год, 18 декабря 1862 года, за отличие по службе произведен в полковники.

1 мая 1863 года по представлению командующего войсками по Терской области назначен Начальником охранной стражи. С окончанием войны Арцу Чермоев стал также востребован в деле утверждения владычества Российской империи на занятых землях горцев. 18 июня 1864 года приказом по войскам Терской области он назначен Командующим 2 дивизионом Терского конно-иррегулярного полка.

Насколько действия Арцу Чермоева высоко ценились администрацией на Кавказе свидетельствует продолжение его карьеры в качестве военного. 25 февраля 1865 года «За отличие против горцев награжден орденом Святой Анны 2 степени с мечами», что было объявлено приказом по армии за номером 12.

Ровно через год, 26 февраля 1866 года, приказом по Войскам Терской области он назначен командиром 5 сотни Терской постоянной милиции.

11 мая 1869 года награжден орденом Святой Анны 2 степени с Императорской короной с мечами.

24 сентября 1871 года за отличие по службе произведен в генерал-майоры с зачислением в армейскую кавалерию.

23 декабря 1872 года Высочайшим приказом от 25 декабря

1872 года назначен состоять при Кавказской армии и по армейской кавалерии. 22 сентября 1874 года за отличие по службе награжден орденом Святого Владимира 3 степени.

С началом русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) был вновь призван в действующую армию после того, как в феврале 1877 года формирование Чеченского конно-иррегулярного полка было закончено. В его состав было зачислено 793 человека, в их числе 21 урядник. Вначале его полковым командиром был майор Тхостов, но впоследствии был заменен Арцу Чермоевым, который 17 декабря 1877 года за отличие против турков был награжден орденом Святого Станислава 1 степени с мечами.

И уже через полгода, 22 мая 1878 года, за отличие в делах против турков награжден орденом Святой Анны 1 степени, став, таким образом, одним из первых северокавказцев полным кавалером ордена Святой Анны.

За период боевой службы только Чеченского полка 89 всадникам и офицерам из Аргунского и Ауховского обществ не было выдано жалованья на сумму 2560 руб. 57 коп. Каждый из тех, кто согласился воевать на фронте под российским флагом, рассчитывал получить сумму, которая помогла бы не только ему самому, но и всей его большей семье. Стоит заметить, что при всем этом, чеченские всадники были единственными, которые носили все без исключения белую бурку, белую папаху, да и коней Арцу выбирал самых наилучших. То есть, чеченский иррегулярный полк явно отличался внешне, как от своих кавказских сородичей, так и от других подразделений армии. Арцу Чермоев, финансируя свои сотни (а их было в полку 6 сотен), старался, чтобы они стали примером для всех остальных.

В период войны с Османской империей в 1877–1878 гг. из-за претензии к Арцу Чермоеву на недополучение положенных за службу денег, была назначена специальная комиссия, которая обязала командира сотни Арцу Чермоева, заведующего хозяйственной частью полковника Тхостова и кассира полка хорунжего Екимова, выплатить всадникам положенные им деньги. В 1882 году по Высочайшему Государя императора повелению

Арцу Чермоев был предан суду по обвинению в присвоении вверенных ему по службе казенного имущества и денег, предназначенных на довольствие чеченского конно-иррегулярного полка во время нахождения последнего на Кавказско-турецкой границе в минувшую войну 1877–1878 гг. Но приговором Кавказского Военно-Окружного Суда, состоявшемся 30 декабря того же года (1882), Арцу Чермоев судом был полностью оправдан. Доказательством, что к нему не имеется никаких претензий, и что он чист в вопросе денежных выплат своим соплеменникам, стало и решение наградить его 4 июня 1883 года Орденом Святого Владимира 2 степени.

За все время военной службы ни разу не был ранен, что отмечалось в его личной книге воинской повинности [2].

Участие в военных походах зафиксированы в личном деле и наградных документах: в 1842, 1843, 1844, 1845, 1846, 1847, 1848, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853, 1856, 1857, 1858, 1859, 1860 и 1877 гг.

Закончив свою воинскую карьеру в чине генерал-майора [3], он был определен советником Грозненской областной думы, при этом ему определялось жалованье 1524 руб., плюс к этой сумме 350 рублей на столовые нужды, а также 429,99 коп. как пенсия, и еще 150 рублей выплачивались за орден Святого Георгия 4 степени [4]. В общей сложности он прослужил на действительной службе в армии 53 года.

На 16 мая 1881 года в его собственности находился земельный участок в 565 десятин. Земля эта была выделена по соседству с полковником Беликом, Касимом Курумовым и Турло Алхановым [5]. Данное землевладение располагалось между селением Бердыкель на востоке (граница вдоль почтовой дороги Грозный – крепость Воздвиженская), Чечен-аулом на юге, Грозным на севере и землями полковника Белика на западе [6].

Арцу Чермоев являлся кавалером орденов: Святого Георгия 4 степени, Святой Анны 1 степени с мечами, 2 степени с императорской короной, 3 степени с бантами, 4 степени с надписью «За храбрость», Святого Станислава 1 степени с мечами, 2 степени с

императорской короной, Святого Владимира 2, 3 и 4 степеней. Был награжден медалями: бронзовой – в память войны 1853–1856 гг.; серебряными: за покорение Чечни и Дагестана 1857–1859 годов и за освобождение зависимых сословий 1861 году, крестом за службу на Кавказе.

Таким образом, Арцу Чермоев – единственный из числа горцев, кто стал полным кавалером ордена Святой Анны, одновременно 3-х степеней Святого Владимира, 2-х степеней Святого Станислава и 4-й степени Святого Георгия. Таким обилием высших наград мало кто мог похвастаться в тот период, в том числе и среди многих знаменитых русских военных, не говоря уже о горцах.

Скончался А. Чермоев 27 сентября 1895 года в своем родном имении Арцу-юрте, где и был похоронен в тот же день. Интересный по своему замыслу надгробный памятник Арцу, сделанный из итальянского мрамора в виде ствола дерева с обрубленными ветками, по сути, повторил его судьбу. Памятник выставлен у чеченского государственного исторического музея в Грозном.

Все члены его семьи по мужской линии были возведены в ранг дворянства. 23 декабря 1899 г. последовало принятие Правительствующим Сенатом указа о пожаловании права потомственного дворянства сыновьям и внукам генерал-майора Арцу Чермоева с записью в дворянскую родословную книгу Ставропольской губернии под № 800 [7].

Его биография не могла не отразиться и на его потомках. Из семьи Чермоевых в разное время несколько членов семьи служили в личном конвое российского императора: Абдул-Меджид Арцуевич Чермоев (переведен в конвой из корнетов с переименованием в хорунжие гвардии 28 марта 1904 года) [8], Арсемик Арцуевич Чермоев-Барятинский (награжден серебряной медалью «За службу в Конвое Е. И. В.»), Александр Александрович Чермоев [9] и Владимир Александрович Чермоев.

Арцу нажил не только ордена и богатство, но и большую семью. Он был женат на трех женщинах, но детей имел от двух жен

(брак с Чунка Шахкинской был бездетным): от Таураз Кадиевой и Зайбуллы Дышнинской было 6 сыновей и 5 дочерей:

Арслахан (родился 14 июля 1849 года),
Арсемик (родился 15 апреля 1856 года),
Даниелсултан (родился 20 августа 1864 года),
Секинат (родилась 2 июня 1866 года),
Себибат (родилась 4 января 1867 года),
Абдул-Азиз (родился 2 апреля 1869 года),
Абдул-Муслим (родился 14 мая 1871 года),
Кабихан (Кабират) (родилась 12 января 1873 года),
Абдул-Меджид (родился 3 марта 1882 года),
Айзанат (родилась, 1 сентября 1883 года),
Ольмисхан (Эльмисхан) (родилась 5 октября 1888 года).

Судьба каждого из них стоит отдельной работы, но мы остановимся на отдельных представителях многочисленной семьи Арцу Чермоева:

Арслахан Арцуевич Чермоев был женат на Бане Набаевой, от которой имел двух сыновей: Омара, Османа и дочь Кису. Осман был убит во Франции, похоронен в Ницце.

Арсемик Арцуевич был женат на Селимат Узуриевой (Узериной) и на Макку Саралиевой. От брака с Селимат у него была дочь Марьям (погибла в застенках НКВД в Грозном), которая вышла замуж за Хусейна Экажева (у них было два сына: Рустаим и Мурат). От Макки у него была дочь Медина, вышедшая замуж за Мусу Курумова, и три сына: Юсуп, Мамед (Магомед), Энвер-бей (Рустам).

Денилсолт (Денисултан) Арцуевич, первый дипломированный агроном из числа чеченцев, окончивший московский университет. Имел двух сыновей: Абубакар (Пика), умер во Франции, был женат на Тамаре Бек Боровой, от совместного брака с которой имели трех дочерей: Дженару, Джанет и Белиту. Он скончался в Париже после второй мировой войны. Вторым сыном Денисултана – Туган, был женат на Яхе Мирзоевой, от совместного брака был сын Лорсан и две дочери: Рая и Яхум. Тугана расстреляли в 1939 г.

Абдул Муслим (Мина) Арцуевич был женат на Эпси Арслановой. Дети: три сына и дочь Зейнаб (замужем была за Гайдаром Бамматом). Сын Эмиль (Эмильхан) умер во Франции, похоронен со своей женой (урожденная Шербачева) в одной могиле на парижском кладбище Пер-Лашез. Второй сын Аскер (Аскерхан) умер в Чечне и третий Магомед (Магомедхан) был убит своим деверем во Франции в 1935 гг.

Абдул-Азиз (Мани) Арцуевич был женат на Курумовой Падам (Паду), от совместного брака с которой был сын Исмаил (умер в Чечне) и три дочери: Хава (Камиса, была замужем за Магомедом Чуликовым), Айшат (Ада, была замужем за Мурцалом Куриевым) и Халимат (Аминат, Дара, была замужем за Сухоровым и позже вышла замуж за Шварца).

Абдул-Меджид (Тапа) [10] Арцуевич был женат на азербайджанке Хавар (Хава) – султан Ханум Ибрагимбековой, от которой была дочь Золтанет, умершая в младенчестве в Чечне. В эмиграции жил в гражданском браке с Брайловски Натали (Brailowsky по первому мужу, урожденная Конельски) имел дочь, которую назвали Марианна, вышедшую замуж за англичанина Паркли и родившую сына и двух дочерей. Похоронена в Berkshire, England (Великобритания). Абдул-Меджид умер в августе 1937 года в Лозанне (Швейцария) [11], и похоронен на мусульманском кладбище в Бобиньи, что под Парижем (Франция).

Белита (Себибат) Арцуевна была замужем за Темирсултаном Тукаевым, от совместного брака с которым имели детей: дочери Эльвира, Малу и Зейнаб; сыновья: Дайдаш (Саид) (умер во Франции в 1954 г., офицер французского иностранного легиона) и от первого брака с Бероканом Эльмурзаевым был сын Чингизхан (офицер французского иностранного легиона, умер во Франции в 1942 году) похоронен в Бобиньи.

Секинат Арцуевна была замужем за генералом от артиллерии Эрисханом Алиевым. У них было два сына: Эглархан (был женат на Фаризе Абуковой) и Эксархан. Эрисхан вместе с сыновьями отказался покидать Чечню, и в нач. 20-х годах они были расстреляны большевиками в Грозном.

Кабихан (Кабират) Арцувна была замужем за Абдул-Вахаб Адуевым, от совместного брака с которым у них было три сына: Ваха (имел дочь Хаву), Усман и Магомед, и трое дочерей: Яха (имела сына Игоря), Камета (имела сына Исмаила и дочь Резиду) и Медина (другое имя – Бирлант, замужем за Султаном, имела сына Нохчо и дочь Тамару).

Айзанат Арцувна была замужем за Эдилханом (Эдилсултаном) Эльмурзаевым, от общего брака с которым у них были две дочери: Зулай (замужем за Шамсудином Мациевым, от совместного брака у них был сын Руслан и дочь Эльвира) и Марьям (замужем за Бекон Саракоевым, от совместного брака у них было трое сыновей: Азамат, Хамзат и Лялик и дочь Киса).

Ольмисхан (Эльмисхан) Арцувна была замужем за Юсупом Арсановым. Муж скончался на фронте Первой мировой войны. Детей не было, информация о втором замужестве также отсутствует.

Столь многочисленное потомство Арцу Чермоева практически было уничтожено в период репрессий Советской власти в 20–30-х годах XX века. Через тюрьмы и расстрелы прошли не только мужчины, но и женщины из этой фамилии. Даже тем, кто выехал и жил за рубежом, не всем удалось избежать преследований и безвременной кончины.

По линии брата Арцу Царыса (Александра после крещения), стоит отметить его сына Владимира Александровича – генерала российской армии, расстрелянного в 1931 году по делу «Весна» в Ленинграде, и его сына Александра Владимировича, который родился в 1898 году, был женат на Ольге Павловне Ухтомской. Сам Александр Владимирович ненадолго пережил своего отца – был расстрелян 13 декабря 1937 г.

По линии другого брата Арцу – Хас-Хаджи, мы имеем на сегодня многочисленное потомство, расселенное в селах Ножай-Юртовского, Гудермесского районов Чечни и в столице республики. Некоторая часть его потомком проживает за рубежом.

Использованные источники и литература

1. О награждении Чермо Исакаева серебряной медалью на георгиевской ленте в крепости грозная в 1854 г. // РГИА, ф. 1268, оп. 5, д. 44, л. 24 об.

2. Послужной список генерал-майора А. Чермоева // РГВИА, ф. 400, оп. 12, д. 20081, л. 24.

3. Список генералам по старшинству. Составлен по 1 сентября 1894 года. – СПб., 1894. С. 416.

4. *Исмаилов Э.* Георгиевские кавалеры – азербайджанцы. М.: «Герои отечества», 2005, С. 21.

5. Наделение землей Куромова, Белика, Чермоева и Алханова // ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 3214.

6. Земли Чермоева Арцу // РГАДА, ф. 1354, оп. 508, д. Ч-2.

7. Список дворян, внесенных в дворянские родословные книги Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей с 1795 по 1 декабря 1912 г. Составлен ставропольским дворянским депутатским собранием. Ставрополь, «Новая типография» Хаймовича. 1912. С. 87.

8. Россия. Военное министерство. Высочайшие приказы о чинах военных. Санкт-Петербург, 1904 г, С.227.

9. Собственный его императорского величества конвой: Ист. очерк: [С прил.]/Сост. С. Петин. – Санкт-Петербург: тип. А. С. Суворина, 1899. С.464.

10. *Вачагаев М.* Чермоев // Российская большая энциклопедия. М., РАН. 2017. электронная версия: https://bigenc.ru/domestic_history/text/4682467#

11. *Баммат Г.* Абдул-Меджид Чермоев // «Кавказ». Париж, 1937. №9. С. 31, 32.

А. А. Григорян
(г. Рио-де-Жанейро, Бразилия)

АРМЯНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ЯЛТЕ: ФАМИЛЬНАЯ УСЫПАЛЬНИЦА ГУКАСОВЫХ

Армянская церковь в Ялте является уникальным во многих отношениях архитектурным памятником, по праву относящимся к числу важнейших туристических достопримечательностей южного берега Крыма.

Величественное сооружение с грандиозной, в сто ступеней, парадной лестницей, стоящее на крутом горном склоне в окружении высоких пирамидальных кипарисов, создает потрясающий видовой эффект. Архитектура церкви, решённая в пропорциях жемчужины армянской архитектуры – церкви Сурб Рипсимэ в Эчмиадзине, сочетает лучшие традиции средневекового армянского зодчества со стилистикой модного в начале XX века стиля модерн, демонстрируя оригинальные конструктивные и декоративные решения. Широкая центральная лестница ведет не к западному фасаду строения, где традиционно располагается главный вход армянской церкви, а к её южному фасаду, украшенному низкой полуовальной аркой, обозначающей вход в усыпальницу, занимающую цокольный этаж церкви. Этой особенностью проекта, несомненно, подчёркивалось основное предназначение церкви как семейной родовой усыпальницы.

Кто же был заказчиком армянской церкви в Ялте? И кто похоронен в усыпальнице? Ответы на эти вопросы не столь очевидны, как можно было бы себе представить храм, которому всего

около 100 лет. Дело в том, что в период советского безвременья, депортации армянского населения Крыма, ялтинская церковь, как и многие другие, оставалась бесхозной. Усыпальница церкви подверглась вандализму, в результате чего были разбиты мемориальные плиты с именами похороненных в ней людей. В 1973–1986 годах архитектурный памятник был реставрирован, после чего там некоторое время размещалась экспозиция археологического сектора Ялтинского исторического музея, а в 1993 г. ялтинская церковь была передана Украинской епархии Армянской Апостольской Церкви. В ходе восстановительных работ найденные обломки мемориальных плит были возвращены на свои места, однако отсутствие некоторых кусков в надписях не позволяло составить точного и однозначного заключения об этом некрополе. Ситуация осложнялась тем, что имевшаяся информация о заказчике церкви и ходе её строительства была настолько скупа и противоречива, что ещё больше запутывала установление действительных лиц и событий.

В частности, в работе Крикуна [1] и ряда других авторов утверждалось, что церковь построена на средства крупного бакинского нефтепромышленника Погоса Тер-Гукасяна в память о рано ушедшей из жизни дочери. Поскольку единственный из армянских нефтепромышленников со схожим именем и фамилией – Павел Осипович Гукасов (Погос Гукасянц) – ни в каких документах и печатных материалах не фигурировал под фамилией Тер-Гукасян, возникало сомнение в идентичности этих двух лиц. Однако сопоставление прочих данных убедило, что заказчиком церкви мог быть только Павел Осипович Гукасов – старший из братьев Гукасовых, совладельцев нефтепромышленной фирмы «Каспийское товарищество», председатель «Совета съездов бакинских нефтепромышленников».

Что касается имени дочери, памяти которой П. Гукасов посвящал эту церковь, то и тут поначалу не всё было ясно. Вообще, первичной информацией, которой мы располагали, было обнаруженное в бакинской газете «Каспий» (№234) извещение П. О. Гукасова о смерти дочери Валентины, умершей в Гурзуфе (Крым) 5 июня 1901 г. Между тем, как свидетельствуют чудом

сохранившиеся обломки первой слева мемориальной плиты в усыпальнице, такая же дата смерти (5 июня) стоит под именем Рипсимэ Гукасянц. Разобраться в этом противоречии помогли сделанные впоследствии изыскания в архивных и библиотечных фондах. В частности, в Национальном архиве Армении [2, 17] было обнаружено собственноручно написанное П. О. Гукасовым 2 мая 1903 года вторичное прошение на имя Таврического губернатора, в котором он, в частности, пишет:

«В дополнение к прошению моему от 30 марта 1902 года, копию которого при сем прилагаю, честь имею вторично просить Ваше Превосходительство исходатайствовать мне в надлежащих учреждениях разрешение на постройку в г. Ялте армяно-григорианской церкви со склепом для могилы дочери моей Валентины Гукасовой и невестки моей Анаид Гукасовой, временно преданных земле на православном кладбище города Ялты...»

А в другом документе, обнаруженном в том же архивном деле [2, 12], и представляющем собой отношение Таврического губернатора в Эчмиадзинский синод, сообщается следующее:

«Проживающий в г. Баку Коммерции Советник Павел Осипович Гукасов обратился ко мне с просьбой, в которой изложил, что в июне 1901 года умерла в г. Ялте его дочь Валентина 17-ти лет, и погребена временно на Ялтинском православном кладбище...»

Эти документы не оставляют сомнения в том, что у П. О. Гукасова действительно была дочь под именем Валентина, памяти которой и посвящалась церковь. Что же до отсутствия этого имени на надгробных плитах, то объяснение этому может быть только одно: Валентина и есть Рипсимэ, под эти именем, очевидно данным ей армянской церковью при крещении (кстати сказать, так же звали мать П. О. Гукасова – Рипсимэ Андреевна Гукасова), Валентина – Рипсимэ и была захоронена. Такой вывод объясняет и то обстоятельство, что прообразом для армянской церкви в Ялте послужил храм Сурб Рипсимэ в Эчмиадзине.

Позднее нами были обнаружены в ялтинских газетах 1912 года извещения о перезахоронении в усыпальнице троих детей Гукасова, в том числе Рипсимэ, однако обо всём по порядку. Возвраща-

ясь к истории строительства ялтинской церкви, важно отметить, что для реализации своего плана Гукасовым за 8700 рублей был приобретён земельный участок на окраине Ялты, близ деревни Дерекой [2, 23–24], а также заказаны планы и эскизы будущего строения (они сопровождали оба прошения) талантливому армянскому художнику и архитектору Вардгесу Суренянцу. Выбор Гукасовым Суренянца был, очевидно, не случаен. Во-первых, этому мастеру, жизнь и творчество которого были тесно связаны с Крымом, были хорошо знакомы местные условия, а во-вторых, он очень хорошо знал и понимал армянскую храмовую архитектуру. Немалую роль в этом сыграло то обстоятельство, что в 1890-х годах Суренянец преподавал живопись и историю искусства в Эчмиадзинской духовной семинарии, именно тогда он сделал множество копий фресок кафедрального собора и армянских миниатюр, а также написал картину «Церковь Рипсимэ». Кстати сказать, первая и единственная при жизни художника персональная выставка состоялась в 1901 году в Баку, как знать, возможно, при поддержке П. О. Гукасова.

Высочайшее соизволение Государя Императора на постройку армяно-григорианской церкви в г. Ялте было получено Эчмиадзинским Синодом в феврале 1904 г. [2, 27], после чего, по-видимому, П. О. Гукасовым и был заказан гражданскому инженеру Г. Тер-Микелову подробный архитектурно – строительный проект церкви. Габриэл Тер-Микелов при выполнении проекта, естественно, опирался на эскизы Вардгеса Суренянца, вместе с тем он привнёс в проект церкви много своего, личного. Особенно справедливо такое утверждение для усыпальницы, которая на эскизах Суренянца представлялась небольшим простым склепом, а в реальности получила по проекту Тер-Микелова роскошную, оригинально оформленную трехъярусную композицию. Некоторые детали относительно этапов строительства армянской церкви были установлены в конце 80-х годов прошлого века А. С. Филатовым, в то время старшим научным сотрудником сектора археологии Ялтинского исторического музея, в частности, показавшего, что строительство церкви не могло быть окончено в 1909 году, как полагает Э. А. Тигранян в книге «Габриэл Тер-Микелян». Обнару-

женные Филатовым [4] документы и свидетельства удостоверяют, что в 1909 году сама церковь ещё не строилась, а была построена или, точнее сказать, находилась в процессе строительства усыпальница с ведущей к ней лестницей. В пользу такого вывода нами были получены новые подтверждения. В первую очередь, это извещение о смерти и похоронах сына П. О. Гукасова – Александра (о котором подробно будет рассказано ниже), опубликованное в петербургской газете «Новое Время» от 10 апреля 1909 г. (№ 11880), заканчивающееся следующей информацией: «... *О дне перевезения тела в гор. Ялту для погребения в фамильном склепе будет объявлено особо*». Таким образом, как можно заключить из этой информации, склеп уже был частично построен и, очевидно, в связи с предполагавшимся переносом в него останков Александра Павловича Гукасова строительные работы были активизированы. Вместе с тем, по-видимому, и тогда, в 1909 году они не были завершены, поскольку в действительности перезахоронение состоялось только спустя 4 года. Однако обо всем по порядку. Прежде чем перейти к хронологии дальнейших событий, мы остановимся подробнее на самой смерти сына П. О. Гукасова, очередной и, к сожалению, не последней трагедии в его семье. Это событие нашло отклик во многих петербургских и провинциальных газетах. Вот что, в частности, сообщало «Новое Время» в том же номере от 10 апреля в разделе «Происшествия»: «*В ночь на 9 апреля в д. 24 по Кирочной ул. в квартире своего отца известного нефтепромышленника, члена Г. Совета, застрелился прапорщик запаса Александр Павлович Гукасов, 23 лет... Причина самоубийства Г. неизвестна.*» Из других газет мы узнаём дополнительно, что Александр около года назад закончил отбывать воинскую повинность в лейб-гвардии Егерском полку, откуда вышел прапорщиком запаса, жил при отце, помогая ему в сложных делах по ведению хозяйства, по управлению домами и предприятиями. О причинах самоубийства ничего определённого газеты не сообщали. «Петербургская газета» (№ 96 от 10 апреля) писала, что якобы молодой человек отличался странностями и часто поддавался припадкам меланхолии, лечился за границей от нервных болезней, однако эта информация не подтверждается другими источни-

ками, так что, скорее всего, её следует отнести к домыслам автора статьи. В средствах молодой Гукасов не нуждался, образ жизни он вёл крайне аккуратный и слыл в коммерческих кругах «добрым малым». Поэтому толки о крупном проигрыше в карты, утвердившиеся среди ялтинцев, нельзя считать основательными. Так или иначе, после потери рано ушедшей из жизни дочери, Павел Осипович и его супруга Евгения Самуиловна лишились и совсем ещё молодого сына, которому было всего 23. Александр Гукасов был похоронен на Смоленском кладбище Петербурга 12 октября 1909 г. Однако, как мы уже упоминали выше, это была не последняя трагедия с детьми П. О. Гукасова. Через 4 года, здесь же в Петербурге, но уже в особняке на Литейном проспекте, куда переселилось семейство Гукасовых, разыгралась ещё более ужасная кровавая драма, жертвой которой стала, на этот раз, молодая дочь Гукасовых – Маргарита. Ей, недавно окончившей привилегированную гимназию княгини Оболенской слушательнице высших женских курсов, было всего немногим более 20 лет. Слепая любовь несостоявшегося жениха прервала её жизнь на самом взлёте. Очевидно, что трагическая смерть дочери повергла Гукасовых в глубокий шок. По этой ли причине или потому, что в деле был замешан правительственный чиновник, дело некоторое время не предавалось огласке. Создаётся впечатление, что столичным газетам было наложено табу на освещение этой драмы. На третий день после происшествия, в № 252 от 14 сентября «Петербургская газета» опубликовала подробное его описание, не называя при этом фамилий и имён (Гукасов в этой статье был обозначен как миллионер X., а убийца его дочери как чиновник N.). И только на четвёртый день близкая к правительственным кругам и хорошо информированная газета «Новое время» (№ 13474 от 15 сентября) смогла поместить заметку «К убийству М. П. Гукасовой» (ещё через 4 дня в этой же газете было напечатано извещение о панихиде, которая должна была состояться 20 сентября, на 9-й день кончины Маргариты Гукасовой, в гимназии кн. Оболенской). Вот что сообщало «Новое время»: *«11 сентября, в 9 часов вечера, кандидат на классную должность помощника обер-секретаря Правительствующего Сената, Павел Бережанов, тяжело ранил че-*

тырьмя выстрелами дочь бывшего члена Г. Совета, П. О. Гукасова, Маргариту Гукасову; пятым выстрелом в висок Бережанов покончил с собой. М. Гукасова, несмотря на оказанную немедленно помощь проф. Цейдлером, Оппелем и др., на следующий день скончалась, сохранив до последней минуты сознание. Покойный отец Бережанова служил управляющим в «Каспийском товариществе», во главе которого стоит П. Гукасов, и П. Бережанов с детства бывал в семье Гукасовых, как свой человек. Весной этого года Бережанов сделал предложение М. Гукасовой, но получил от неё отказ. Бережанов уехал на Кавказ. Вернувшись в начале сентября в Петербург, Бережанов явился к Гукасовым в обычный приёмный день, в воскресенье, 8 сентября. Здесь он повторил своё предложение, но М. Гукасова вновь отказала. 11 сентября вечером Бережанов снова явился к Гукасовым, на этот раз со своей матерью. Это было около 8 часов вечера. Квартира Гукасовых расположена в двух этажах особняка на Литейном проспекте. В верхнем этаже лежала больная мать М. Гукасовой; к ней провели Бережанова с матерью. Тут же были М. Гукасова и её брат. М. Гукасова около 9 час. вечера вышла из комнаты матери, чтобы спуститься в нижний этаж переговорить по телефону. За нею через несколько минут вышли Бережанов и брат М. Гукасовой. Через некоторое время брата Гукасовой вызвали наверх. Едва он успел подняться на площадку лестницы, как услышал звук выстрела – одного, другого, третьего... Он бросился вниз. Сестра его Маргарита лежала раненая в спину и живот, а Бережанов он застал уже мёртвым. Покойная была слушательницей высших женских курсов.» Наряду с этой публикацией, по-видимому, имела место и другая, нами пока не обнаруженная, информация неизвестного происхождения, называвшая убийцей Маргариты Гукасовой совсем другого человека. Именно эта информация просочилась в провинциальную прессу, окончательно запутав и без того закрытую историю. Так, в трёх крымских газетах: «Ялтинском курьере» (№59 от 16 сентября 1913 г.), «Русской Ривьере» (№207 от 17 сентября) и «Вестнике Юга» (№208 от 17 сентября) были напечатаны краткие сообщения об убийстве, причём убийцей назывался некто Мизарьян (в другом случае Ме-

зарьян), сын управляющего одним из имений Гукасовых. В вышедшей на родине Гукасовых – Карабахе – газете «Шушинская жизнь» (№ 36 от 19 сентября 1913 г.) убийцей также называется Мезарьянц, при этом наряду с другими неточностями, дочь Гукасова называется неверным именем – Ольгой. Впрочем, через некоторое время «Шушинская жизнь» исправляет эту ошибку, поместив в № 45 сообщение о том, что *«...П. О. Гукасов решил почтить память трагически погибшей дочери Маргариты постройкой собственного здания для какого-либо крупного национального учреждения...»*.

Трагическая смерть Маргариты вынуждает Гукасовых совершить совместное захоронение всех троих своих детей в усыпальнице ялтинской церкви, здание которой к тому времени, как это установил и показал Филатов [5], было уже возведено (работы по внутреннему оформлению церкви проводились позднее, в 1917–21 гг.). В воскресенье 22 сентября 1913 г. ялтинские газеты «Русская Ривьера» и «Вестник юга» вышли с извещениями от имени Евгении Самуиловны и Павла Осиповича Гукасовых, а также от ктитора армянской церкви, о предании земле останков Рипсимэ, Александра и Маргариты Гукасовых, которое должно было состояться в 12 часов того же дня в фамильном склепе при церкви. Эти извещения являются, пожалуй, последними неопровержимыми доказательствами того, кто в действительности покоится в усыпальнице ялтинской армянской церкви. Хочется надеяться, что когда-нибудь мемориальные плиты на могилах Рипсимэ и Александра будут восстановлены в их первоначальном виде, для чего ещё предстоит установить даты их рождения. Информация об этом может быть получена либо из архивов ЗАГСа Азербайджана, где, по-видимому, могут ещё храниться метрические книги бакинских армянских церквей, либо от ныне живущих потомков семьи Гукасовых. Кстати сказать, после октябрьского переворота Гукасовы эмигрировали во Францию, где уже через несколько лет появился некрополь этой семьи на знаменитом парижском кладбище Пер-Лашез [3]. 19 декабря 1922 года Павел Осипович и Евгения Самуиловна похоронили там четвёртого своего ребёнка – дочь Магдалину (она же Мария), умершую 13 декабря в Камбо. В

1928 году умерла престарелая мать братьев Гукасовых – Рипсимэ Андреевна, а сам Павел Осипович скончался в возрасте 79 лет 22 декабря 1937 года. На том же кладбище Пер-Лашез нашли своё упокоение сестры П. О. Гукасова – Анна Осиповна Мадатова (? – 13 июля 1926 г.) и Сатеник Осиповна Бегларян (1867–1954). Умерший в Париже 27 апреля 1969 г. (на 97-ом году жизни) младший из братьев Гукасовых – Абрам Осипович, согласно его завещанию был похоронен в Женеве (Швейцария), где он обосновался в последние годы своей жизни, и где им был основан Фонд братьев Гукасянц, имеющий целью охрану армянского языка и культурных ценностей армянского народа.

Автор выражает глубокую признательность всем коллегам за помощь, оказанную в подготовке статьи, а также настоятелю Церкви Сурб Рипсимэ в Ялте отцу Иеремии Макияну за предоставленные фотоматериалы.

Рио-де-Жанейро – Москва – Ереван

Использованные источники и литература

1. Крикун Е. В. Архитектурные памятники Крыма. – Симферополь, 1977
2. Национальный Архив Армении. Ф. 56. Оп.1. Д. 949.2,
3. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997, т. 2 – М., 1999.
4. Филатов А. С. Архитектурная жемчужина // Газ. «Советский Крым», 13 сентября 1987 г. С.3.
5. Филатов А. С. Лебединая песня Суренянца // Газ. «Советский Крым», 2 октября 1988 г. С.3.

Гусейнов Г.-Р. А.-К.
(г. Махачкала, Россия)

МИРЗОЕВЫ И ДОСОВЕТСКАЯ ЭЛИТА ЧЕЧНИ (ИСТОРИЧЕСКИЕ И ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Сто лет назад Россия вступила в горнило очередной реорганизации своего жизненного устройства: началась гражданская война, разделившая судьбу ее элиты на два взаимоисключающих круга – до и после этого эпохального события. Не миновала общей судьбы и Чечня, за полвека до этого окончательно вошедшая в состав России. Благодаря этому обстоятельству здесь образовалась новая, ранее неизвестная традициям чеченского народа финансово-экономическая элита, сошедшая с исторической арены после гражданской войны.

Почти через десять лет после ее окончания будущий знаменитый советолог А. Г. Авторханов (1908-1997) в своей книге «К основным вопросам истории Чечни (к десятилетию советской Чечни)» (1930) говоря об «агентуре Деникина в Чечне», вошедшей в так называемый «Комитет по очищению Чечни от банд большевиков и Узун-Хаджи» обозначит основной круг досоветской элиты Чечни. В него «вошли: председатель комитета Ибрагим Чуликов, тов. Председателя Ахмед Цутиев, Ахмет-Арса Мирзоев [Арсамирзоев], Умар Хамирзоев, Элби Исламов, Абдул-Азим Муштафинов, Касум Баширов, Абубакар Мирзоев, Эльмурза Мациев и Эти Яндаров. Один социальный состав «комитетчиков» говорит сам за себя: все они крупные грозненские коммерсанты, домовла-

дельцы, промышленники во главе с выдающимся деятелем контрреволюции буржуазным интеллигентом Ибрагимом Чуликовым» [1, 67]. Полагают также, что вышеупомянутый комитет, или совет, был создан при правителе Чечни генерале-от-артиллерии Эрисхане Алиеве, назначенным Деникиным главой гражданской администрации Чечни.

Однако в следующей своей книге «Революция и контрреволюция в Чечне. Из истории гражданской войны в Терской области. Краткие очерки» [2], вышедшей в Грозном в 1933 г., А. Г. Авторханов, как отмечают современные исследователи, «о чеченских национальных деятелях, поддерживающих Деникина говорится лишь вскользь, мельком» [3, 36]. Тем более, что уже в следующем году после выхода из печати эта работа подверглась критике, авторы которой пришли к выводу о том, что «очерки т. Авторханова нельзя признать законченным научным исследованием, но как подготовительная работа к такому исследованию в смысле подбора и систематизации материала она представляет несомненную ценность» [4,135].

Вместе с тем следует отметить, что расцвет чеченской финансово-экономической элиты в лице большей части вышеупомянутых деятелей относится к периоду первой мировой войны, предшествовавшей гражданской. В частности, характеризуя состояние дел фирмы знаменитого чеченского купца и предпринимателя этой эпохи Абубакара Мирзоева (прадед по отцовской материнской линии автора этих строк, см. слева предположительный его фотопортрет), один

из авторов того времени писал, что «его портфель на 3/4 удовлетворительного качества, а остальные векселя малоизвестных чеченцев, разбросанных в разных аулах». Он имел в Грозном и за его пределами мануфактурную и бакалейную торговлю, два дома, стоимостью в 150 тысяч рублей, а также пахотные земли [см. 5,

234–249]. Они, по всей видимости, располагались в черте хутора Мирзоева, основанного еще в 1887 г. при селе Урус-Мартан, родине клана Мирзоевых, и находившегося в 35 верстах от Грозного [6, 96 табл], что примерно соответствует нынешнему расстоянию от Грозного до Урус-Мартана и, возможно, свидетельствует о его нахождении за пределами черты данного населенного пункта ко времени его основания.

К числу косвенных свидетельств высказанного предположения следует также отнести в черте нынешнего Урус-Мартана урочище *Абубакаран хьераиш латтинчу* «Абубакара мельницы где стояли» вдоль оросительного канала в северной части селения. Не исключено, что под хутором Мирзоева могли подразумеваться также находящиеся в 7 км южнее Урус-Мартана сс. Рошни-Чу и Танги-Чу, о чем может говорить и смешанный тейповый состав их населения, включающий в последнем из них представителей тейпа Гендаргной – первопоселенцев Урус-Мартана, к которым относятся и Мирзоевы.

Известно, кроме того, что чеченский шейх Шаптукаев был одним из организаторов нефтепромышленного общества «Старо-Юртовская нефть». Компаньонами А. А. Шаптукаева в компании «Старогрозненская нефть» выступают крупные чеченские купцы и предприниматели Баширов (см. в предшествующем изложении), Бадуев, Батукаев и Мирзоев. Был известен близостью к крупнейшему чеченскому нефтяному магнату Абдул-Между (Тапе) Чермоеву крупный коммерсант и шейх Юсуп-Хаджи Байбатыров [7], находившийся в родстве с Мирзоевыми и хорошо известный в их кругу.

И впоследствии, в период Гражданской войны, Абубакар Мирзоев оказывал конкретную помощь (фуражом, деньгами и оружием) известному чеченскому революционеру Асланбеку Шерипову [8] – одному из руководителей борьбы за Советскую власть на Северном Кавказе в годы Гражданской войны, погибшему в 1919 г.

Поступок, видимо, далеко не случайный, если принять во внимание, что сын его брата Тарама [9, 33] (дед по материнской ли-

нии автора этих строк), тоже купца первой гильдии, Йела (Али) от брака с дочерью Солса-хаджи Яндарова – одного из шейхов ордена Накшбанди в Чечне, ушедший из семьи и трудившийся на Грозненских нефтепромыслах, был одним из первых чеченских социал-демократов, но скончался от туберкулеза до Октябрьской революции. С другой стороны, сестра братьев Тарамовых, выданная замуж за одного из представителей рода Солса-хаджи Яндарова, была бабушкой недавно скончавшегося профессора доктора философских наук, специалиста по суфийскому исламу А. Д. Яндарова [см.10, 58].

Кроме того, в отчете инспектора Тальма, который ревизовал во время войны в ноябре 1915 года грозненское отделение Русско-Азиатского банка, даются характеристики отдельных представителей зарождающейся чечено-ингушской буржуазии: Арса-Мирзоевых, Башировых, Мустафиновых, Шептукаевых, Мациевых. Эльмурзаевых и др. Это были крупные скотопромышленники, скупщики и продавцы шерсти, кукурузы, мануфактуры, владельцы больших домов, магазинов, участков земли, мельниц, керосиновых складов. Причем он отметил, что в Грозном «мануфактурная торговля находилась исключительно в руках чеченцев». В 500 тысяч рублей оценивалось состояние Эльмурзы Мациева, в такую же сумму – Ахматхана Эльмурзаева. Втягиваясь в общероссийский торговый оборот, чеченские купцы, как, например, Баширов Касум, «дельный и энергичный коммерсант» (как его характеризует Тальма), ежегодно закупал различные товары на Нижегородской ярмарке [5, 234–249].

То же самое можно сказать и о братьях Мирзоевых, которые регулярно посещали Нижегородские ярмарки, как, например, в 1909 году, их брат Исмаил, проживавший в Урус-Мартане [9, 32].

Мирзоевы находились также в родстве с вышеупомянутыми Мациевыми, и, по воспоминаниям Зарган Мациевой-Мирзоевой, жены младшего сына Абубакара Мирзоева Заурбека, племянницы Гехи и Эльмурзы Мациевых – потомков Моцы, «богатые купцы обосновались в Грозном на левом [точнее, правом] берегу Сунжи. Мирзоевы, Мациевы, Чуликовы, Цутиевы, Арсамирзоевы...

Там же поселились и русские богачи Беликовы». По ее данным, Мациевы находились также в родстве с Цутиевыми, Даутовыми, Гусейновыми (Хусейн, брат деда автора этих строк по отцовской линии Хабибуллы Гусейнова, был женат на одной из Мациевых). Мациевы находились в родстве и с Яндаровыми, если иметь в виду дочь Гехи Камета Мациеву-Яндарову, имя которой известно автору этих строк с детских лет, как и Альгустан – младшей дочери Моци Мациева, еще живые во второй половине XIX-конце XX века [11].

Мирзоевы находились, кроме того, в родстве с другими известными в Чечне фамилиями – Чуликовых, Чермоевых и Цутиевых (на Аминат (Аме) Цутиевой был женат один из старших сыновей Абубакара). Последние две из них имели потомственное российское дворянское достоинство: все представители рода генерал-майора Арцу Чермоева с записью ДРК Ставропольской губернии, а Цутиевы были внесены в родословные дворянские книги Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей [см.:12; 13, с.180].

Причем в список представленных к российским наградам чеченцев (во второй половине XIX – конце XX века) из лиц, упомянутых А.Г. Авторхановым, и их предков вошли: Чермоев Арцу (ордена Св. Станислава 3-й степени с бантом, Св. Владимира 4 ст. с бантом, Св. Станислава 2-й степени с короной и мечами, Св. Анны 3-й степени с бантом), Цутиев Ватуш (ордена Св. Станислава 2-й степени с короной и мечами, Св. Владимира 4 ст. с бантом, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом), Чуликов Уллубий (Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом) и Яндаров Булат (Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость») [6, 194–195].

Таковыми были родственные связи клана Мирзоевых с чеченской элитой к началу гражданской войны и некоторые стороны его имущественного положения. Кроме того, следует отметить и то, что часть упомянутых А.Г. Авторхановым и некоторых иных лиц была последователями кумыкского шейха накшбандийского тариката Башира из Эндирея, одного из набов имама Шамиля.

К ним относятся выходцы из ичкеринских тейпов: Докку-шейх Шептукаев из Дойкур-Эвла (Старого Юрта, тейп Зандакой), Дени-шейх Арсанов из Зебир-Юрта из (тейп Энгиной, его мюридами были Мирзоевы, относившиеся к тому же тейпу) и Солса-Хаджи Яндаров из Урус-Мартана (тейп Гендергной) [см.14, 19, 364–365, 368–369, 379–379].

Использованные источники и литература

1. *Авторханов А.Г.* К основным вопросам истории Чечни (к десятилетию советской Чечни). Грозный: Серло, 1930. – 105 с.

2. *Авторханов А.Г.* Революция и контрреволюция в Чечне. Из истории гражданской войны в Терской области. Краткие очерки. Грозный: Чеченское национальное издательство, 1933 г. – 173 с.

3. *Орешин С.А.* Национально-государственное строительство на Северном Кавказе. 1917–1921 гг.: дисс. канд. ист. наук. М. 2015. – 239 с.

4. *Тлюняев Н., Иванов А.А. Авторханов А.Г.,* Революция и контрреволюция в Чечне // Историк-марксист, №2 (036), 1934. С.132–135.

5. Влияние первой мировой войны на Чечено-Ингушетию // Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т.1. С.234–249.

6. *Ибрагимова З.Х.* Чеченцы в зеркале царской статистики (1860-1900). М.: Пробел, 2006. – 241с.

7. *Сулумов З.Х.* Возникновение и развитие нефтяной промышленности в Чечне до 1917 года // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1–1// URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=18290> (дата обращения: 25.06.2018).

8. *Гортикова Малика.* Меценаты в дореволюционной Чечне // Молодежная смена, №40, 1 июня 2011 г. // URL: <http://checheninfo.ru/7579-mecenaty-...> (дата обращения: 25.06.2018).

9. *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* Гусейновы и Мирзоевы: К генеалогии двух купеческих династий Терской области (новые фотоматериалы) // Материалы VIII Международной научной конференции

«Генеалогия народов Кавказа: традиции и современность». Владикавказ, 2016. С. 31–33.

10. *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* Имамы и шамхалы в Кавказской войне К 180-летию гибели Хасан-Хусейна // Вестник Института ИАЭ. Махачкала, 2014. №2. С.50–59.

11. *Гортикова М. М.* Именитые купцы Мациевы и их потомки. ЖЗЛ // URL:<http://vaynakh-journal.ru>. ИА «Чеченинфо» (дата обращения: 25.06.2018).

12. *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* Хасан-Хусейн – ученый и воин. К 180-летию гибели // «Ёлдаш», 20 июля 2012 г.

13. *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* Кумыки и чеченцы – потомственные дворяне Терской области в контексте вопроса об их этнической принадлежности // Материалы XII Международных Дворянских чтений. Краснодар (Екатеринодар), 2016. С.176–186.

14. *Аджаматов Багаутдин.* История Кавказа и селения Эндирей. Башир-шейх аль-Яхсави. Махачкала, 2017.

А. Э. Гутиева
(г. Владикавказ, Россия)

ГУТИЕВЫ ИСТОРИЯ ФАМИЛИИ

*Женица баюкает ребенка
и поёт ему, поёт о том,
что похож он очень на орлёнка,
значит, будет как отец – орлом!...*

Р. Валаев

Проблема изучения истории своей семьи является одной из значимых. Каждому человеку нужно знать и чтить своих предков. Это дань благодарности, дань памяти, поэтому возникает потребность в изучении родословной. А так как я знаю ещё очень мало о своих предках, решила исследовать историю моего рода, установить родственные связи. Каждый человек хоть раз в жизни задумывался о своем происхождении. Все родственные связи подобны ветвистому дереву. Человек, который говорит, что у него мало родственников, просто не дорожит историей фамилии. Нас учат на уроках истории, что работа в научных архивах, с различными информационными источниками, общение со старшими фамилии или рода открывает много интересных фактов, позволяет по-другому взглянуть на привычные вещи, ознакомиться с национальным образом жизни, социальным положением родственников.

Потребность знать историю своего рода обусловлена многими причинами, прежде всего, отечественной историей с ее многочисленными войнами, революциями, потерями родственных связей.

История рода, история семьи, семейная память, семейная

биография... Эти понятия всегда неразрывно связаны с историей всей страны.

Стремление ухватить ускользающую нить своего рода, достойно продолжить его, желание гордиться своими предками и на их примере воспитывать подрастающее поколение – вот, пожалуй, главные мотивы человека, составляющего свое родословное древо сегодня.

На протяжении столетий семья являлась самым прочным звеном общества и наиболее эффективным средством сохранения культуры народа. Именно в семейном быту, в закреплённом обычаями порядке повседневной жизни, хранится и передается из поколения в поколение не только биологическая, но и социальная наследственность. Следовательно, особое значение для воспитания подрастающего поколения приобретают знания о прошлом своей семьи. Таким образом поддерживается связь поколений.

Современные семьи теряют связь поколений, мало общаются не только дальние, но и близкие родственники. Изучение родословной способствует как воспитанию молодого поколения на примере жизни Старших, так и более близкому общению членов рода.

Родовое селение фамилии Гутиевых – Гутъиатыхъау. Оно расположено на левом берегу реки Фиагдон в Куртатинском обществе Северной Осетии. Название селения дословно можно перевести как «селение Гутиевых». Село это первое после въезда в Хилакское ущелье. Гутъиатыхъау относится к тем поселениям, в которых жили представители только одной фамилии.

По фамильным преданиям, основание села относится примерно к XVI веку, и первоначально оно располагалось на другом берегу реки. Лишь через сто лет род, который уже не помещался на старом месте, основал село, дошедшее до наших дней [1].

Гутъиатыхъау – небольшое село. В лучшие годы там проживало 20 дворов рода Гутиевых. Но постепенно фамилия расширялась, да и довольно суровые условия жизни вынуждали людей уходить из этих мест. Сначала несколько семей поселились в Харисджине, затем еще несколько уехало в Дзивгис. К 1909 году

из 20 дворов осталось только 13; а меньше чем через 20 лет, в 1924 году, из села Гутиевых выселился последний житель [2].

В селении Гутъяатыхъæу сохранились три боевые башни Гутиевых, два полуподземных фамильных склепа. В 1,5 км. от селения расположена Куртатинская заградительная стена, пересекающая Куртатинское ущелье по оси с запада на восток, перекрывая доступ в южную часть каньона. Ее протяженность 335 м. Непреступность стены обеспечивалась шестью массивными боевыми башнями, выдвинутыми на север [3]. Еще две башни Гутиевы построили в Харисджине [4].

Куртатинское общество занимало ущелье реки Фиагдон Северной Осетии и состояло из двух общин – Куртатинской и Цимитинской, названия которых произошли от собственных имен – Курта и Цимити – родоначальников привилегированных фамилий Куртатинского общества. При разборе сословных прав куртатинцев в сер. XIX в., кроме прямых потомков Курта и Цимити, только две фамилии – Гутиевы в Хилаке и Томаевы в Кора были признаны равными по происхождению и положению Куртатинским и Цимитинским старшинам [5].

Документы Комиссии для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей называют 19 привилегированных фамилий. В их числе и Гутиевы [6].

28 января 1860 г. выбранные народом из всех сословий Куртатинского общества, «почетные и заслуживающие доверия депутаты в присутствии Комитета относительно своего сословия, ищущего преимущества перед другими сословиями этого же общества», показали следующее: «В обществе нашем, как теперь, так и прежде, пользовались некоторою предпочтительностью не только между своим обществом, но и в других соседних народах, следующие фамилии: Арисхановы, Богаевы, Борсиевы, Гумецаевы, Гусовы, Гуриевы, Габисовы, Гайтовы, Есиевы, Сокаевы, Томаевы, Тезиевы, Цаликовы, а также и цимитинские: Елоевы, Каржиевы, Гутиевы и Таучеловы» [7].

В прошении доверенных лиц 1-й степени узденей Осетино-Цимитинского общества в Комитет от 18 августа 1859 г. ска-

зано следующее: «Фамилии, составляющие в настоящее время общество Осетино-Цимитинское, ведут начало свое от 3-х сыновей Цимити: Калаога, Дадыга и Башила. Фамилии эти, вместе с фамилиями Томаевыми и Гутиевыми, живущими в Цимитинском ущелье, владея собственными землями и другими угодьями и будучи вполне самостоятельны – ни от кого не зависимы, и издревле пользовались уважением наравне с почетнейшими фамилиями, принадлежащими к сословию Тагаурских алдар и дигорских Бадилянтцев, как в народе, так и у правительств Грузинского и Русского по занятии ими, последними, Кавказа [8].

Гутиевы – фамилия примечательная и уважаемая в Осетии. Выйдя из такого небольшого села, ее представители расселились по всей Осетии.

Среди Гутиевых было много офицеров, принимавших участие почти во всех войнах. Например, в войне с Турцией героически сражался Будзи Гутиев, сын прапорщика Астемира Гутиева. В Первой мировой войне 1914–1918 гг. участвовали несколько представителей рода: полковник Ахтемир Гутиев – полный Георгиевский кавалер, урядник Бечмырза Гутиев – кавалер двух Георгиевских Крестов, поручик Владимир Гутиев, полковник Александр Гутиев – командир 2-го Осетинского конного полка.

Но самым знаменитым и почитаемым из Гутиевых был Мысырби (Мисост) Гутиев. Он родился в 1830 году в селе Харисджин. После учебы начал службу в Кавказской горной конной дивизии. Затем служил в Терской постоянной милиции. В 1865 году правительство Терской области поручило Мысырби сопровождать группу переселенцев из Чечни в Турцию. 11 июня 1865 года Мысырби благополучно довел до границы две группы переселенцев со всем их имуществом: 219 семей, 319 повозок, 220 лошадей и 532 головы скота. Как один из самых почетных представителей осетин Мысырби Гутиев совместно с Леваном Хетагуровым, отцом Коста Хетагурова, был назначен ответственным за расселение безземельных осетин на предоставленных государством земель в Кубанской области [9]. Мысырби Гутиев участвовал в Венгерской компании 1849 г., в Кавказской войне

1853–1857 гг., в покорении Чечни и Дагестана 1857–1859 гг., а также в войне против Турции 1877–1878 гг. [10, 67] Везде он сражался мужественно, и получил геройские награды: Орден Мужества, орден Св. Анны 4-й степени, орден Св. Станислава 3-й степени, золотые и серебряные медали «За храбрость», серебряные медали за покорение Чечни и Дагестана, бронзовую медаль за войну с Турцией, крест «За службу на Кавказе». Кроме того, удостоен чина прапорщика [9].

Представители фамилии активно участвовали в разного рода строительствах. К примеру, Мырза, Гагка и Александр Гутиевы входили в Комитет по постройке церкви и школы в Беслане под руководством известного священника-просветителя Харлампия Цомаева.

В 1889 г. просветитель Гагка (Гаха или Николай) Гутиев основал в селении Тулатово (ныне г. Беслан) одну из первых в Осетии школ, пожертвовав на это свой собственный каменный (в то время большая редкость) дом [10]. Гагка Гутиев был пожизненным попечителем учебного заведения, выполняя свое обещание «не отстать от дел добрых и продолжать их до тех пор, пока Бог даст здоровье». И свое обещание выполнил. Позднее Гагка был награжден золотой медалью Владикавказской епархии за особый вклад в развитие просвещения в Осетии [11, 21].

У моего прадеда было пять старших братьев: Хаджимусса, Аузби, Дзантемыр, Барыспи, Джетагаз. Мой прадедущка, Гацир, был самым младшим из них. Он погиб на фронте в 1942 году. Пропал без вести... Письмо, которое он написал с фронта – единственное, что у нас осталось от него. Прадедущка был обучен грамоте, безупречно писал как на осетинском, так и на русском языках.

Шесть братьев Гутиевых жили в Беслане и занимали почти целый квартал. Дом делился на две половины – хозяйскую и батрацкую. Второй по старшинству брат, Аузби, был селекционером и занимался разведением овец. В своей работе он очень многого добился, но главное его достижение – это порода овец, у которой было на три ребра больше, чем у обычной овцы. Тогда,

в Бухаре, проходила выставка различных достижений в народном хозяйстве, и Аузби Гутиев являлся постоянным ее участником. У него был небольшой чемоданчик, в который он складывал свои грамоты и дипломы, привезенные с этой выставки. Аузби был очень уважаемым, трудолюбивым и строгим. Когда он приезжал откуда-нибудь, то, не слезая со своего коня, показывал кнутом в сторону батрацкой половины, обращался к своим братьям и их женам: «Эти люди сытые, чистые? Они нас содержат, а не мы их, никогда об этом не забывайте!». Батраками называли тогда всех людей, которые нанимались на работу. Рассказывали, что у Гутиевых они были на том же положении, что и их хозяева. Вряд ли история знает много случаев, когда хозяйские жены готовили еду и стирали своим работникам сами.

30-е годы XX века были очень сложными, голодными... Подобные семьи признавались зажиточными, и их пытались «раскулачивать», хотя все знали, что Гутиевы оказывают всевозможную помощь нуждающимся соседям и не только им. Они исправно платили налоги государству. Но по анонимному доносу в одночасье Гутиевы лишились всего. У них забрали земли, скот, дом и арестовали всех мужчин этой семьи... Моя прабабушка, Минка Тулатова-Гутиева, с трехмесячным ребенком (моим дедом) не знала куда идти. Ей пришлось уехать в Пятигорск, к своей сестре Дине Тулатовой-Абисаловой. Там они прожили почти 16 лет, а потом, после войны, вернулись в родную Осетию. Сели на поезд и вышли на станции в первом же осетинском селе. Это была станция Эльхотово.

Мой дедушка – Гутиев Шамиль Гацирович, рано узнал, что такое взрослый труд, так как остался за старшего мужчину в семье.

Военные и послевоенные годы были очень сложными. На его плечи легло много забот, в том числе и забота о младших – брате и сестре. После армии мой дед пошел работать шахтером на Садонский свинцово-цинковый комбинат в Алагирском районе. Но он мечтал получить дальнейшее образование после школы, тогда же поступил на учебу в Горно-металлургический техникум. Ему было, конечно же, сложно и работать и учиться. Благодаря усер-

дию и трудолюбию получил заветный диплом, вернулся в Эльхотово и стал работать в колхозе «Кавказ», который был одним из лучших в республике. К сожалению, я родилась после того, как не стало моего дедушки. Но мне бывает приятно, когда старшие в селе, узнав, чья я внучка, с теплотой и уважением о нем отзываются.

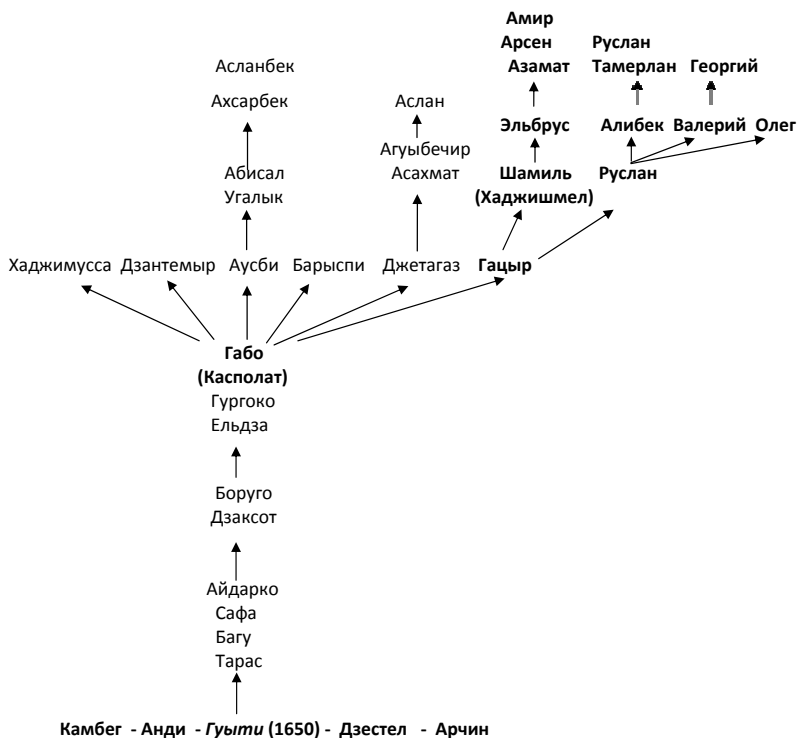
Мой отец – Гутиев Эльбрус Шамильевич, окончил школу, институт, отслужил в армии. На сегодняшний день возглавляет Администрацию местного самоуправления с. Эльхотово. Мои старшие братья, Азамат и Арсен, студенты университетов во Владикавказе, младший брат, Амир, учится пока во втором классе.

Сейчас в Северной Осетии проживает около 120 семей Гутиевых: во Владикавказе – 76; Алагире – 4; Ардоне – 2; Карджине – 1; Беслане – 25; Бираганге – 1; Гизели – 6; Дарг-Кохе – 4; Мичурино – 1; с. Нарт – 9; Новом Батако – 1; Кадгароне – 3; Чермене – 7; Эльхотово – 1; в других городах – 16 [12].

Я накопила определённый опыт в изучении истории нашей семьи. Работу эту я обязательно продолжу и когда-нибудь напишу подробную историю своего рода. Зная, кем были наши предки, мы по-другому осмысливаем свое положение в настоящем. В моем роду были и есть люди интересной (героической) судьбы, достойные памяти будущих поколений. Безымянные, неизвестные предки становятся роднее и ближе, как будто выступают из туманного прошлого. Наши предки ушли, но они не забыты, до тех пор, пока живёт память о них. И моя работа поможет сохранить эту память для потомков. Надеюсь, что спустя много лет кто-нибудь из моих внуков или правнуков задастся целью написать историю своих предков, и основой для его исследования станет моё.

Работая над данным проектом, старалась выполнить все поставленные мною задачи: 1) составила генеалогическое древо; 2) изучила историю своей семьи в научных архивах, по информационным источникам; 3) с интересом слушала и записывала рассказы о своих родных и близких и их образе жизни. Мой проект может иметь продолжение, чему я очень рада, потому что горжусь своей фамилией.

Родословное древо моей семьи

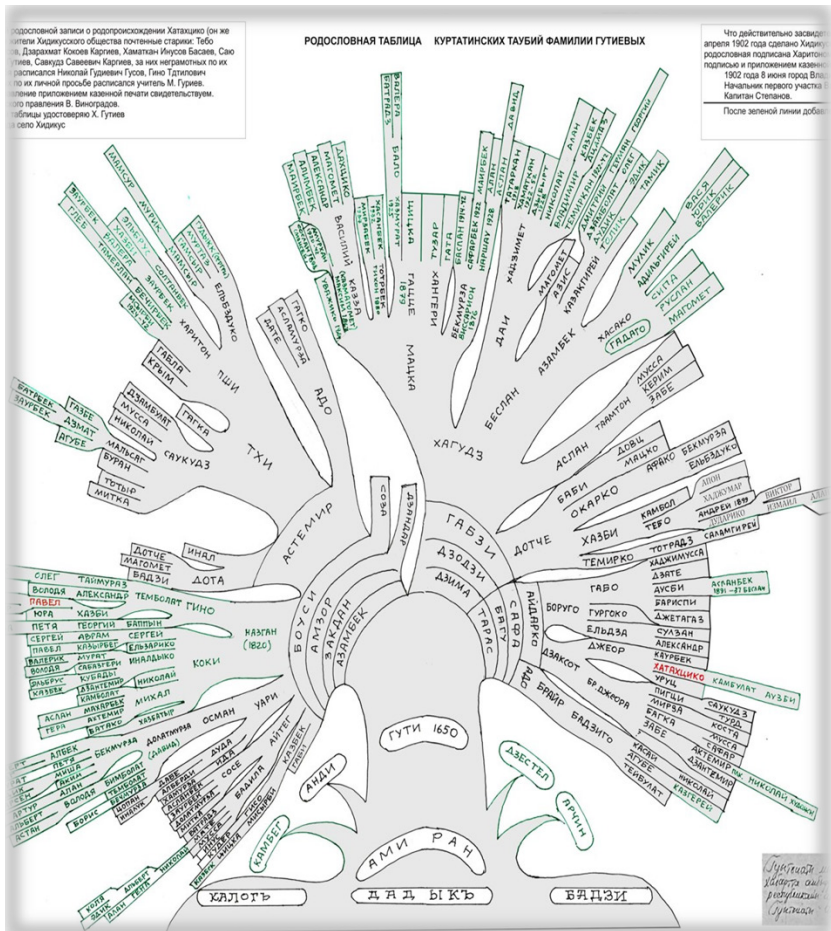

Использованные источники и литература

1. Гутнов Ф.Х. Осетинские села. Владикавказ: Респект, 2016. С.119.
2. Интернетный ресурс: <http://oss.kirimiti.ru/гутьевы/>
3. Осетия. Историко-этнографический справочник. Санкт-Петербург – Владикавказ, 1998. С.98.
4. Осетия. Историко-этнографический справочник. Санкт-Петербург – Владикавказ, 1998. С.147.
5. ЦГА РСО-А. Ф. 291. Оп. 1. Д.2. Л.98.
6. ЦГА РСО – А. Ф.262. Оп.1. Д.30. Л.154.
7. Материалы по истории Осетии // Изв.СОНИИ. 1953. Т.3. С.192.

8. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.2. Л.98.
9. НА СОИГСИ Ф. Дзагурова Г. А. Оп.1. Д.69-69а.
10. Гутиева Э.Ш. Социокультурное развитие пореформенной Осетии (вторая пол. XIX – начало XX вв.). Владикавказ, 2013. – 236 с.
11. Дзапарова Е. Б. Харламбий Цомаев и православная культура Осетии. Владикавказ, 2010. – 171 с.
12. Интернетный ресурс: <http://lostosetia.ru/object/92/>

Родословное дерево фамилии Гутиевых

А. И. Духаев
(г. Грозный, Россия)

ГЕНЕАЛОГИЯ ФАМИЛИИ ЧУЛИКОВЫХ

Известная чеченская фамилия Чуликовых впервые стала упоминаться в архивных документах начала XIX века. Основателем этой фамилии стал ближайший соратник «атамана Чечни» Бейбулата Таймиева – Чулик Сайкаев, которого ещё называли Киндергеевым (то есть, Гендергенойским, по принадлежности к тайпу гендергеной). Уздень из села Андрей-аул (Эндирей) Хаджи-Реджеб Кандуров (Кандауров) в своём донесении графу Гудовичу от 27 августа 1807 года пишет о нём, как о важном человеке:

«Доношу в. с., что я, возвращаясь в Чечню вообще с ехавшими от Мухаммедова гроба Хаджи Чеснаковым с 2-мя товарищами, объехал 20 чеченских селений, которым объявлял в. с. приказание, на кое объявили мне, что они под покровительством Российским быть согласны, за что многим почётным старшинам, смотря по достоинству человека, обещал я по соразмерному числу денег в подарки за потерю во время разорения их бывшею от Российских войск на Чечню, всего 2850 р., которые деньги должны показать им и ежели вперед денег им показано не будет, то заверить их весьма трудно... Доношу и о том, что лучшим двум старшинам Малой Атаги Чулику и дер. Шали Бей-Булату Тайманову капитанские чины с жалованьем от имени вашего обещал, за что они стараться будут заслуживать и принесут свою преданность» [1, 671].

Хотя использованный нами источник даёт сведения о том, что Чулик был старшиной Малых Атагов, один из его потомков

Сайд-Магомед Алиев из с. Знаменское (1926–09.01.2009) утверждал, что Чулик (чеч. «Чуьлга») выходец из Урус-Мартана. В топонимике этого города до сих пор есть местность под названием «Серийн аре», где раньше находилось маленькое село Чуьлг-кЮтар, от имени Чулика из тайпа гендергеной. В книге «Топонимия Чечено-Ингушетии» Ахмада Сулейманова среди урочищ Урус-Мартана приводится местность «Серийн тоҒи», располагающийся на правом берегу Мартанки, к югу от Урус-Мартана [2, 72]. А среди топонимов Харсеноя отмечено ущелье под названием «Чулган Иин», расположенное недалеко от Суоруота [3, 89]. Возможно, что Чулик проживал в этих местах.

Во втором своём письме, написанном 6 сентября 1807 года, Хаджи-Реджеб Кандауров снова подчёркивает: «Я доносил вам о важных 2-х человеках, которые в Чечне много значат – Бей-Булат Тайманове и Чулике Киндергееве, коим именем Вашим объявил я капитанские чины, с тем, если они успеют в вспомоществовании моем к склонению чеченцев в покорении России» [4, 671].

Из последующих документов видно, что Чулик Сайкаев не так рьяно служил России, как от него ожидало царское командование на Кавказе. В рапорте №41 от 9 марта 1808 года управляющий калмыками, кумыками и мирными чеченцами полковник Ахвердов пишет графу Гудовичу: «Народ, узнав о выданных тайно Хаджи-Реджебом деньгах в каждой деревне, злясь из зависти, говорили владельцам, что мириться с Россиею сами охотно они желают без интересов, а как дело у нас обнаружено, кому даны тайно деньги от Хаджи-Реджеба, хотя и не так много, но как люди те не владельцы их, то чтоб отобрать, как значит в условиях, и что при отгоне из следующего провиантского транспорта во Владикавказ бывшие из тех замирившихся деревень люди всех на часть их доставшийся скот и после того увезенных Моздокского полка 2 козаков Малой Атаги чеченцем Чуликом с товарищами и Гехинские за убитием под Моздоком одного и другого увезенного и 8 волов возвратят, тогда владельцы возьмутся быть за них Российскому начальству поруками...» [5, 676].

Почти год спустя, 8 февраля 1809 года, полковник Ахвердов пишет: «Мне-ж известно, что атагинские Цуцу и Чулик и шалин-

ской Бибулат обязались при приведении их на Высочайше пожалованные чины к присяге, чтоб всякие хищнические чеченские шайки отвращать, а о прочих всяких намерениях, ко вреду нам служащих, тот час доносить; но я со времени получения ими чинов и жалованья поныне ни о каких чеченских намерениях уведомляем не был, а особливо Чулика я и поныне не видал» [6, 678].

Ценные сведения о родословной Чулика нам оставил в своей книге «Страницы истории чеченского народа», ныне покойный историк, Герой России Юсуп Эльмурзаев (Нохчуа) из Урус-Мартана, который сам был из тайпа гендергеной. Согласно его повествованию, у Чуьлги было три брата: Исмайла, Меца и Нойрби. Их отца звали Сайка. Далее последовательность имён предков восходит в следующем порядке: Анхот (Ианхот) – Янхот – Джанхот. Сын Исмайлы, старшего брата Чуьлги, Исмаилин Дуда – известный персонаж народного эпоса чеченцев «илли» [7, 47].

Согласно документам, Дуду Исмаилов родился в 1785 году, с 1824 года поступил на службу российскому правительству и дослужился до звания поручика милиции. С ноября 1852 года за верную службу и отличие в делах против горцев ему назначена пожизненная пенсия в размере 224 руб. 25 коп. в год [8, 2 об, 9 об.]. После смерти Дуду Исмаилова, с 17 июня 1886 года «за отличие по службе покойного мужа её», пенсия в размере 149 рублей в год была назначена также вдове поручика Майме с дочерью Додаликой [9, 17].

Решив вернуться к мирной жизни, Чулик Сайкаев переселился из Урус-Мартана в Надтеречную Чечню (чеч. «Теркйист») и основал там селение Чулик-Юрт (чеч. «Чулга-Юрт»). Он скончался в начале 30-х годов XIX века и стал первым, похороненным на кладбище своего села. Единственный его сын, Сулейман Чуликов, унаследовал вотчину. Впервые он упоминается в документах 1834 года: «Сулейман Чуликов – 23 года. Из фамилии Герден Гуннойской (А. Д. – читайте «гендергеной»), сын умершего подпоручика Чулика, которой произошел от чеченца Сайкаха, фамилии той же. Его сыновья: Улубий – 6 лет, Шахбий – 3 года, Махмут – 1 год» [10, 16].

Согласно цитированному нами документу, Сулейману

Чуликову в 1834 году было 23 года. Следовательно, он родился в 1811 году. В 30-е годы XIX века Сулейман стал юнкером Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона. Был прикомандирован в станицу Ищерскую без службы. По должности аульского старшины получал жалование в размере 180 рублей в год. По табели 30 августа 1834 года из Владикавказского уездного казначейства получал оклад в сумме 209 руб. 55 коп., затем жалование было снижено до 167 руб. 14 коп. Сулейман Чуликов 19 января 1837 года произведён в корнеты. Был награждён золотой и серебряной медалями, серебряной медалью «За взятие укрепления Ахульго в 1839 г.», а также 27 февраля 1840 года получил орден Святой Анны 4 степени «За храбрость» [11, 78 об.-79]. С. Чуликов 29 сентября 1864 года был произведён в поручики. 18 апреля 1865 года он получил ещё одну награду – орден Святого Станислава 3 степени [12, 322].

В 1852 году в крепости Грозной было учреждено Управление Чеченским народом. В него входил аналог Мехк-Кхела, предложенный чеченцам русской администрацией под названием «Махкама-Чачани». Первое заседание этого учреждения состоялось 25 июля 1852 года в крепости Грозной. На этом собрании народными представителями были выработаны правила для мирных чеченцев, определяющие срок давности (в течение десяти лет) по искам о землях и другом имуществе, потерянном в ходе военных действий периода Шамиля. Делегатами был принят документ, под которым расписался по-арабски также Сулейман Гендергенов (Чуликов). Кроме него, в числе почётных стариков свою подпись в указанном документе оставил другой авторитетный житель Чулик-Юрта – Далак Мисирбиев из тайпа аргIаной [13, 35].

Желая утвердить за собой земли, принадлежавшие его отцу, поручик Сулейман Чуликов 23 февраля 1862 года обращается с прошением на имя командующего войсками Терской области князя Святополк-Мирского. Он пишет: «Родной отец мой бывшей русской службы поручик Чуликов в 1809 [14] году вывел из гор несколько именитых горцев, покоровших их, он поселился на правой стороне Терека, против ст. Ищерской Моздокского полка. Назван был Чулик-Юрт, который и поныне существует

на том самом месте и с того времени покойный мой отец имел в собственном владении тот аул и принадлежавшую к нему часть земли, называемый Бехно-Бером, на которой он занимался ежегодно сенокосом и жители всегда повиновались ему как владельцу аула. По смерти же отца моего участок этот остался в моем распоряжении; длиною он будет в одну версту и ширина в 3 версты и жители аула с давних времен, привыкли считать участок этот моим родовым.

Желая укрепить место это законным образом, во всегдашнее владение мое..., оставшегося от покойного отца моего, я осмеливаюсь беспокоить особу В. сия-ства им. п... [15] ходатайства Вашего у высшего начальства об отмежевании вышеупомянутого участка в потомственное владение мое.

При этом честь имею доложить В. сия-во, что приняв во внимание долговременную и полезную службу покойного отца моего, во время же возмущения или какого либо беспорядка в крае он всегда устанавливал между ними свои мысли, заботился и старался возобновить всегдашнего их спокойствия и оказать свои услуги и преданность Русскому правительству.

В. Сия-ство по выше изложенным сим обстоятельствам, если просьбу эту Вы найдете заслуживающую уважения, то будьте столь милостивы не откажите в исходатайствовании к вышеозначенному участку земли письменного документа на потомственное владение оной» [16, 179].

Не дождавшись последствий от первого прошения, 25 июля 1867 года Сулейман Чуликов снова обращается к начальству по тому же вопросу:

«Его Высокоблагородию начальнику Чеченского округа, господину полковнику и кавалеру Муравьеву.

Поручика Сулеймана Чуликова.

ПРОШЕНИЕ

Покойный отец мой, служивший в чине подпоручика, еще в 1808 году основал аул Чулик-Юрт, существующий и донныне. Преданный правительству, как человек влиятельный и уважаемый в горах и в непокорной Чечне, он всеми средствами старался быть

полезным, не щадя себя, он лишь заботился о успехах русского правительства, которому он был искренно предан.

Основание даже самого аула Чулик-Юрт, по правую сторону реки Терека, ясно выказывает заботливость его о спокойствии населения, находящегося по левую сторону этой реки, которые убийствами, грабежами и разбоем от непокорных были доведены до конечно разорения. Подвергая себя и свое семейство ежеминутной опасности, он основал на земле непокорных аул с целью сделать его как бы передовую защитой жителей противоссорной стороны, населенными подданными Государя Императора и сверх того, призывая к себе в аул непокорных, оседлою жизнью их он имел ввиду расширить пределы наши и сделать аул этот как бы опорным пунктом для будущих действий наших в непокорной части Чечни.

Отличенный и обласканный, как человек влиятельный, преданный и [в] высшей степени полезный, он мало заботился об укреплении за собою занятых им земель и постоянно находясь на службе, он только радел о пользах правительства, но начальствующие лица того времени, постигая всю пользу им приносимую, оставили во владении его занятую им землю, названную именем его. По распоряжению начальства словестно данная ему земля не была закреплена за ним, а безпокорно и с разрешения Правительства владея этою землею, он, а по нём я, как единственный наследник его, по незнанию законов, не старались закрепить за собою официальным документом, воображая, что раз пожалованная, хотя и словесно, земля не может быть от нас отобрана.

Между тем этою землею на правах собственности, по смерти отца моего, владел я и смею выразиться так, что, будучи не бесполезен своею службою и своею особою преданностию Правительству, убежден был, что не буду лишон земли, долголетним владением и с разрешения начальства обратившуюся в мою собственность; но в 1862 году, при размете Надтеречного наибства, земля эта, называемая и доньше Чулик-Юртом, вошла в общий надел жителей того наибства. В конце того же года бывший начальник Чеченского округа генерал-майор Кундухов, зная по фактам им собранным службу моего покойного отца и мою, рапортом от 27 октября за № 3278, ходатайствовал у командующего войсками

Терской области об оставлении этой земли за мною, но на представление это до сего времени мне неизвестно какое последовало распоряжение и я остаюсь в ожидании, вполне убежденный, что Великим Правительством Русским не будет забыта ни служба, ни польза, принесенная как покойным отцом моим, так и мною.

Доживая седьмой десяток лет, я и теперь готов остаток дней моих посвятить на службу Великому Императору нашего, готов принести в жертву последнюю каплю моей крови, но меня на закате дней моих убивает мысль, что я оставляю огромное семейство моё без всякого призрения. Два старших сына моих, имея свои семейства и, будучи отделены от меня, находятся на службе, и я не забочусь об них, убежденный, что если они своею службою будут полезны и усердны, не будут забыты, но меня тяготит мысль об остальном семействе моем.

Поэтому обращаюсь к Вам с просьбою о ходатайстве у высшего начальства о пожаловании меня участком той земли, которая была пожалована покойному отцу моему, и которым так долго владел и я, но если по чему либо невозможно будет возвратить мне эту землю, то отвести участок земли из казенных, где только начальство найдет возможным.

Пожалование земель некоторым лицам одного со мною племени и менее моего рода служившим, дают мне смелость надеяться, что начальство всегда справедливо и всегда милостиво ко всем хорошо служащим и принесшим пользу и на этот раз не забудет и меня, всегда готового и всегда находящегося на службе Великому Всероссийскому Государю Императору Нашего.

Успокоив же меня на старости лет пожалованием земли, дадите мне возможность и остальных членов моей семьи приготовить на дела полезные и на службу Великому Царю Нашего. Июля 25 дня 1867 года, кр. Грозная. За неумением грамоте приложил именную свою печать (оттиск круглой печатки)» [17, 11–12].

Наконец поручику Сулейману Чуликову 28 августа 1879 года была отведена земля площадью 100 десятин в Сунженском отделе Терской области [18, 13–13 об.]. В списке офицеров-чеченцев, имевших родовые земли, сообщается: «Поручик Сулейман Чуликов. Имел землю в Большой Чечне и на Тереке основан аул отцом

его» [19, 186]. Но решение о выделении Чуликову 100 десятин земли в потомственное владение было принято после его смерти. Сулейман скончался 13 апреля 1876 года [20, 78 об]. Этот участок был разделен между его детьми.

До конца дней своих Сулейман Чуликов занимал должность старшины селения Чулик-Юрт. 14–26 апреля 1864 года во главе с Петром Густафьевым в Чулик-Юрте находилась межевая комиссия. Во время размежевания земли этого селения, свидетелями выступали депутат Чеченского округа князь Карасай Алхазов, хорунжий Моздокского казачьего полка Негоднов, представитель от Ищорской казачьей станицы Зот Шегров, за старшину Чулик-Юрта Сулеймана Чуликова присутствовал его помощник Долак Мисербиев, а также почётные старики Чулик-Юрта Нур-Магомед Дуказов (Центуров), Герби Вачалаев, Шама Булатбиев, Бамболат Гиреев, Герби Дабоев, Вахаб Ганжебиев, а за них безграмотных в документе о размежевании земли расписался кадий села Верхний Наур Ази. Этот документ определяет границу селения Чулик-Юрт с землями князей Эльдаровых и Таймазовых, Бено-Юртом и станицей Ишёрской. В те годы в местечке Эмасуле проживал корнет князь Солтахан Таймазов, а недалеко от Калауса располагался хутор князя Уматгири Мундаровича Эльдарова. Уматгири во время размежевания земли не было дома и за него в документе свою именную печать поставила его мать княгиня Ханбых-быка Эльдарова [21, 1–28].

У Сулеймана Чуликова было четыре сына: Улубий (Ульби), Шахбий (Шахьби), Махмуд (Махьма) и Абдулкадыр (Абдулкьедар). Самым авторитетным среди них был старший – Улубий, дослужившийся до чина подполковника. Согласно полного послужного списка, составленного 28 февраля 1885 года, он родился 10 февраля 1829 года. Занимал должность командира 4-й сотни Терской постоянной милиции, числился по армейской кавалерии. Кавалер орденов: Св. Анны 2-й и 3-й степеней, Станислава 2-й степени с мечами и 3-й степени с мечами и бантом, медалей: светлобронзовой на Андреевской ленте в память войны 1853–1856 годов, серебряной «За покорение Чечни и Дагестана 1857–1859 гг.», светлобронзовой в память Турецкой войны

1877–1878 гг., креста «За службу на Кавказе» и персидского ордена «Льва и Солнца» 4-й степени. Происходил «из надтеречных чеченцев, почетной фамилии Гендергиной Терской области». Вероисповедания – магометанского закона. Воспитывался в доме родителей и умеет по-русски читать и писать. Жалованья получает 795 руб. в год. Плюс столовых – 138 руб. Всего – 933 руб. «Женат на двух жёнах: девицах Ханым и Гавхар, имеет детей: сыновья Юсуп родившийся 1865 г. декабря 27, Муса родившийся 1883 г. января 22 дня, дочери Зайнап родившаяся 1872 г. марта 23, Пердаус родившаяся 1875 г. декабря 12, жёны и дети магометанского закона». Из недвижимого имущества имеет «Высочайше пожалованный участок земли в Терской области в четыреста десятин» [22, 35,38 об.]. В Российском государственном архиве древних актов хранится цветной план дачи в 400 десятин, утверждённый 5 декабря 1875 года, которая была отведена майору У. Чуликову в Грозненском округе Терской области [23].

Ротмистр

Улубий Сулейманович Чуликов

Улубий Чуликов вступил в службу 13 ноября 1845 года оруженосцем Лейб-Гвардии в Кавказский конно-горский полускадрон. Произведён в юнкеры – 31 августа 1847 г. «За выслужением узаконенных лет произведен в корнеты» 31 декабря 1849 года, с зачислением по кавалерии и при Отдельном Кавказском корпусе. 19 апреля 1850 года был прикомандирован к Донскому казачьему №19 полку. 15 сентября 1850 года по смене этого полка на Дон, прикомандирован к Донскому казачьему полку №12, «с оставлением при Штабе Отдельного Кавказского корпуса, в должности переводчика». За отличие против горцев 6 июля 1852 года произведён в подпоручики, со старшинством от 6 ок-

тября 1851 года. За те же заслуги – 31 июня 1856 года получил звание поручика, со старшинством от 4 июля 1854 года. 22 сентября 1856 года «Высочайшим приказом назначен состоять при кавказской армии». 9 октября 1859 года назначен переводчиком русского языка при Начальнике Чеченского округа.

7 августа 1861 года Улубий Сулейманович Чуликов за отличие по службе произведён в чин штабс-ротмистра. А за отличие против горцев, 31 декабря 1862 года в ротмистры. 1 февраля 1863 года назначен словесным переводчиком русского языка при начальнике Среднего военного отдела Терской области. 18 февраля 1865 года за отличие против горцев награждён орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом. 20–22 апреля 1867 года за отличие по службе получил звание майора. 15 февраля 1868 года приказом по войскам Терской области отчислен от должности словесного переводчика при начальнике Среднего военного отдела. 1 марта 1871 года приказом по войскам Терской области назначен помощником командира 5-й сотни Терской постоянной милиции. 1 ноября 1871 года приказом по Управлению Терской области назначен командиром 5-й сотни Терской постоянной милиции. 31 октября 1872 года награждён орденом Святой Анны 3-й степени. 26 февраля 1876 года произведён в подполковники. 12 ноября 1878 года «за отличие, оказанное в разновременных делах с мятежниками, награждён орденом Св. Станислава 2-й ст. с мечами, для нехристиан установленным». Этот орден «Высочайше утверждён» 26 мая 1879 года.

27 сентября 1879 года Улубию Чуликову «по Высочайшему повелению», объявленному в приказе по Кавказскому военному округу, дозволено носить пожалованный Персидским шахом орден «Льва и Солнца» 4-й степени. 22 сентября 1881 года награждён орденом Святого Владимира 4-й степени, с бантом, за выслугу 25 лет в офицерских чинах, «знак для нехристиан установленный». О чём объявлено в приказе по Кавказскому военному округу 27 марта 1882 г. №53. За отличие по службе 6 мая 1882 года награждён орденом Святой Анны 2-й степени, для нехристиан установленным. О чём объявлено в приказе по Кавказскому военному округу за №131. 1 февраля 1883 года приказом по Управле-

нию Терской области за № 12 перечислен на должность сотенного командира в 4-ю сотню [24, 35, 38 об.].

Далее в послужном списке Улубия Чуликова приводятся подробные сведения об его участии в боевых действиях. XIV графа документа начинается со слов: «Был в походах и делах против непокорных горцев». Остановимся на основных моментах боевого пути Чуликова. С 30 мая по 4 июня 1842 года под начальством генерал-адъютанта Граббе участвовал в Ичкеринском походе 24–25 мая 1843 года при преследовании «хищнической партии Шуаип-муллы». С 22 июля по 12 августа 1849 года командирован в Петергоф. Командовал конным взводом малолетних горцев, воспитывающихся в военно-учебных заведениях, собранных на лагерное время. 18 октября 1851 года участвовал при набеге генерал-майора Слепцова на аулы между реками Гехи и Рошни, в ходе которого нанесено «поражение партии наиба Алхана». 17 февраля 1853 года принимал участие в атаке позиции горцев у аула Гурдалой и «совершенном рассеянии скопищ Шамиля при разорении аулов Большой и Малой Гурдалой и Аку-Юрт». 12 декабря 1853 года участвовал при поражении горцев около Гурдали-Юрт, недалеко от Чертугаевской [25]. 18 декабря 1853 года воевал на Ханкальской горе против ополчения наиба Талхика. В 1860–1861 годах Улубий Чуликов в составе российских войск участвует в подавлении восстания горцев под предводительством шайха Гази-Хаджи Зандакского, Байсунгура Беноевского, Атабая Атаева и Ума Дуева. 18 января 1864 года участвует в «движении против возмущившихся чеченцев... близ аула Шали». В 1877 году принимал участие в подавлении восстания горцев под предводительством Алибека-Хаджи Алдамова из Симсира [26, 38 об.-44].

Согласно документам, в январе 1883 года подполковник Улубий Чуликов состоял командиром 5-й сотни Терской постоянной милиции и проживал в г. Грозном. В послужном списке значится под № 404 [27, 33 об.-34].

Подполковник Улубий Чуликов скончался в 1889 году. После его смерти, 6 сентября 1889 года шестилетнему сыну этого офицера Мусе Чуликову была назначена пенсия, а вдовам – Халуме (в послужном списке – Ханым) и Гаухар пенсия назначе-

на 19 декабря 1890 года. Общая сумма пенсии в год составляла 286 рублей 66 копеек. Семья Чуликовых проживала в г. Грозном [28, 121об.–122,].

Старший сын Улубия – Юсуп Чуликов получил общее образование в 3-м межевом классе Владикавказской военной прогимназии. Затем окончил курс по 1 разряду Елисаветградского кавалерийского юнкерского училища. На военной службе с 3 октября 1885 года. Корнетом с 6 апреля 1889 года, со старшинством с 1 сентября 1888 года. С 6 мая 1894 года поручик, с 1 января 1901 года – штабс-ротмистр. 1 июля 1902 года Юсупу Чуликову присвоено звание ротмистра. Женат, имеет двух сыновей: 12 и 4 лет [29, 2 об.].

Юсуп Улубиевич Чуликов

14 мая 1893 года Юсуп Чуликов был назначен командиром 4-й сотни Терской постоянной милиции, которой до своей смерти командовал его отец. Жалование получал в размере 579 рублей в год из сумм Государственного казначейства «на основании Высочайше утверждённого положения о милиции» [30, 3, 134 об – 136, 157 об – 158]. 11 июня 1905 года ротмистр Ю. Чуликов назначается начальником 1-го участка Грозненского округа и одновременно – заведующим 2-м военно-конским участком. Начальник Грозненского округа подполковник Попов написал на Юсупа Чуликова такую характеристику: «Происходя из туземцев, ротмистр Чуликов пользуется большим уважением туземного населения за преданность законности, беспристрастие, сдержанность и твердость характера. По службе отличается выдающимся знанием дела, усердием и исполнительностью». В общем, Попов подчеркнул, что ротмистр Чуликов отличается выдающимися качествами [31, 3].

Брат Улубия – Шахбий (в некоторых документах Шахбулат или Шабий), дослужился до чина поручика. В службу вступил 12 июня 1846 года. 20 января 1867 года произведён в поручики [32, 322]. В Сунженском отделе Терской области 28 августа 1879 года за верную службу царю и Отечеству получил 100 десятин земли [33, 1–2]. Согласно документу от 1893 года поручик Шахбий Чуликов проживал в г. Грозном и за выслугу лет получал пенсию в размере 290 рублей. В том же документе находим следующее сообщение: «Поручик Шахбий Сулейманович Чуликов умер 27 июня 1893 года, о чём донесено на Высочайшее имя 3 августа 1893 года за № 12277» [34, 67 об.–68, 134 об.–135, 158]. На основании отзыва Штаба Кавказского военного округа от 8 апреля 1894 года за № 5196, сообщенного начальнику Терской области, вдове поручика Шахбия Чуликова – Саги Чуликовой, проживающей в г. Грозном, за службу мужа её назначена пенсия в размере 145 рублей в год [35, 28, 114]. У Шахбия Чуликова родились три сына: Ахмат, Исмаил и Магомат. Из них первые два мальчика преждевременно скончались [36, 322].

*Чуликовы и Махма Мациев
в центре*

Третий сын Сулеймана Чуликова – Махмуд, переселился на вотчину отцов в Урус-Мартан. У его сына муллы Махтия (чеч. Маьхьти) было четверо детей: сыновья Махма (ум. 1938), Магомед, Ибрагим (1891-1986) и дочь Регант (ум. 17.02.1988, была замужем за управляющим Севкавказснабсбытом Гамидом Осмаевым).

Махмет (Махма) Махтиевич Чуликов 26 декабря 1915 года получил звание поручика (старшинство в чине с 19 июля 1915 г.). В штабс-ротмистры произведён 9 мая 1917 года (старшинство в чине с 22 ян-

варя 1916 г.). На службу в Чеченский конный полк поступил с 6 октября 1916 г. из 14-го пехотного Олонецкого полка. В Первую мировую войну командовал 2-й сотней Чеченского полка, Кавказской туземной конной дивизии. 28 июня 1915 г. награждён орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». 20 мая 1916 г. – орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. 28 июня 1916 г. – орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом [37, 65–68 об.]. «В июне 1917 года один из организаторов и секретарь Союза Чеченской молодёжи «Нийсон накъост» («Друг справедливости»). Летом 1917 года являлся одним из руководителей и организаторов добровольной национальной милиции при Чеченском комитете» [38, 169–170, 209, 224–225; 39, 460]. Махма Махтиевич Чуликов был репрессирован советской властью. Расстрелян в 1938 году [39, 527].

*Ибрагим Махтиевич Чуликов (слева)
и Гамид Осмаев с Селимой*

Ибрагим Махтиевич Чуликов, брат Махмы, родился 15 августа 1891 года в Урус-Мартане. В 1917 году получил юридическое образование. В марте 1917 года избран членом Чеченского народ-

ного исполкома. В мае являлся членом комиссии для составления проекта об областном самоуправлении Первого областного съезда делегатов Терской области; избран членом Терского областного исполнительного комитета. В июне 1917 г. – член делегации областного исполкома по организации новых выборов в Чечне. Заместитель председателя Чеченского национального совета. Кандидат в члены Учредительного собрания России от Чечни и Ингушетии.

С начала 1918 г. – председатель Чеченского Народного (национального) совета в селе Старые Атаги. Не признал легитимность советской власти. В январе-апреле 1919 г. – заместитель председателя Парламента Горской Республики. После захвата Терской области белогвардейцами, стал помощником правителя Чечни по гражданской части. В сентябре 1919 года создал и возглавил Комитет по очищению Чечни от банд большевиков и Узун-Хаджи. Командир проденикинского «Чеченского ополчения». С установлением советской власти в Чечне арестован. ГПУ пыталось завербовать его и внедрить в горскую эмиграцию в Европе. В 1926 году был отправлен в Стамбул, откуда перебрался в Европу, с заданием вести подрывную деятельность среди кавказской эмиграции. Но, как только его перебросили в Прагу, отказался сотрудничать с большевиками. В Европе стал носить фамилию Чулик. В конце 20-х годов XX века переселился в Польшу. Был редактором эмигрантского журнала «Прометей». В 1931 г. переехал в Париж. Вместе с Тапой Чермоевым учредил «Союз владельцев нефтяных промыслов Северного Кавказа» и стал его секретарём. В июле 1934 г. от имени горцев Северного Кавказа подписал в Брюсселе пакт о создании Кавказской Конфедерации. 19 ноября 1941 года был арестован гестапо и выслан в концлагерь для обязательных работ в Германии с формулировкой «как фигура политической значимости». Сотрудничал с немецким пропагандистским ведомством «Винета». В начале 1944 г. бежал в Италию и до конца Второй мировой войны участвовал в итальянском движении Сопротивления. В 1948 г. переселился в США. Скончался в 1986 г. в Сиэтле [40, 526–527].

Младший сын Сулеймана Чуликова – Абдулкадыр Сулейманов унаследовал усадьбу предков в Чулик-Юрте. Остальные наследники проживали в Грозном и Урус-Мартане. Он был женат на Ровзат, сестре Арсангири-Хаджи из Чулик-Юрта. Супруги воспитали трёх сыновей: Алауди, Абу, Али и двух дочерей: Секу и Кулсум. Обе дочери вышли замуж за уважаемых односельчан: старшая – за Коди Индербиева (Къада-Молла – родился в 1861 г., при советской власти был сослан на 10 лет, из мест лишения свободы не вернулся), а младшая Кулсум – за Дуку Хамидова из тайпа беркий.

Абдулкадыр Сулейманович Чуликов 17 ноября 1905 года был назначен старшиной села Мундар-Юрт (Чулик-Юрт). Он проработал на этой должности до 16 июля 1908 года [41, 38].

Осенью 1917 года Абдулкадыр Сулейманов-Чуликов был делегирован от Мундар-Юрта на II-ой съезд Горских народов Кавказа во Владикавказе. С ним на этот съезд были приглашены односельчане Апа Арцуев, Коди-Мулла Индербиев, а также от села Нижний-Наур Байсурка Элжуркаев, Гири Мукушев, Таги Дукаев, Дени Хакиев, Току Маасуев, от Бено-Юрта Самби Тамаев, Данда Кахиров, Джамалдин Хутаев и другие. Всего их было четырнадцать делегатов от Притеречья. На станции Наурской 26 сентября (9 октября) 1917 года в стычке с солдатами, едущими домой с фронтов Первой мировой войны, 13 из этих делегатов, ждущих поезда на Владикавказ, были жестоко убиты по приказу поручика Нольде. Коди Индербиев чудом спасся. У него в арабской школе (чеч. – хьюьжар) обучались два казака из станицы Наурской, принявшие мусульманство. Они страстно желали стать чеченцами, но когда чеченки отказались выйти за них замуж, они опять переселились в станицу Наурскую. Эти два ученика и спасли жизнь своему учителю Коди-Мулле, узнав о вероломном нападении солдат на чеченских делегатов. В этом столкновении в числе других погиб и Абдулкадыр Сулейманов.

Для искупления крови убитых чеченцев, потомки погибших делегатов пленили 36 белоказачков и расстреляли их на могилах своих отцов. Младшему сыну Абдулкадыра – Али (основате-

лю фамилии Алиевых) тогда было всего 12 лет. Он скончался в 1969 году, прожив 64 года [42].

Уцелевший во время Наурской бойни Коди Индербиев в 30-е годы XX века был осужден на 10 лет каторжных работ [43]. Также, в эти годы была расстреляна Чермоева-Чуликова Митта, 1901 г. р., уроженка г. Грозного [44]. Во время ареста у неё дома оставалась дочь Фатима, которой от роду было всего полтора года. Митта была сестрой Дары (Алмат) Абдул-Азизовны Чермоевой (1899-1987), будучи в эмиграции в 1927 году ставшей мисс Парижа.

Али Юсупович Чуликов

Камси Чуликова

Сын Юсупа Чуликова – Али Чуликов до революции учился во Владикавказе, в кадетском корпусе. В 1923 году женился на Джугират (Зина) Джабраиловне Мирзоевой (род. 1904 г.), внучке известного богача Абу-Бакара Мирзоева и Абидаг Хан-Мирзоевой, которые до революции 1917 года проживали в трёхэтажном доме в Грозном, «национализированном» советской властью и позже получившем известность как Чеченский гастроном. В 1944 году был репрессирован и сослан в Воркуту, где провёл 5 лет. Ему по-

священа такая заметка в газете: «Чуликов Али Юсупович, 1902 г. р., уроженец г. Грозного, чеченец, б/п, без определённых

занятий, проживал в с. Урус-Мартан, осужден к 5 годам» [45]. После освобождения из ссылки преподавал математику в педучилище. У Али и Джугират родились три дочери: Айшат, Медина и Хава. Медина Чуликова была необыкновенной красавицей, что заставило очарованного поэта Арби Мамакаева из с. Нижний-Наур посвятить ей акростих «Ч. М-не». Она преждевременно скончалась от туберкулёза в годы ссылки в Казахстан. Али Чуликов, здоровье которого оказалось окончательно подорванным во время ссылки в Воркуту, тоже рано ушёл из жизни в 1962 году [46].

*сестры Айшат и Медина
Чуликовы*

Такая печальная судьба была уготована представителям семьи Чуликовых в XX веке. Уцелевшим потомкам этой некогда знаменитой и влиятельной фамилии пришлось скрываться от чудовищных преследований советской репрессивной машины под разными другими фамилиями: Алиевых, Абуевых, Магомаевых и др. Лишь немногие, оказавшиеся наиболее стойкими перед выпавшими на их долю испытаниями, сохранили свою исконную фамилию и до сих пор пишутся в документах Чуликовыми.

Использованные источники и литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК), т. III, Тифлис, 1869. Документ 1149.
2. Сулейманов Ахмад. Топонимия Чечено-Ингушетии. Часть третья. Грозный, 1980.
3. Там же.
4. АКАК, т. III, Тифлис, 1869, док. 1150.

5. Там же, 1162.
6. Центральный государственный исторический архив Грузии (далее – ЦГИАГ), ф. 2, оп. 1, д. 223; См. также: АКАК, т. III, Тифлис, 1869. С. 678, док. 1164.
7. *Юсуп Нохчуа*. Страницы истории чеченского народа. Грозный, 1993.
8. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф. 1268, оп. 19, д. 203.
9. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А), ф. 12, оп. 2, д. 1086; Архивное управление Правительства Чеченской Республики (далее – АУП ЧР), ф. 236, оп. 2, д. 230, л. 17.
10. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), ф. 13454, оп. 1, д. 450.
11. РГВИА, ф. 407, оп. 1, д. 941.
12. ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 23.
13. РГВИА, ф. 14719, оп. 3, д. 549.
14. В следующем своём прошении, составленном спустя пять лет, он приводит 1808 год.
15. Слово неразборчиво.
16. *Гриценко Н. П.* Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Труды ЧИНИИИЯЛ, том IV, Грозный, 1961, документ №3. В книге даётся ссылка на Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР (ЦГА ЧИАССР), ф. 125, оп. 1, д. 1, л. 21.
17. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 849.
18. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА), ф. 1354, оп. 513, д. Ч-1; ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 849, л. 13 с об.
19. *Гриценко Н. П.* Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII-первой половине XIX в. Труды ЧИНИИ-ИЯЛ, том IV, Грозный, 1961, док. №13.
20. ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 23; РГВИА, ф. 407, оп. 1, д. 941, л. 78 об.
21. ЦГА РСО-А, ф. 256, оп. 1, д. 17 «Полевой журнал обмежевания участков аула Чулик-Юрт и князей Эльдаровых».

22. РГВИА, ф. 330, оп. 57, д. 456.
23. РГАДА, ф. 1354, оп. 508, д. Ч-3.
24. РГВИА, ф. 330, оп. 57, д. 456.
25. Чертугаевская – чеч. «Чертойн-тоги», трансформировалось со временем в «Чурт-тоги». Ныне станица Петропавловская Грозненского района Чеченской Республики.
26. РГВИА, ф. 330, оп. 57, д. 456.
27. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 2, д. 1078; АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 207, л. 3.
28. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 2, д. 1096; Там же, д. 1099, л. 28 об – 29; АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 244, л. 13.
29. ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 53, д. 248.
30. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 2, д. 1086; АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 230, л. 2, 53–54, 57; ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 2, д. 1096, л. 108.
31. ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 53, д. 248.
32. ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 23.
33. РГАДА, ф. 1354, оп. 513, д. Ч-2.
34. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 2, д. 1086; АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 230, л. 23, 53, 57.
35. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 2, д. 1099; АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 244, л. 14, 43; ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 2, д. 1096, л. 121 об – 122.
36. ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 23.
37. РГВИА, ф. 407, оп. 1, д. 2254.
38. *Майсигов Д. С., Мурзабеков Г. А.* Чеченский полк «Дикой дивизии». Назрань, 2009; См. также: *Опрышко О. Л.* Кавказская конная дивизия. Нальчик, 2007. С. 292, 329; *Музаев Т. М.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. М., 2007.
39. *Музаев Т. М.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. Издание 2-е. Нальчик, 2012.
40. *Музаев Т. М.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917-март 1918 г. Нальчик, 2012; См. также: <http://checheninfo.ru/18627-ibragim-chulikov-neraskrytaya-lichnost-v-istorii-chechni.html> // *Майрбек Вачагаев.* Ибрагим Чуликов: нераскрытая личность в истории Чечни; *Авторханов А.* Из мемуа-

ров // Русский рубеж (спецвыпуск «Литературной России»), 1991, № 11.

41. ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 16, д. 366 а.

42. Записано 13.11.2007 г. со слов Сайд-Магомеда Алиева из с. Знаменское (1926–09.01.2009).

43. Газета «Грозненский рабочий», № 125 (20057) от 31 мая 1990 г. // О реабилитации лиц, репрессированных в 30–40-х и начале 50-х гг.

44. Газета «Грозненский рабочий», № 72 (20004) от 27 марта 1990 г.

45. Газета «Грозненский рабочий», № 58 (19990) от 10 марта 1990 г.

46. Интернетресурс: <http://pamela-7.livejournal.com/70163.html>/<http://pamela-7.livejournal.com/68693.html>. Время обращения 23.02.2014 г.

Ф. С. Киреев
(г. Владикавказ, Россия)

ИЗ ИСТОРИИ РОДА ВЕЛИКОГО РЕГЕНТА ХОРА СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ АРХИМАНДРИТА МАТФЕЯ (МОРМЫЛЯ)

5 марта 2018 г. исполнилось 80 лет со дня рождения приснопамятного архимандрита Матфея (Мормыля), постриженника и многолетнего насельника обители Преподобного Сергия, профессора Московских духовных школ, а также легендарного регента лаврского братского хора.

Архимандрит Матфей (в миру – Лев Васильевич Мормыль) родился в станице Архонской в Северной Осетии в казачьей семье. Крещен был 15 апреля 1938 г. в православном Ильинском храме города Орджоникидзе. В сентябре 1945 г. он поступил в среднюю школу в станице Архонской, которую окончил в 1955 г. с оценками «хорошо» и «отлично». С 20 июля 1955 г. по 25 июля 1956 г. Лев Мормыль был псаломщиком в Александро-Невском молитвенном доме станицы Архонской [1].

В 1956 г. он поступил в Ставропольскую духовную семинарию и начал творческий, духовный путь, наполненный большими трудами, начинаниями и свершениями.

С архимандритом Матфеем связана целая эпоха в истории русского богослужебного пения. Не имея специального образования, он не только максимально развил свой талант, но и сумел воспитать как первоклассных регентов и певцов студентов, которые впоследствии стали архипастырями и пастырями нашей Церкви.

Нотные сборники песнопений, составленные отцом Матфеем, имеются ныне во многих православных храмах и монастырях Русской Церкви, а также и зарубежья.

Более 40 лет отец Матфей управлял лаврскими хорами Троице-Сергиевой Лавры, но при этом никогда не забывал родные места – станицу Архонскую, куда регулярно приезжал, общался с родными и близкими.

В советское время на долю его семьи выпали все невзгоды казачьих семей, но именно в казачьих корнях следует искать истоки большого таланта отца Матфея.

Род Мормыль в станице Архонской обосновался в числе первых поселенцев в 1838 г., когда из бывших Малороссийских казачьих полков, начали обустривать Владикавказскую линию.

Василий Григорьевич Мормыль 1809 г.р., происходил из казаков села Ядуты Борзнянского уезда Черниговской губернии, и он был среди 82 казачьих семейств первоначально поселенных в Архонской при ее основании [2, 40].

В 1848 г. Василий женился на Анне Потаповне Довгаль (1829 г.р.) и стал жить в семье тестя. Их дети: Мария – 30 января 1849 г., Анна – 1851 г., Ефимия – 1854 г., Евдокия – 1856 г. и Константин – 1860 г.

Вскоре после рождения Константина Василий Григорьевич скончался и Анна Потаповна вышла замуж за Михаила Ивановича Еременко, который и воспитал ее детей от первого брака. Анна на много пережила Василия и скончалась 30 декабря 1897 г. оставшись под фамилией Мормыль.

Дальнейший род Мормыль продолжился от Константина, а дочери вышли замуж – Анна – 28 января 1869 г. за казака Ивана Ивановича Моисеева, Мария – 2 февраля 1869 г. за казака Якова Максимовича Руденко, Ефимия – 6 февраля 1872 г. за казака Матвея Ивановича Кулика и Евдокия – 2 февраля 1875 г. за казака Стефана Филипповича Висича [3].

28 января 1879 г. Константин Васильевич женился на дочери казака Варваре Романовне Бец. 4 января 1880 г. у них родился сын Василий, а 15 января Варвара скончалась от родов. После этого Василий прожил недолго и скончался 6 мая того же года.

17 февраля 1880 г. Константин Васильевич женился на дочери казака из станицы Ардонской Стефаниде Игнатьевне Заболоцкой.

6 мая 1881 г. у них родился Николай, 28 ноября 1883 г. – Варвара.

10 августа 1887 г. Степанида Игнатьевна скончалась от болезни и 28 сентября того же года. Константин Васильевич вновь женился. На этот раз его супругой стала вдова урядника Агафья Ивановна Артеменко.

Дети Константина и Агафьи: Максим – 13 августа 1888 г., Евдокия – 1 марта 1893 г., Анастасия – 9 декабря 1895 г., Дарья – 4 марта 1898 г. [4].

В дальнейшем Варвара 19 января 1903 г. вышла замуж за казака Герасима Павловича Куриленко, а 12 мая 1919 г. Дарья вышла замуж за казака Николая Филипповича Носалевского.

Николай Константинович 23 января 1900 г. женился на дочери казака Ефимии Дмитриевне Куница.

Их дети: Григорий 27 января 1902 г., Анна 1915 г., Георгий 1916 г. Кроме того скончались детьми Алексей, Андрей, Василий, Варвара, Николай.

* * *

Максим Константинович 21 января 1907 г. женился на дочери казака Ирине Максимовне Кийко.

Их дети:

Василий 7 марта 1908 г.

Иван, 1915 г.

Федор, 16 февраля 1919 г.

Михаил, 18 мая 1921 г.

Максим отслужил срочную службу в 1-м Сунженско-Владикавказском казачьем полку. Вернувшись домой занялся хозяйством. В 1914 г. с началом Первой мировой войны он был мобилизован во 2-й Сунженско-Владикавказский казачий полк, который с другими вторыми полками составил Терскую казачью дивизию.

Почти все войну Терская дивизии действовала в районе Карпат и в Румынии. Максим Мормыль воевал храбро, отважно. Был

награжден двумя георгиевскими крестами, стал младшим урядником.

Георгиевский крест 4-й степени № 192463 он получил «За то, что при наступлении и при переходе р. Прут, первый бросился на занятые противником дома, с криком «ура» окружил их и взял 10 человек в плен» [5, 904].

Георгиевский крест 3-й степени № 165317 «За то, что 7 июня 1916 г., в составе сотни, сначала в пешем строю, а затем в конном, атаковал г. Радауцы, который и был взят. Было много зарублено и заколото и 47 взято в плен» [6, 355].

После окончания Гражданской войны Максим Константинович с семьей проживал в Архонской. С ним проживали и его родители. Брат Николай Константинович жил отдельно, тоже в станице.

Когда началась коллективизации, против казаков начались репрессии. Максим и его отец Константин были арестованы вместе с другими станичниками. 28 апреля 1930 г. они были осуждены. Константин был приговорен к 3-м годам условно, а Максим получил 5 лет ссылки, из которой уже не вернулся [7, 184].

Его дети выросли без отца, а в дальнейшем их ожидали еще более тяжкие испытания.

Началась Великая Отечественная война. 24 июня 1941 г. Василий Максимович был мобилизован в ряды 165-й стрелковой дивизии, которая в составе 64-го стрелкового корпуса в начале июля отбыла на Украину и должна была обеспечить оборону переправ через Днепр. Наспех сформированному корпусу нелегко пришлось в боях с сильным противником. В ночь на 31 июля части 64-го корпуса под напором четырёх немецких дивизий, поддерживаемых авиацией, понесла большие потери, отошла на частично подготовленный рубеж. 165-я дивизия с наступлением на неё противника начала отход с занимаемых позиций, утратив связь со штабом корпуса и «допустив хаос в тылах».

Командующий Юго-Западного направления С. Будённый в приказе № 034/оп от 1 августа 1941 года отмечал: «Уже продолжительное время 64-й стрелковый корпус показывает низкую бо-

еспособность. Обе дивизии этого корпуса и особенно 165-я при первом появлении противника оставляют поле боя» [8].

Остановить бегство и привести дивизию в порядок удалось лишь в районе Хотова, для чего применялись самые жёсткие меры, вплоть до расстрела. К началу сентября 165-я дивизия продолжала оборонять днепровский берег.

15 сентября подвижные соединения 1-й и 2-й танковых групп противника соединились в районе Лохвицы, завершив окружение значительной части войск Юго-Западного фронта. 37-я армия, в которую на этот момент входила 165-я сд, вместе с другими армиями оказалась в котле. Вместе с другими частями 37-й армии 165-я сд начала 17 сентября отступление на восток, стремясь вырваться из кольца. Войска двигались в общем направлении на Яготин и Пирятин. В двадцатых числах сентября немцам удалось ликвидировать котёл. 165-я стрелковая дивизия полностью погибла в окружении, было утрачено знамя и штабные документы. 27 сентября под Березанью в плен попал и командир дивизии И. В. Захаревич.

Где-то в этих сентябрьских боях и погиб Василий Максимович Мормыль [9].

Брат Василий – Михаил Максимович, был в Красной Армии с 1943 г. Будучи младшим лейтенантом командовал взводом 7-й стрелковой роты 755-го стрелкового полка в 217-й стрелковой дивизии. 1 февраля 1944 г. он погиб в бою при освобождении Белоруссии и был похоронен в братской могиле северо-западнее д. Какель Паричского района Полесской области. Ныне прах Михаила Мормыля покоится в Гомельской области, Светлогорского района, в братской могиле в деревне Чирковичи [10].

Также не вернулись с фронта и другие братья – Федор Максимович и Иван Максимович, судьбы которых до сих пор не известны.

До войны Василий Мормыль женился на Анне Леонтьевне Троценко. 1 июля 1931 г. у них родился Иван, 2 ноября 1935 г. – Дмитрий, а 5 марта 1938 г. – Лев, будущий великий регент лаврского братского хора.

Отца Лев не помнил, его воспитанием много занималась мама и обе бабушки. Мать отца – Ирина Максимовна прожила долгую жизнь, скончалась в 1970 г. Она была глубоко верующим человеком, и хотя читать не умела, знала по памяти Евангелие [11].

Долго прожила и другая бабушка Елена Ивановна Троценко (Шаталова) (10 мая 1886–19 февраля 1972). Ее муж – Леонтий Григорьевич Троценко, до революции пел в хоре наместника на Кавказе. Все его звали Львом из-за прекрасного баса. Он прошёл школу Шаляпина по постановке голоса. В 1913 г., в год 300-летия дома Романовых, он пел Ивана Сусанина в «Жизни за царя» Глинки на сцене тифлисской оперы. Именно его талант и передался отцу Матфею, хотя дедушку он не застал. Леонтий Троценко неоднократно арестовывался. 29 мая 1924 г. его выслали на три года в Сибирь, а 22 сентября 1937 г. он был расстрелян.

Певческий дар был и у мамы отца Матфея – Анны Леонтьевны (1907–2002). Она много лет, фактически до смерти, пела в церковном хоре станицы, у неё был очень хороший второй альт. Она обучала теноров и всех мужчин.

С детства находясь на клиросе церковного хора, отец Матфей почерпнул напевы, которые потом перенес хору Лавры, придав ему особое, архонское звучание.

Почил отец Матфей 15 сентября 2009 г. после продолжительной болезни. «В строю» он оставался до самого конца: последний раз управлял смешанным хором за всеобщим бдением накануне престольного праздника обители и любимого им собора – Успения Пресвятой Богородицы 27 августа.

Хотя в наши дни в станице Архонской не осталось представителей фамилии Мормыль, но память об этом достойном, славном роде сохранилась. В станице есть улица архимандрита Матфея (Мормыля), две мемориальные доски в его честь, создается духовно-просветительский центр его имени. Но самая главная память в сердцах станичников и многочисленных учеников и последователей отца Матфея, которые его вспоминают с благодарностью.

Использованные источники и литература

1. Древо. Открытая православная энциклопедия. Матфей Мормыль // <https://drevo-info.ru/articles/13693.html>
2. Центральный Государственный архив РСО-Алания (ЦГА РСО-А) ф.53, оп.1, д.23.
3. Составлено на основе метрических книг Архонской станичной церкви. ЦГА РСО-А ф.296, оп.1, д.256–272.
4. Там же.
5. *Патрикеев С. Б.* Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. Т.5, М., 2012.
6. *Патрикеев С. Б.* Т.3.
7. Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Т. 1, Владикавказ, 1999.
8. *Исаев А. В.* От Дубно до Ростова. М., 2004.
9. Центральный архив министерства обороны (ЦАМО) ф. 58, оп. 977520, д. 492.
10. ЦАМО ф. 33, оп. 563784, д. 39.
11. Архимандрит Матфей (Мормыль). «На чужом основании никогда ничего не строил» // <http://www.pravmir.ru/arximandrit-matfej-mormyl-na-chuzhom-osnovanii-nikogda-nichego-ne-stroil/>

М. Р. Кулиев
(г. Нахичевань, Азербайджан)

ШАХТАХТИНСКИЕ – ВЕТВЬ ДИНАСТИИ КЕНГЕРЛИНЦЕВ

Изучение генеалогии отдельных семей, тем более известных, играет важную роль в исследованиях исторического прошлого страны и народа. Особенно большое значение придается генеалогическим исследованиям в свете распространенной концепции о том, что историю делают личности. В истории Азербайджана яркий отпечаток оставили несколько семей, которые благодаря заслугам перед своим народом пользуются известностью и общим уважением. Почетное место среди этих фамилий принадлежит Шахтахтинским, давшим Азербайджану видных ученых, военных, дипломатов и государственных деятелей, просветителей, деятелей искусства.

Спустя несколько лет после присоединения азербайджанского Нахичеванского ханства к России кавказское наместничество задумало наделить аристократические семьи ханства теми фамилиями, которые они сами пожелают взять. На встрече с представителем наместника старейшина рода Шахтахтинских, прежде офицер иранской шахской армии, а теперь прапорщик российской армии Иса I Шахтахтинский гордо заявил: «Нам незачем принимать новую фамилию. Наши предки вот уже пятьсот лет как носят фамилию Шахтахтинский» [1, 13]. Судя по хранящейся в архиве объяснительной записке упоминавшегося выше Исы Шахтахтинского, их семья принадлежит к племени

газахлар, которое, по мнению ряда ученых, представляет собой ветвь племени кенгерли [2].

Совершим краткий экскурс в историю. Известно, что еще в XIII–XIV вв. при Ильханидах был основан город Шахтахты, беки которого носили наследственный титул «агачиг» [3, 10]. За минувшие столетия этот бекский род – Шахтахтинские при всех изменениях исторических условий продолжали играть заметную роль в общественной и политической жизни края, снискав высокий авторитет и уважение. Исходя из этого, российские власти, безусловно, подтвердили их права как старинного дворянского рода. Из архивных документов явствует, что Шахтахтинские владели обширными земельными угодьями в ряде селений Нахчеванского участка, а также большими поместьями в родном селе Шахтахты, в городах Нахичевань и Иреван. Это позволяет сделать вывод о том, что они принадлежали к богатейшим фамилиям всего Южного Кавказа.

Упомянувшийся выше Иса Султан Шахтахтинский был военным и тесно дружил с нахичеванским ханом Калбалы I. Его сын Хаджи Вели был наибом сформированного в 1854 году мусульманского кавалерийского полка, за проявленную в боях доблесть был награжден золотой медалью [4]. Он выстроил в Нахичевани два дома, не жалел средств на помощь делу просвещения. Уместно заметить, что Шахтахтинские добились открытия в родном селе школы европейского образца. В их сельской усадьбе вплоть до недавнего времени помещалась средняя школа.

Брат Хаджи Вели Зейналабдин снискал большой авторитет в армейской среде. В архиве хранится его личное дело, на котором указано его имя с воинским званием: караман (т. е. капитан) Зейналабдин Султан [5, 183–192]. Эта деталь указывает, что Зейналабдин бывал и в Османской Турции: караман в переводе с турецкого означает капитан. Он был личным адъютантом Фараджа, сына хана Калбалы I [6, 79]. Все эти сведения указывают на заметное место Шахтахтинских в военной истории родного края.

Надо заметить, что одна из трудностей на пути изучения ге-

неалогии рода Шахтахтинских связана с тем, что значительная часть относящихся к этой семье документов хранится в архивах Армении. Однако документы, обнаруженные в архивах Нахичевани, Баку, Тбилиси, Астрахани, Москвы, Санкт-Петербурга и Киева, помогли преодолеть многие из этих трудностей. В конечном итоге автору этих строк удалось составить генеалогическую таблицу, охватывающую период с конца XVIII до начала XX века. Основной задачей было установить ветви генеалогического древа. Всестороннюю помощь и содействие в этой работе оказали в Нахичевани – Зивер Шахтахтинская и ее сын Кямил, в селе Шахтахты – Сейфулла Эминбеков, сын Ковкеб Шахтахтинской, в Баку – академик Магомедамин Шахтахтинский и Наира Шахтахтинская. По мере обнаружения документов будут выявляться все новые имена, а генеалогическое древо разрастаться вширь и ввысь. Отметим, что до XVIII века Шахтахтинские использовали в качестве фамилии имя Агачиг, которое носил их прауродитель [7, 14].

В документах конца XVIII века встречаются имена Шахсултана Шахтахтинского и его сына Исы Султана I. У последнего в найденных документах значатся имена семерых сыновей: Мамедтаги, Наджафгулу, Хаджи Вели, Зейналабдин, Джафаргулу, Гусейнгулу и Мамедгулу [8]. Все они служили в российской армии и принимали участие в проводимых этой страной войнах, хотя некоторые прежде находились в рядах иранской шахской армии. Некоторые из их потомков были на государственной службе в разных странах – России, СССР, Франции и в меньшей степени других западных странах, Турции. Безусловно, в одну статью слишком сложно вместить исчерпывающие сведения о генеалогии семьи Шахтахтинских, и поэтому ниже будут упомянуты лишь некоторые представители этого рода, оставившие заметный след в истории военного дела, дипломатии и науки.

Сын Мамедтаги Мамедага Шахтахтинский – известный азербайджанский востоковед, ученый с энциклопедическими познаниями [9, 8–9]. У него были братья Гасаналы, Джахангир и Бах-

шали, сестры Товуз и Периджахан [10, 9]. Из них Бахшали был таможенником, в 1897 году работал на астраханской таможне. В документах упоминаются его сыновья Габибулла, Атаулла, Нейматулла, Султан и Гусейн; старшие из них окончили юридический факультет Петербургского университета [11, 10]. В 1918 году недалеко от селения Неграм в Нахичеванском уезде Бахшали Шахтагинский вместе с младшими сыновьями Султаном и Гусейном подвергся нападению разбойников, которые прямо на глазах отца убили сыновей, а затем застрелили его самого [12, 11].

Сын Бахшали Габибулла Шахтагинский был академиком в области химии. Его сын Мамедамин – видный физик, а дочь Эльмира – художница. Старшая дочь Мамедтагы Шахтагинского Периджахан вышла замуж за Аскера Кенгерли, таможенника, а младшая, Товуз – за майора Алигулу, сына Хаджи Вели. Между прочим, Алигулу состоял в браке также с Зейнабагой Кенгерли, вдовой его брата Гейдара, погибшего в молодом возрасте в Карсе [13]. В этом браке детей не было. От первого брака Зейнабага имела сына Гейдара, с которым затем вышла замуж за Джалила Мамедгулузаде, выдающегося азербайджанского писателя, публициста и общественного деятеля [14, 18].

Еще один сын Исы I Шахтагинского Наджафгулу был военным. В документах упоминаются четверо его детей – сыновья Иса, Абульфат и Али, дочь Фируза [15, 38]. Из них Иса Султан II, проживший всего 43 года, снискал известность как дипломат, агроном, издатель и журналист, просветитель, полиглот не только в России, но и в Османской Турции. Награждался несколькими российскими орденами, а также турецким орденом «Меджидийе» 3-й степени и иранским «Шири-хуршид» [16, 68]. Женился на Сакине, дочери тифлисского бека Аллахъяра Агаларова, и у них родились шесть дочерей. Второй сын Наджафгулу Шахтагинского Абульфат был полковник российской армии, служил в кавалерии; скоропостижно умер в 1913 году в Кутаиси [17]. Его жена Балабейим, которая доводилась ему двоюродной сестрой, доставила его специальным вагоном в родное село Шахтахты и

похоронила в семейной усыпальнице [18]. С тех пор усыпальница сильно разрушилась, но могила полковника Абульфата в сохранности. Его дочь – Гончабейим (Кетеван Мдивани). Их внуки теперь живут в Тбилиси. Об Али Шахтахтинском известно, что он был полковником. Их сестра Фирузабейим была замужем за Эшрефом Калбалыхановым, внуком Шейхали, брата Эксана Нахичеванского.

Еще один сын Исы Султана I Шахтахтинского – Мамедгулу, дед видного азербайджанского дипломата Бехбуда Шахтахтинского. Правнуки Мамедгулу, внуки его сына Али, сегодня живут во Франции, где проживает значительная ветвь рода Шахтахтинских [19, 44].

Внук Гусейнгулу, сына Исы I Шахтахтинского – Гамид Шахтахтинский принадлежит к числу основателей Азербайджанской Демократической Республики (1918-1920) [20, 362–363]. Как видим, род Шахтахтинских дал целую плеяду замечательных личностей, каждый из которых достоин быть предметом отдельного монографического исследования. Эта семья без преувеличения золотыми буквами вписала свои имена в историю Азербайджана, и нет сомнения, что и грядущие поколения будут гордиться этими своими соотечественниками.

Использованные источники и литература

1. *Кулиев М.* Шахтахтинские в нашей истории и судьбе (на азерб. языке). Нахчыван: 2010. – 104 с.

2. Камеральное описание г. Нахичевани в 1831 г. ГИААР (Государственный Исторический Архив Азербайджанской Республики). Фонд: 24, опись 1, дело №353. – 357 л.

3. *Кулиев М.* Указанная работа. Там же.

4. Газета «Кавказ», 40. – 1856 г.

5. ГАНАР (Государственный Архив Нахчыванской Автономной Республики). Фонд: 25, опись 1, дело №3.

6. *Нагдалиев Ф.* Ханы Нахичеванские в Российской Империи. Москва: 2006. – 432 с.

7. *Кулиев М.* Там же.
8. Камеральное описание... Указанная работа. Там же.
9. *Кулиев М.* Указанная работа. Там же.
10. *Кулиев М.* Указанная работа. Там же.
11. *Алиев Али.* Красный табор (на азерб. языке). Баку: 1990. – 48с.
12. Там же.
13. ГАНАР. Фонд23, опись 1, дело №447.
14. *Мамедкулизаде Г.* Мои воспоминания о Мирза Джалиле (на азерб. языке). Баку: 1967. – 212с.
15. *Кулиев М.* Там же.
16. *Гулиев В.* Замечательная жизнь Иса Султан Шахтагинского (на азерб. языке). Баку: 1999. – 87с.
17. Газета «Кавказ», 9–10 марта, 1913 г.
18. Там же.
19. *Кулиев М.* Указанная работа. Там же.
20. Энциклопедия Азербайджанской Народной Республики. Баку: 2005, том II. – 472 с.

КАВКАЗОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К. М.-С. Алиев
(г. Махачкала, Россия)

КУМЫКСКИЕ ЖЁНЫ ЦАРСТВЕННЫХ ОСОБ (ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ)

«Все европейские путешественники, когда-либо побывавшие в Грузии, единогласно признают красоту и очарование черкесских [1] и грузинских девушек».

Иммануил Кант,
немецкий философ XVIII – начала XIX вв.

«Княгиня супруга Адиль-Гирея шамхала Тарковского привезла с собою свою дочь [на аудиенцию к Петру I], которая по красоте своей могла спорить с тем, что мы ни имеем славнейшего в Европе».

Джон Белл, шотландец,
участник Персидского похода Петра I, 1722 г.

«Народ кумыков, прославленный красотой мужчин и женщин....».

Войцех Потоцкий, польский писатель, XIX в.

«Кровь их (речь о персиянах. – К. А.) теперь крайне облагородилась вследствие частых браков с грузинами и черкесами, двумя нациями, которые превосходят все другие по красоте. В Персии едва ли есть один знатный человек, у которого мать не была бы грузинка или черкешенка».

Чарлз Роберт Дарвин,
английский натуралист и путешественник, XIX в.

Генеалогическая история кумыков полна многими интересными фактами и славными событиями. Широко известны и их выдающиеся (и менее выдающиеся) правители – шаухалы и князья. Однако, за редким исключением, почти совершенно неизвестными остаются имена и судьбы славных княжон из рода шаухалов, волею судьбы и посредством междинастических союзов и браков оказавшихся вдали от родины – в других царствующих домах. Среди них и те, которые были отданы замуж за османских садрамамов, астраханских, дербентских и крымских ханов, сефевидских шахов и грузинских царей. Сведения о них скудны и разбросаны по различным историческим источникам. Мы собирали их по крупицам и попытались кратко очертить их жизни.

О красоте кумыкских женщин из века в век слагались многочисленные легенды. Из уст своей несравненной бабушки Лабат-Ханым я в своем детстве слышал вековые предания о кумыкских женщинах-принцессах, красотой которых восторгались и пленились наши и чужие царевичи и домогались их любви, предлагая руку, сердце и в придачу еще полцарства своего.

Одно из них так и врезалось в память –воображение зримой картиной навсегда – вот пришли чужестранные царевичи-княжичи к небесному дворцу одной кумыкской принцессы, о неземной красоте которой земля наполнилась слухами. Стоят у закрытых ворот («ачылмагъыр къапулары»), зовут ее, а она не откликается, и принцы превращаются в каменные статуи («ташигъа айланалар»). И такая участь ждет всех «не тех», пока не придет тот, суженый, единственный, ее принц), на зов которого и откликнется ее страдавшееся и любящее сердце принцессы... Изумительной красоты сказки знала моя бабушка Лабат-Ханым, женщина трудолюбивой души. От нее, видимо, у меня любовь к сказке, истории. И вовсе не случайно то, что впоследствии я увлекся историей вообще, историей красоты, в частности.

Вот и предлагаю теперь вам, моим любознательным читателям, эти мои портретные этюды о кумыкских женах царственных особ. В свое время ими восхищались многие, о них писали и писатели, и философы, и ученые, им посвящали свою музыку знаменитые композиторы.

Кто же они, какова была их судьба, и какой след они оставили в этой жизни?

Ханза (Ханзада) – кумыкская жена астраханского хана Ямгурчея

Шаухалы Тарковские, будучи правителями чингизидского происхождения, поддерживали семейно-родственные связи со своими тюрко-татарскими родичами в различных постзолотоордынских государственных образованиях. В начале XVI в. дочь кумыкского «крым-шевкаля» была женою Астраханского хана Ямгурчея. Когда в 1523 г. русские войска овладели Астраханью, и хан Ямгурчей с приближенными и гаремом бежал на Кавказ, к кумыкам, в Тюменское княжество, в числе пленных у русских оказалась жена хана – дочь «крым-шевкала» [2, 613].

Русский историк В. Н. Татищев в этой связи в своей «Истории Российской» уточняет: «Цариц взяли, и взяли царицу старшую Тевкель, Кель-Махамета мурзы дочь, другую царицу, Крым-Шевкала царя дочь Канзаду (Ханзада, Ханза), да царя Емгурчея дочь Ертагану, да царя же Емгурчея младшая дочь Ельякши биримину, и взятая родила сына Юрашты царевича». И далее: «Привели к Иоанну Васильевичу пленниц, астраханского царя Емгурчея цариц его, Тевкель, да Канзаду (Ханзада. – К. А.), да младшую дочь Ельякши (предположительно, от кумыкской княжны. – К. А.), что взяты в Астрахани. И царь, и Великий князь Государь русский велел цариц астраханских почтить не как пленниц, но как бы свободных встретить назначено своему посадом, и честно их велел держать, и корм им довольный давать от своих царских погребов и палат. А младшая дочь, царица астраханская Ельякши, едучи на дороге в судах на Волге, родила царевича именем Ярашты (Юрашты). И когда приехали к Москве, царь и Великий кн. Государь велел царевича крестить и с матерью, и наречено имя царевичу Петр, а матери его имя Ульяния, велел дать ее замуж за Захария Ивановича Плещеева, а царевича кормить матери до его возмужания» [3, 230; 231; 77–78].

Петр, скорее всего, умер в младенчестве. Захарий Иванович Очин-Плещеев (? – 1571), боярин при царе Иване Грозном, видный

воевода своего времени, после взятия Казани был оставлен там на годовое. Он имел вотчину в Тверском уезде [4]. Эльякши (Ульяна) умерла до 12.11.1565 г. А сам Плещеев был убит в 1571 году по приказу царя Ивана Грозного по обвинению в опричнине.

Брак Захария и Ульяны был бездетным.

Султанум-Хатун – кумыкская жена шаха Тахмаспа

Портрет кумычки Султан-Ага Ханым (1525-1576) – второй жены шахиншаха Тахмасиба I из азербайджанской тюркской династии Сефевидов. Шахиня, известная также как Султаным Хатун, была сестрой шаухала (кумыкского правителя) Чопана Тарковского.

Портрет XVI в кисти неизвестного итальянского художника.

Придворный историк сефевидов Шараф-Хан Бидлиси, посвященный во все тайны шахского двора в период правления шаха Тахмаспа, сына шаха Исмаила I, писал:

«Шах Тахмасп был государем справедливым, совершенным, покровителем подданных и монархом мудрым и правосудным. Он питал величайшую страсть к накоплению имущества, соб-

ственности и богатств. Ни в одну эпоху, ни один государь из правителей Ирана и Турана – после смерти Чингиз-хана или даже с появления ислама – не постарался, собирая казну, накопить так много денег, разнообразных тканей и драгоценных золотых и серебряных сосудов».

И, естественно, как шах, правитель империи сефевидов, Тахмасп был женат на княжнах, дочерях властителей сопредельных стран, и имел от них многочисленное потомство. Он имел несколько жен с Кавказа, и из его девяти сыновей, по крайней мере, пять были от кавказских матерей, четверо – от грузинских и один – от черкешенки. Вот что писал на этот счет придворный летописец Шараф-Хан: «Великие сыновья государя именовались так: Султан Мухаммад-мирза, Исмаил-мирза – матерью обоих была дочь Иса-бека Туркимана. Султан Сулейман-мирза, Султан Ахмад-мирза, Султан Джунай-мирза, рожденные сестрой шамхала и наложницами-черкешенками; Султан Хайдар-мирза, Султан Мустафа-мирза, Имам-Кули-мирза и Султан Махмуд-мирза – [они] появились на свет от юных грузинских невольниц» [5, 232]. По некоторым другим источникам, сыном «черкесской» жены Тахмаспа, сестры кумыкского шаухала, считается и Исмаил-мирза (в будущем шах Исмаил II).

В исторических источниках кумыкская жена шаха известна под именами Султан Ага Ханум [6, 671], «Sultanum-Hatun [7, 257]. Она была сестрой Чопан-шаухала Тарковского Великолепного (1569–1589 гг.) [8, 17–18]. Ее старший сын Султан Сулейман-мирза еще при жизни отца слыл претендентом на шахский престол после него. На этот счет придворный летописец записал: «В 1573–1574 году пошатнулось благородное здоровье шаха Тахмаспа, и он неожиданно заболел. В это время в Казвине удостоился служения государю его второй сын Султан Сулейман-мирза, чьей матерью была сестра черкесского (кумыкского. – К. А.) шафхала и который всю жизнь находился при могиле Имама Ризы – [да будет] над ним молитва и одобрение [Аллаха]» [9, 227].

Еще тогда вокруг султана Сулеймана, его сестры Пери-хан-Ханум (см. ниже) и их дяди по матери шавхала Султана I сформировалась «черкесская» (кумыкская) партия, «постепенно выросшая

в мощную силу, которая в момент смерти Тахмаспа (1576) соперничала с кызылбашами за власть. Такое же постоянное соперничество в шахском гареме, не угасая, шло между ее «черкесской» матерью, Солтан Ага Ханым, и грузинской матерью Хайдара Мирзы, так как обе оказывали определенное политическое влияние на шаха Тахмаспа.

Названный здесь шавхал Султан (или Чергес-шаухал) [10] известен и в истории османо-сефевидских войн 1578–1580 гг. Так, во время антисефевидского восстания в Ширване весной 1577 г., возглавляемого принцем Абубекир-Мирзой, сыном ширван-шаха Бурхана, и, очевидно, поддержанного Стамбулом, Бахчисараем и Тарками, против восставших ширванцев шахом из Казвина было направлено 5–6-тысячное войско под командованием этого «Асгари (Чергес) шаухала». Сефевидское войско было разгромлено объединенными силами ширванцев, кумыков, дербентских теркеменцев и табасаранцев, а командующий с оставшимися в живых несколькими своими людьми был вынужден бежать и скрываться в Кахетии.

Как свидетельствуют исторические источники, особенно много отпрысков кумыкских княжеских родов оказалось на шахской службе в Иране в XVII – начале XVIII вв. Среди других «черкесов» (кумыков) в период царствования шаха Аббаса I хорошо стал известен Казак-Хан, которого шах назначил «амиром аль-умера» (князем князей) в Ширване в 1624–1625 гг. Английский врач Джон Белл в составе посольства А. Вольнского в 1714–1715 гг. в Иране, например, описывая Кумыкию (равнинный и предгорный Дагестан), писал: «Мужчины в оной статны и весьма крепкого сложения; много их находится в службе у Софи, происходя часто в первые чины. Ехтима-Девлет, или первый министр, Али-Бег (см. ниже. – К. А.) был из сея земли». В период правления шаха Солтан-Хусейна (1694–1722) известны Лотф-Али Хан и Фатх-Али Хан Дагестанские, Этемад-аль-Даула, которые оказали сильное влияние на государственные дела.

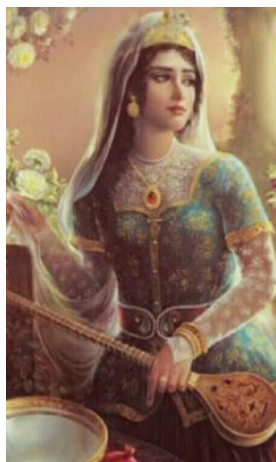
Султанум-хатун была весьма образованной для своего времени женщиной; кроме воспитания, образования своих детей, она, конечно же, вела насыщенную придворную жизнь и не была лишена амбиций, связанных с продвижением своих сыновей на сефевидский

трон. По некоторым сведениям, она была в переписке с супругой турецкого султана Сулеймана Великолепного – Хюррем-Султан.

После успешной для сефевидов войны 1551 года под Ахлатом (на территории современной Турции) любимая жена султана Сулеймана обратилась с письмом к Султанум-хатун. В письме она просила жену шаха Тахмаспа I: «Скажите мужу, чтобы наши мужья положили конец этим войнам. Пусть между нами будет мир!» Султанум на предложение ответила так: «Наши мужья не обращают внимания на слова своих жен. Хорошо было бы, если бы вы адресовали сестре нашего повелителя». После того как письмо это через сестру его доставлено шаху Тахмаспу, в 1555 году в Амасье между Ираном и Турцией был подписан известный в истории мирный договор [11].

Но, пожалуй, самой выдающейся женщиной в истории сефевидов стала Перихан-ханум (Перихан-бегум) – дочь Султанум-хатун (Султан-ага-ханум). И неудивительно, что она и вошла в список 15 самых знаменитых мусульманских женщин 16 века. О ней более подробно в следующем нашем этюде.

«Черкесская фея» – сефевидская принцесса Перихан-ханум

*Иллюстрация
из интернета*

Перихан-ханум (Paḡī Khān Khānum, Perikhan Begüm) – сефевидская принцесса и вторая дочь шаха Тахмаспа I (1524–1576) от черкесской (кумыкской) матери – родилась приблизительно в августе 1548 года в г. Казвине, убиита 12 февраля 1578 года. В середине 16 века при дворе сефевидов она стала политически влиятельной и колоритной фигурой. Она была «умнее других шахских принцесс», а также политически проницательной женщиной, и «ее мнение и советы по достоинству были оценены ее отцом».

Перихан-ханум оказывала большое

влияние на государственные дела, осуществление политических планов шаха-отца [12, 91]. Ее авторитет при дворе способствовал консолидации тогдашней сефевидской элиты, многие видные лидеры кызылбашей искали ее покровительства и помощи. Но личную жизнь ее невозможно было назвать счастливой.

Шах Тахмасп I после смерти своего брата Бахрама Мирзы в 1549 году, очень любивший его, взял всю заботу о его сыновьях на себя, всячески покровительствовал им. Самого младшего из них, Бадиаз-Замана, он даже усыновил и женил на своей дочери Перихан-ханум. Но в 1557 году, когда назначил зятя-племянника губернатором области Систан, не разрешил ей выехать вместе с мужем на место его назначения. Позже, 26 марта 1577 года, Бадиаз-Заман был убит по приказу шаха Исмаила II, а Перихан-ханум продолжала проживать в Казвине.

Она была весьма образованной для своего времени женщиной, хорошо разбиравшейся в традиционных исламских науках, например, юридических. Она была также известна как отличный поэт.

Ее дворец был настолько великолепен, что шах Аббас Первый позже использовал его в качестве временной резиденции сразу после его коронации в Казвине. Дворец находился рядом с садом шахского гарема, и она могла войти во дворец свободно. Перихан-ханум сыграла решающую роль в продвижении своего брата Исмаила-мирзы на шахский трон после смерти шаха Тахмаспа (1576). В источниках это событие хорошо описано. Вот как это описывает Шараф-хан: «Дочь покойного шаха Перихан-ханум, видя, что дела приняли такой оборот, тотчас со [всей] поспешностью направила верного человека к своему дяде по матери, черкесскому шамхалу, и известила его об этом. Шамхал с Хусайн-Кули-хулафой Румлу, эмиром Аслан-беком Афшаром и с племенами] текелу, афшар, туркиман и курдами незамедлительно посреди ночи прибыли во всеоружии, пешком и на конях, к воротам конного ристалища, и с помощью оружия проникли в садик при гареме.

Султан Хайдар в это время по совету нескольких глупцов переоделся в женские одежды, надеясь в таком виде в сопровождении нескольких женщин выбраться из дворца и оказаться среди

[своих] сторонников и единомышленников, чтобы спастись от злобы шамхала и [учиняемого] смутьянами и невеждами безобразия и стать суверенным государем.

Стоило ему оставить дворцовые покои, как сразу же слуги-черкесы известили шамхала. Тот кинулся за ним в погоню. Султан Хайдар-мирза, когда [шамхал] сорвал с его головы чадру, ухватился за кинжал и бросился на [шамхала]. Один из черкесских гуламов ударом сабли погубил тот кипарис, [выросший] над полноводной рекой царствования, и ту розу из сада владычества, что не имела себе подобных» [13, 227].

Однако новый шах Исмаил II (1576) оказался не тем человеком, на которого можно было положиться. Он стал подозревать свою сестру в тайных умыслах в отношении себя (эмиры постоянно собирались в его дворце). Тем эмирам, у которых вошло в привычку собираться у Перихан-ханум, он сказал, что «...вмешательство женщин в государственные дела унижает честь его как шаха». После этого заявления эмиры стали избегать ее.

Меньше чем через два года шах Исмаил II был убит. По словам Искандар-бека, одним из возможных объяснений его убийства является то, что Перихан-ханум «... сговорила с рабынями гарема, чтобы добавить яд в электуарий (лекарственная смесь)». В любом случае, она была фактически властительницей после смерти ее брата, взяв на свои плечи ответственность за ведение государственных дел. Султан-Мухаммад Худабенде, следующий шах, которого она посадила на престол, опасался опасного влияния Перихан-ханум и ее черкесской (кумыкской) группы на государственные дела и решил ликвидировать ее партию. Именно в день их въезда в столицу, Казвин, он приказал казнить принцессу и ее дядю, шамхала.

Со смертью Перихан-ханум вмешательство «черкесов» во внутренние дела сефевидов было приостановлено на некоторое время, но всё же сохранялось. Во время правления Аббаса I «черкес» (кумык) Фархад-бек, начавший свою карьеру в качестве фалконера (сокольничий), был повышен до должности «начальника охоты» (Amir-e Sekar) [14], но попал под подозрение в формировании крамольных отношений со старшим сыном шаха,

Мохаммад-Бакером Сафи Мирзой, чья мать была «черкешенкой» (кумычкой), дочерью шаухала Сурхая и внучкой Чопан-шаухала Тарковского Великолепного. Шах передал Фархад-бека князю, который, чтобы показать свою лояльность, приказал предать его смерти немедленно, а имущество конфисковать (1614). Вскоре после этого, однако, «черкесский» слуга Узун Бехбуд-бек убил князя по приказу шаха, опасавшегося популярности молодого князя.

Ко всему сказанному следует добавить, что Перихан-ханум, дочь шаха Тахмаспа, послужила прототипом одной из героинь исторического романа турецкого писателя Намыка Кемала «Джезми» (19 в.). Юная смелая девушка с первого взгляда влюбляется в крымского принца Адиль-Гирея, попавшего в плен к иранцам в ходе османо-сефевидской войны 1577–1578 годов. Действующим лицом романа «Джезми» является и дядя «Черкес-шавхал», предводитель иранских «черкесов» (кумыков), находящихся в ту эпоху на службе сефевидских шахов» [15, 257].

«Пленившая Стамбул» Рабиа-Михридиль

Дочь брата Уллу Чопана, шаухала Тарковского, принцесса Рабиа-Михридиль была женщиной изумительной красоты, славившейся на весь Кавказ. Какие только принцы не домогались ее руки! Выдана же была она в 1578 г. замуж за садразама (главного министра) Османского правительства и Кавказского наместника султана Османа-пашу Оздемироглу и вошла в турецкую историю под восхитительным именем «Дагистан гюзели» («Краса Дагестана»).

О ней немало сведений в

*Портрет работы
заслуженного художника
России, члена-корреспондента
Российской академии художеств
А-З. Б. Мусаева*

турецких исторических и литературных источниках, а писатель Намык Кемал сделал ее, как и Парихан-ханым, главной героиней своего широко известного в Турции романа «Джезми» [16, 313].

Попытаемся и мы, основываясь на имеющихся источниках, кратко обрисовать ее не беспечальную жизненную летопись.

Раба-Михридилъ родилась в кумыкской княжеской семье. Отец ее Тундж-Алав (Джучилав), заслуженно носивший и мусульманские почетные титулы «Бурхан ут-Дин» («Доказательство Веры») и «Мелик ут-Дин» («Царь Веры»), совместно со своим братом шаухалом Чопаном в 1578 г., за заслуги перед домом Османов, был удостоен высоких почестей. Оба они участвовали в войнах за Ширван и Кавказ на стороне Османов. После добровольного вхождения Юго-Восточного Кавказа (Ширвана и равнинного Дагестана, т.е. Шаухальства) в состав Османской империи, как сообщает историк Османов Ибрагим Печеви, им в управление были отданы санджаки (Ахты, Ихыр и Шабуран) и присвоено звание генералов – «санджакбеги».

Историю замужества Михридилъ тот же И. Печеви рассказывает следующим образом:

«Полагая, что укрепление дружбы и сотрудничества с шаухалами Дагестана – дело необходимое, Осман-паша женился на дочери упомянутого Тундж-Алав-бека, брата дагестанского бека эмира Шаухала. Осман-паша привез дочь дагестанского бека в Стамбул. Эта женщина прославилась в Стамбуле своей красотой. В те времена поклонники высокой любви сочиняли песни и четверостишия в честь красавицы («Дагестан гюзели»), и ее имя было у всех на устах» [17, 41; 249; 329; 41].

Муж ее Осман-паша Оздемироглу, «исключая султана Явуза, султана Сулеймана Кануни («Законодателя»), Бабура, шаха Исмаила I, великих государей и полководцев, был никем не превзойденным тюркским полководцем» (И. Озтуна). А другой историк – Фахреттин Кырзыоглу – полагает, что Осман-паша имел кумыкско-кипчакские корни.

Но какова же была судьба Михридилъ, по определению историка Йылмаза Озтуны, «вошедшей в историю в качестве самой красивой женщины XVI века»? Сведения скудны, но позволяют очертить некоторые вехи ее жизненной летописи.

Рабиа-Михридиль прожила с мужем Османом-пашой семь лет. Когда в 1585 году он умер в Диярбакыре, у них оставалась одна дочь. Известно также, что ее после смерти мужа долгое время не оставляли в покое знатные сваты, предлагая заключить брак. В итоге, как пишет Ибрагим Печеви, «по фирману» падишаха (султана Мурада III. – К. А.) она стала женою генерала Хасан-паши, сына визиря Соколлу... Этот паша увез ее с собой в Боснию. Хасан-паша был беглербегом (правителем) Боснии, резиденция его находилась в Сараево. Однако рок преследовал ее. Михридиль со вторым мужем также прожила недолго. Хасан-паша погиб во время австрийско-турецкой войны 1591 года, воюя со своим войском против 40-тысячной армии австрийцев.

О том, как сложилась дальнейшая судьба «дагестанской гюезели», история молчит. Но память о ней, о ее изумительной красоте и не беспечальной судьбе пережила века.

Кумыкские жены крымских царевичей

Междинастические браки заключались у кумыкских шаухалов и с ханами Крыма и Ногая, примеров коих мы встречаем в ряде исторических источников [18, 71]. Так, отметим, что старший сын Мухаммед-Гирея II «царевич» Сеадет-Гирей был женат на кумыкской княжне, дочери шаухала, и их первенец с благословения хана был наречен *Кумук-Гиреем* [19, 24 об.], а средний брат, Мурад-Гирей, свое беззаботное детство провел в кумыкских Бойнаках, видимо, у своего аталыка или по какой-то другой неизвестной нам причине, и он также был женат на кумыкской принцессе [20]. Женой хана Ногайской Орды Урус-хана была дочь кумыкского шаухала, которую звали Тавлу-бегум. От нее у хана был сын Ханмурза. А вышеупомянутый Сеадет-Гирей был женат и на дочери ногайского Урус-хана. Это способствовало прокрымской ориентации Ногая. Как указывается в источниках 1580-х гг., в то время «турской султан и крымский царь, Большие Орды нагаи заволжские и Казыев улус (то же самое, что и Малая Ногайская Орда, располагавшаяся в междуречье Дона и Кубани), и кабардинские черкасы, и кумытцкие люди, сложась за один, безпрестанно

в государеву землю приходили войною». В 1580-е гг. постоянной юго-западной границей Ногайской Орды, как свидетельствовал сын Уруса и Тавлу-Бегим Ханмурза, являлась река Кума. К югу от Кумы находилось малолюдное Тюменское княжество, ядро населения которого составляли кумыки из рода тюмен [21]. В последней четверти XVI века сын Сеадет-Гирея от кумыкской жены (Ертуган?) был отдан в аманаты русскому царю. Как отмечают некоторые историки (И. В. Зайцев и А. В. Беляков), именно он, Кумук-Гирей, упоминается в Русском государстве после смерти отца Сеадет Гирея. Например, в октябре 1588 года русский посол в Иране князь Григорий Васильчиков заявил, что после смерти Сеадет-Гирея «государь наш брата его Мурат-Кирея царевича и цареву Сеадет-Кирея царя царицу и сына его Кумук-Гирея пожаловал, велел им бытии по тому ж в своей государевой вотчине в Астрохани» [22, 71]. Что же касается царевича Мурад-Гирея, то он, вероятно, женился на дочери Чопан-шаухала Тарковского весной 1686 года, ставший после смерти своего старшего брата и мужем его жены (кумыкской княжны). Об этом мы можем судить по сведениям А. Лызлова в «Скифской истории», которые явно почерпнуты из разрядных книг. Он отмечает, что Мурад-Гирей «приде к Москве служити государю царю и великому князю Федору Иоанновичу с племянником своим иже бе и пасынок, ему же имя Кумук-Гирей, и з жоною, яже бе и невестка ему, и с ними многие татарове, аталыки и мурзы».

Однако дальнейшая судьба их – и Мурад-Гирея, и Кумук-Гирея сложилась трагически. Их смерть была результатом довольно странного «поветрия», в ходе которого умерли, помимо Мурад-Гирея, одна из его жен и племянник (пасынок) Кумук-Гирей.

Элизабет-Терезия Ширли – дочь «черкесского» военачальника

Источники свидетельствуют: многие из кумыков-черкесов на шахской службе сделали карьеру по административной лестнице, а некоторые даже возвысились до наместников провинций. Из числа этих «черкесов», по всей видимости, происходил «черкесский» военачальник на службе у шаха Аббаса – Сампсаф (шафхал?) Искаон,

на дочери которого женился английский лорд и дипломат Роберт Ширли. Какое имя она носила до замужества, мы не знаем. Сохранился портрет этой «черкешенки» кисти знаменитого голландского живописца Антониса Ван Дейка – «Портрет Элизабет или Терезии Ширли, облаченной в восточный костюм. 1622 г.».

Отметим, что в английских публикациях, посвященных Роберту Ширли, неизменно подчеркивается «черкесское» происхождение Терезии и ее отца. Имя последнего указывается как Исмаил-хан.

Так, в одной из обстоятельных статей английского биографического словаря о Роберте Ширли отмечается, что «перед 1607 годом он женился на Терезии, дочери Исмаила-хана, черкеса благородного происхождения и христианской веры, который был связан с одной из черкесских жен шаха Аббаса (Before 1607 he married Teresia, daughter of Ismael Khan, a Circassian of noble birth and of Christian faith, who was related to one of the Circassian wives of shah Abbas). С достаточ-

Портрет «черкешенки» Элизабет или Терезии Ширли, облаченной в восточный костюм. 1622 г.». Принадлежит кисти знаменитого голландского живописца Антониса Ван Дейка

ной долей вероятности, упоминаемого здесь Исмаил-хана, можно связать с кумыкским князем Исмаилом («Комук беги Исмаил») османского (турецкого) реестра мусульманских владельцев Северо-Восточного Кавказа 1574–1586 гг. (среди 24 северокавказских владельцев, которым в 1581–1582 гг. отправлены фирманы.

Некоторые адыгские исследователи полагают, что она по этнической принадлежности была из адыгов. Однако для такого однозначного утверждения оснований не вполне достаточно. Известно, что при дворе шаха Аббаса I (1587–1629), по традиции всех сефевидов, пребывало большое число черкесов-кумыков. Эндрю Ньюман подчеркивает, что матерями двух шахов являлись «черкешенки» – Аббаса II (1642–1666) и Сафи II (второе тронное имя – Сулейман, 1666–1694). Матерью сына Аббаса II (1642–1666), как это хорошо видно из исторических источников, была дочь Сурхай-шаухала Тарковского (1589–1604 гг.), сестра Гирей-хана, шаухала Тарковского. Ее звали по-кумыкски Ана-ханум (Анна-ханум). Следовательно, дочь «шамхала» Исмаил-хана (Сампсаф Исаон, очевидно, искаженный в английской передаче вариант) была, видимо, связана родством именно с кумыкской женой шаха Аббаса – Аной-Бёгум (см. выше).

Ана-Бегум Дагестани

Персидская миниатюра с изображением Ана-Бёгум, дочери Али Кули Хана Валиха (Дагестани), XVIII в.

Ана-Бегум [23] Дагестани – дочь Али Кули-хана Валиха [24, 31–39]. Персидские антологии, публикуя ее изображение, характеризуют ее следующими словами: «Красива, умна, величава, держится с большим достоинством». Она была замужем за Газиадином Бахадуром Могольским по прозвищу «Опора государства» («Итимад ад-довле»). Она обладала даром художественного слова, писала талантливые стихи.

Кумыкские жены грузинских царей XVI–XVIII вв.

По историческим источникам видно, что в грузинском царствующем доме с раннего средневековья, еще с эпохи владычества хазар на Кавказе, существовала тюркофильская традиция заключения браков с тюркскими принцессами. Она сохранялась и не прекращалась и все последующее время. Пожалуй, первый кумыкско-грузинский брачный союз заключен Леваном (Левенд-хан [25] (1504–1574), царем Кахетии (1518–1574), сыном царя Георгия II (1469–1513). В 1531 г. он женился вторым браком на дочери шаухала «Кара-Мусала» (Карамуслы – так в документах) [26].

От нее он имел многочисленное потомство: Элмирза (1532–1580); Константин (1532–1549); Нестан-Дареджан – замужем за Симоном IЗ, царём Картли (1556–1600), была матерью Георгия X (занял в 1600 г. картлийский царский трон); Вахтанг; Эрекле; Теймураз; Давид; Баграт; Кайхосро; Николоз – католикос-патриарх Грузии Николоз VIII (1584–1591); Кетеван, замужем за Вахушти Гогибашвили; Текле, замужем за князем Барамом Чолокашвили; Элене, замужем за Эрекле, сыном Вахтанга Мухранбатони (Багратиони).

Интересен и такой факт из биографии Левана. Когда в 1513 году между претендентами развернулась смертельная борьба

ба за грузинский престол, в результате которой отец Левана был схвачен Багратам, братом картлийского царя Давида X, и брошен в темницу, где вскоре скончался, то кахетинские тавады (князья) укрыли единственного сына и наследника царя Георгия Левана у Гарсевана Чолокашвили (грузинский князь с кумыкскими корнями). А в 1518 г. Леван воцарился на кахетинском престоле не без помощи сефевидского шаха и кумыкского шаухала.

Понятно, что, заключая междинастические браки, каждая из сторон преследовала свои цели и интересы. Царь Леван (Левенд-хан), имея в союзниках кумыков, хотел обезопасить свое государство с севера, т.е. со стороны «Страны шаухалов» («Са-шавхло»). Шаухал же, действуя заодно с сефевидами, – распространить свое влияние на Восточную Грузию и иметь прямой выход к Турции. Во время правления царя Левана отношения его с шаухалами укрепились как никогда, вражеских нашествий не происходило, вследствие чего страна экономически окрепла, особенно города Греми (Крым) и Базари. Все свои усилия царь Леван направлял на то, чтобы не обострять отношений с Ираном и Са-шавхло; в его царствование в стране царило спокойствие, и жизнь протекала мирно. Леван подчинил себе пшавов, хевсуров и тушинцев. Он также наладил отношения с шавхалом (шаухал был правителем феодальных владений на территории Дагестана. Центром Са-шавхло был Тарку).

Как сообщает Вахушти Багратиони в своей «Истории», «царь Леван Кахетинский в последние годы жизни (то есть ранее 1574 г.) «возвысил детей своих от дочери шамхала», а после его смерти эти царевичи «получали помощь от шамхала». Уточним только, что в тот период в Кумыкии правил Чопан-шаухал Мухтешем Тарковский. Его же сестра была замужем за шахом Ирана Тах-маспом.

В этом отношении показательно и то, что в 1580 г. к турецкому сердару (главнокомандующему) в Эрзеруме с письмом обращается царь Картли Симон-хан I (женой которого была Нестан-Дареджан, дочь царя Левана, рожденная от матери-кумычки, дочери шаухала) [27]. В своем послании грузинский царь сообщает, что готов служить Османскому государству, «стать другом его

друзей и врагом его врагов». Если, конечно, ему в управление будет дан Тифлиссский вилает («вилает-и Тифлис»), обещаясь в знак залога (аманата) своей верноподданности дать своего сына Георгия от Нестан-Дареджан (будущий царь Картли Георгий X, 1600–1605) [28, 102; 382].

Не исключено, что впоследствии Георгий, сын Симон-хана I и Нестан-Дареджан, стал царем Картли Георгием X, с помощью османов и кумыков, и правил там с 1600-го года по 6 сентября 1606 г. В потомстве он имел сына Луарсаба II (1592–1622), царя Картли (1606–1614), и дочерей: Лалу, Элену, Хорешан-Дареджан (названа в память о прабабушке), была замужем за Теймуразом I (1589–1663) – царем Кахетии в 1606–1648 и Картли в 1625–1632.

* * *

Браки между членами обоих царствующих домов заключались и в последующие эпохи. Так, в конце XVI в. замужем за сыном кахетинского царя Александра царевичем Юрием (сын от первой жены) была также «дочь шевкала» (Сурхая. – К. А.), хотя отношения между шаухалами и грузинскими царями в этот период были весьма обострены. Александр II Кахетинский (1574–1605), с одной стороны стесненный нападениями шаухала, с другой – опасаясь мщения Персии за склонность к туркам, в 1586 году тайно отправлял в Москву посольство, с просьбой к царю Федору Иоанновичу принять Кахетию под свою высокую руку и тем «исхитить ее из рук неверных».

Не отставал от своего отца и сын его Юрий (Георгий). В 1603 г., например, он обращался к московским царским послам в следующих словах: «Турки, персияне, кумыки силою к нам врываються, а вас зовем добровольно: придите и спасите! Ты видишь Иверию, ее скалы, ущелья, дебри; если поставите здесь твердыни и введете в них русское войско, то будем истинно ваши и целы, и не убоимся ни шаха, ни султана».

В 1603 же году в Москву прибыло очередное посольство от царя Александра. Его возглавлял архимандрит грузинский Кирилл. Вопрос оставался прежним – военная поддержка и дальнейший переход Грузии в русское подданство. Кирилл уверял в

необходимости «строительства русских градов» на северо-востоке Кавказа: «А горские люди таковы: пока вашей царской рати на них не будет, и нам нельзя от них быть в бесстрашии. ... А в Кумыцкой земле есть три места, где можно грады ставить: одно место – Тарху, другое – Тарлук, третье – Бойнак; и тогда и кумыки, и кайтаки, и все горские люди будут в ваших царских руках». И уже в мае 1604 года в Грузию (Кахетию и Картлию) царём Борисом было отправлено русское посольство. Одной из его целей была разработка совместных военных действий против Тарков, т. е. против кумыков. Однако, прибыв в августе того же года в столицу Кахетии – Загем, русские послы не застали в нём царя Александра, которого вместе со своим сыном Константином и всем войском шах Аббас в срочном порядке вызвал на «кизилбашскую службу», для боевых действий против турков-османов. Делегацию принял сын Александра – «кумыцкий зять» царевич Юрий (Георгий). Последний встретил русских послов «не только ласково, но и раболепно». Прославляя московского царя, Юрий сетовал на судьбу Иверии, находящуюся «под ножами султана и шаха» и терзаемую кумыками. Несколько времени спустя Юрий неожиданно сообщил русскому послу Татищеву, что из Кенжи (Гянджа. – К. А.) и Шемахи на Загем идут турки и что при них находится сын шавхала – Солтан-Мут. Этот и другие походы, видимо, получили отражение и в «Песне плакальщицы над телом убитого Султан-Мута». В то же самое время с севера на Загем выдвинулась другая группа кумыков. Юрий просил посла дать ему для отражения нападения прибывших с посольством московских стрельцов: «Хоть и немного [стрельцов] для того [битвы], но как услышат турецкие и кумыцкие люди, что государевы люди со мной, то не пойдут [на Загем] ... Отец мой Александр-царь ныне у шаха, и лучшие люди [войска] все с ним... А со мною соберётся грузинских людей тысяч с пять и больше; и сам я хочу быть первым мертвецом за государя и за христианскую веру».

Однако погиб Юрий не «за государя и за христианскую веру», и не на поле боя, а в результате внутриворцовых интриг и борьбы за грузинский престол при следующих обстоятельствах. 12 марта 1605 года в царском дворце в г. Загеме по приказу царевича Кон-

стантина-мирзы (Константин-хан), выросшего при шахском дворе и принявшего ислам, сына Александра (Константин в семилетнем возрасте был послан заложником в Иран), были умерщвлены Александр II, царевич Георгий и присутствующие на собрании кахетинские дворяне. Константин объявил себя царем.

Судьба супруги Юрия (Георгия), дочери Сурхай-шаухала, неизвестна. Потомства от этого брака, видимо, не было.

* * *

На кумыкской княжне, дочери Будаи-шаухала Тарковского, был женат и старший сын царя Ираклия I – царь Кахетии Давид II (Имам Кули-хан) (1678–2 ноября 1722), матерью которого была Ана (Анна) Чолокашвили. В 1703 году, по просьбе своего отца Ираклия, 25-летний царевич Давид (Имам Кули-хан), принявший ислам, был назначен персидским шахом Солтан Хусейном (1694–1722) новым царем Кахетии (1703–1722). В браке с дочерью шаухала у них родились: Леван (Махмуд Риза-мирза) (ум. в 1734 г.), иранский наместник Гянджи; Александр (Назар Али Мирза), наместник в Тбилиси (ум. 3 ноября 1737 г.); Назар-мирза (ум. в 1750 г.).

К этому добавим, что сын Давида II Назар Али Мирза, известный в грузинской истории под христианским именем Александр II (царь Картли, 1735–1736) и Александр III (царь Кахетии, 1736–1737), был женат на Мариам, дочери эристава Шанше Ксанского (ум. в 1753). В этом браке родились: Иоанн Багратион (Иван Александрович Грузинский) (1730–1795), Ана Багратион (Анна Александровна Грузинская) (1723–1780), жена с 1743 года князя Петра Георгиевича Дадияни (1716–1784).

Таким образом, видно, что Ана (Анна) Александровна Багратион-Грузинская (1723–19 марта 1780, Москва), единственная дочь и потомок царя Кахетии Александра III (Назара Али Мирзы) и его жены княжны Мариам Эристави-Ксанской (Эристави-Сидамонидзе), была «внучкой царя Давида II (1678–1722) и его жены, кумыкской княжны Факуриджан-бегум, дочери Тарковского шамхала, и правнучкой царя Ираклия и его жены княжны Анны Чолокашвили.

Род князей Дадиановых внесен в V часть Родословной книги Московской, Казанской и Самарской губерний.

На дочери Будаи-шаухала Тарковского Переджан-бегум в начале XVIII в. был женат и царь Кахетии, младший сын Ираклия I, царь Константин II (Махмуд Кули-хан) (ум. 28 декабря 1732 г.). Он родился и вырос в Исфахане (Иран), и, очевидно, был близко знаком с представителями иранской ветви Тарковских (Дагестани), в частности, с поэтом Валихом Дагестани. Наследовал царство после смерти своего старшего брата Давида II (Имам Кули-хана) по повелению иранского шаха. Также шахом ему были отданы во владение Ереван, Шамшадил и Казах. Впоследствии вместо Еревана ему были переданы Гянджа и Карабах. В 1723 году ему же шахом был отдан царский трон Картли. Первые бои за трон Картли Константин уступал, но с помощью кумыкского шаухала 4 мая 1723 года овладел Тбилиси. В потомстве у них был единственный сын Баграт.

В XIX в. известен и случай сватовства князя Чавчавадзе к дочери Шамсутдин-шаухала Тарковского Солтанат-бике (она же – Екатерина), воспитывавшейся при императорском дворе Николая II.

Таким образом, мы видим, семейно-династические связи шаухалов («шевкальских царей») и царей грузинских были достаточно частыми, и благодаря этому в жилах многих грузинских царей и царевичей текла изрядная доля кумыкской крови.

Завершая тему кумыкских жен грузинских царей и их потомства, хотелось бы отметить, что брачные союзы кумыкских шавхалов и грузинских царей служат своего рода историческими вехами в отношениях Кумыкии и Грузии. Мы не задавались целью дать развернутую историю кумыкско-грузинских браков, которые, как мы могли убедиться из предшествующего изложения, приобрели на протяжении рассматриваемых столетий многократный наследственный характер. Понятно, поддержка, обеспеченная кровным родством с представителями одного из древнейших и могущественных аристократических кланов Кавказа – тарковичами – придавала уверенности грузинским царям. Не без помощи и поддержки шаухалов многие из них занимали грузинский пре-

стол. И сами кумыкские шаухалы таким образом укрепляли свою власть и расширяли сферу своего влияния на Кавказе.

Тату-бике (Тути-бике) – любимая жена Фатали-хана Кубинского

Тату-бике – мудрая легендарная правительница Дербента второй половины XVIII в.

Однажды Фатали-хан устроил состязание стрелков. В нём участвовали достойнейшие джигиты Дербента и его окрестностей. Победителем оказался претендент в маске. Когда он снял ее, все ахнули от удивления – перед ними стояла прекрасная девушка, оказавшаяся сестрой кайтагского уцмья Эмир-Гамзы – Тату-бике (Тути-бике).

Тути-бике понравилась правителю города Фатали-хану. Он женился на ней и сделал её правительницей города.

Конечно же, всё это красивая легенда, в реальности всё обстояло иначе. Тути-бике – сестра кайтагского уцмья Эмир-Гамзы. В 1766 г. правитель Кубы и Дербента Фатали-хан женился на Тути-бике. Шесть месяцев в году Фатали-хан жил в Кубе, шесть – в Дербенте, а в его отсутствие Дербентом правила Тути-бике. По договорённости, выдав сестру за Фатали-хана, уцмий должен был стать мужем его сестры. Однако Фатали-хан, женившись сам, передумал выдавать свою сестру за Эмир-Гамзу, что послужило причиной долгой вражды между ними. Несколько раз, пользуясь отсутствием в городе Фатали-хана, Эмир-Гамза нападал на Дербент, но каждый раз Тути-бике удавалось отражать атаки брата.

Народная память свидетельствует, что правительница Дербента Тути-бике в период наивысшей угрозы над городом в 1774 г. со стороны кайтагского уцмья Эмир-Гамзы проявила стойкость и мужество. Девять месяцев длилась осада Дербента. В городе

закончились запасы продовольствия, начались болезни и голод. Эмир-Гамза, известив сестру о ложной смерти Фатали-хана, потребовал сдачи города. Однако она отвергла предложение брата и, переодевшись в мужскую одежду, возглавила оборону. Когда многие влиятельные вельможи оставили Дербент на произвол судьбы, его жители увидели Тути-бике на городских стенах среди защитников, где она распоряжалась действиями гарнизона и огнём крепостных орудий. О её храбрости и решительности свидетельствует тот факт, что в момент осады города она не прервала молитвы и по её завершении, выйдя во двор джума-мечети, куда ворвался вражеский отряд, не растерявшись, ударом кинжала убила их предводителя. Изумлённые мужеством женщины, враги разбежались. Она своей неустранимостью вселяла уверенность в защитников города. Во многом благодаря ее мужеству и умелому руководству Дербент и на этот раз выстоял.

Прах этой великой женщины покоится в мавзолее дербентских ханов, возведенном в 1202 году мусульманского летоисчисления (1787–1788 гг.) над ее могилой ханом Кубы и Дербента Фатали-ханом. Кроме нее в мавзолее захоронены ее сыновья Ахмед-хан (1791 г.) и Гасан-хан (1802 г.), а также жена Гасан-хана Нур-Джахан-ханум (1841 г.). С запада к мавзолею примыкает огороженная каменной стеной группа захоронений семейства генерала Амир-Чопана Уцмиева-Кайтагского.

У Тату-бике и Фатали-хана Кубинского была и дочь, нареченная именем Фериджи-ханум (Периджи-ханум), ставшая впоследствии женой Мехти-шаухала Тарковского, унаследовавшая от своих знаменитых родителей самые лучшие человеческие качества, в одно время она стала и правительницей Дербентского ханства.

Использованные источники и литература.

Примечания

1. Отметим, что под термином «черкесы» (от древнетюркского – *çerig* + *ges* войско+человек = военнотурецкий) в XVI, XVII и последующие века в Османской и Сефевидской империях пони-

мали вольнонаемных тюркских воинов, перешедших на службу к османским султанам, сефевидским шахам, грузинским царям, а также арабским правителям Египта. В использованных здесь иранских, османских, грузинских источниках под термином «черкес, черкесы» понимаются кумыки, а не только адыги, как это часто пытаются преподнести некоторые адыгские историки и находящиеся в сфере их влияния некоторые писатели и исследователи

2. *Кобеко Д. Ф.* Михаил Арасланович Кайбулин, царевич астраханский // «Арабески» истории. Каспийский транзит, вып. 5–7, Т. 11.

3. ПСРЛ. Т. 29.; *Курбский А. И.* История о Великом кн. Московском. СПб, 1913.

4. Плещеевы – русский дворянский род, происходящий от Федора Бяконта, выехавшего в XIV веке из Чернигова в Москву и бывшего боярином у вел. князя Симеона Гордого. От Григория Семёновича Плещеева по прозвищу Очи, жившего в первой половине XVI века, происходит дворянский род Очиных-Плещеевых, игравший заметную роль в опричнине. Представители этого рода участвовали в битве с кумыками на Караманском поле на Сулаке в 1605 году. Воевода Осип Плещеев с сыновьями Богданом и Львом погибли в этом ожесточенном сражении вместе с другими царскими воеводами И. Бутурлиным, И. Полиным, И. Исуповым и др.

5. Шараф-наме. М. 1976. Т. 2.

6. *Qāzī Aḥmad Qomī*, *Qolāṣat al-tawārīq*, ed. E. Ešrāqī, 1359 Š. 1970, Tehran.

7. *Kırzioğlu Fahrettin.* Osmanlılar'ın Kafkas-Elleri'nin Fethi (1451-1590). Ankara. 1993.

8. *Алиев К. М.* Шаухалы Тарковские. Страницы кумыкской родословной. Махачкала. 2008.

9. *Шараф-Хан Бидлиси.* Шараф-наме. М., 1971. Т. 2.

10. Шавхал Султан, пожалуй, первый из тарковских шаухалидов, впервые упоминающийся уже в эпоху правления Тахмаспа Первого, долгие годы возглавлял его личную гвардию шаха. По сведениям, турецкого историка Ф. Сюмера (Faruk Sumer), личная гвардия шаха Тахмаспа насчитывала 4 тыс. 500 человек. Он же

указывает, что она в основном состояла «из голубоглазых черкесов», т. е. кумыков, выходцев из шаухальства. В этой связи следует отметить, что в сефевидских исторических источниках он стал известен под именами «Асгари-Шавхал», «Чергес-Шавхал», «Авшар-Шаухал-Чаргазма». Первое имя, очевидно искаженное в иранской передаче, – его оттитильное имя «Асгар-и Шаухал» (Меньший Шаухал, или Крым-Шаухал?). Второе, «чергес», видимо, оттитильное имя его, указывающее на его принадлежность к военно-служилому сословию. К этому добавим, что в иранских и грузинских источниках кумыкские шаухалы обозначались термином «чергес-хан».

11. *Алиев К. М.* Кумыки в войнах за иранский престол (К тайнам Исфаханского Шахского Дома) // «Ёлдаш/Времена», 29 марта, 5 апреля 2013 г.

12. *Эфендиев О.* Азербайджанское государство сефевидов в XVI в. Баку. 1992.

13. *Шараф-Хан Бидлиси.* Шараф-наме. М., 1971. Т.2.

14. *Алиев К. М.* Кумыки в войнах за иранский престол (к тайнам Исфаханского Шахского Дома) // «Ёлдаш/Времена», 29 марта, 5 апреля 2013 г.

15. *Kırzioğlu Fahrettin.* Osmanlılar'ın Kafkas-Elleri'nin Fethi. (1451-1590). Ankara.1993.

16. *Kırzioğlu Fahrettin.* A.g.e.

17. *Печеву И.* История. Баку, 1988; *Oztuna Yilmaz.* A.g....e...; Erol Gungor. Tarihte Turkler. Istanbul; *Алиев К.* Тарихде машгур къатынлар (Славные женщины истории). «Ёлдаш». 18 февраля 2000 г.

18. РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1586, ед. хр. 13.

19. РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 16.

20. *Алиев К. М.* Между Москвой и Стамбулом. Кумыки во второй половине XVI – начале XVII вв. [Электронный ресурс] <http://kumukia.ru/author?q=1856>.

21. *Алиев К. М.* Между Москвой и Стамбулом. Кумыки во второй половине XVI – начале XVII вв. [Электронный ресурс] <http://kumukia.ru/author?q=1856>

22. РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1586, ед. хр. 13.

23. Это имя она, скорее всего, получила от имени Ана-Бегум (варианты: Ханна-бегум, Гунобейгом и др.) – от своей родственницы, кумыкской жены шаха Аббаса I, являющейся дочерью Сурхай-шаухала Тарковского.

24. *Алиев К. М.* К генеалогии и биографии Али Кули Хана Валиха Шамхали (Дагестани) // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Владикавказ. Выпуск.V. Владикавказ, 2013.

25. Отметим, что первый известный по источникам поход кумыкского шаухала на Кахетию состоялся в 1521 году, когда царь Кахетии Леван вынужден был подчиниться шаухалу и сефевидам, став их вассалом.

26. Очевидно, здесь все же допущена ошибка. Видимо, следует читать «Крым-шаухал».

27. Симон-хан женился на Нестан-Дареджан в 1559 г. Свадьба была ознаменована подписанием Кахетинско-картлийского договора. В этом браке родились: Георгий X, царь Картли; Луарсаб, царевич; Элена, царевна, была замужем за атабагом Самцхе Манучаром II Джакели; Александр, царевич; Вахтанг, царевич; Пахриджан-бегум, царевна, была замужем за царевичем Хамза-Мирзой, братом шаха Ирана Аббаса I.

28. *Chronique georgienne*, M. Brosset, Paris.1851; Allen, W. E. D. «A history of the Georgian People», London.1932.

Л. М. Гарсаев
(г. Грозный, Россия)
А. М. Гарасаев
(г. Москва, Россия)

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЧЕЧЕНЦЕВ В ИОРДАНИЮ

«Уходим от проклятой власти,
Чтоб души и веру спасти.
Пусть мир разорвется на части...
Мы счастье сумеем найти...»
И только колеса осями
Цеплялись за клочья земли...
Чеченцы не будут рабами.
Пусть мир растворится в пыли...
И путь обновляли Пророка,
Чья вера и цель высока.
Вела их в бессмертье дорога,
Молитву хранили уста...
И каждый стук сердца, как молот,
Стал болью не только судьбы.
Презрев и болезни, и голод,
Приняв неизбежность борьбы,
Они – на полвздохе от смерти,
С землею чеченской в горсти –
Уходят от проклятой власти...
Чтоб души и веру спасти.

Леча Ясаев. МУХАДЖИРЫ

Миграция народов – древнее явление, которое имело место в разные периоды истории и объяснялось многими причинами: экономическими, социальными, политическими, культурными, религиозными. Под термином же мухаджирство понимают массовое переселение мусульман из немусульманских стран в мусульманскую страну, чтобы не оказаться в положении религиозного меньшинства. «Мухаджиры» в буквальном переводе с арабского означает «переселенцы» или «эмигранты» – от слова хиджра – переселение. Само слово «мухаджиры» в переводе означает именно «переселенец-мусульманин из немусульманской страны». Во второй трети XIX в. так называли себя мусульмане, вынужденные покинуть места проживания, а позднее и Кавказ. Они соотносили себя с героями раннего ислама, носящими в мусульманской традиции имя мухаджиров, – с пророком Мухаммедом (САС) и его сподвижниками, вынужденными совершить переселение

(хиджру) из языческой Мекки в Ясриб (будущую мусульманскую Медину). Эти люди находились на положении беженцев, и Пророк (САС) обратился к жителям Медины предоставить мухаджирам приют и защиту.

Предыстория мухаджирства уходит корнями в эпоху массовых внутренних миграций времен Кавказской войны (1817-1864). Понятие «мухаджир» получило в имамате – военно-теократическом государстве на территории Нагорного Дагестана, Чечни и Закубанской Черкесии под руководством имама Шамиля (1834-1859) – значение почетного титула борца за веру. Во второй половине XIX в. оно распространилось на вынужденных переселенцев с российского Кавказа в Османскую империю. Среди них было немало бывших мухаджиров из имамата Шамиля.

Мухаджирство в нынешнем понимании – это массовый исход коренного (в основном, мусульманского) населения с завоеванного Российской империей Кавказа в Османскую империю в конце Кавказской войны (1817–1864 гг.) и в последующие десятилетия (XIX – нач. XX вв.). Как самостоятельное движение оно оформилось в последний период войны и послевоенное пятидесятилетие. В истории мухаджирства выделяют до шести этапов:

1. Вторая половина 1850-х гг.;
2. Первая половина 1860-х гг.;
3. Вторая половина 1860-х – начало 1870-х гг.;
4. 1870-е гг.;
5. 1880-е и начало 1890-х гг.;
6. Вторая половина 1890-х – 1920-е гг.

От периода к периоду менялись не только численность эмигрантов и направление миграционных потоков, но главное – миграционная политика правительства. Во время войн границы между Россией и Османской империей закрывались и масштабы переселения сокращались. Обширную диаспору северокавказских народов на просторах Османской империи и Ближнего Востока (Сирия, Иордания) составили переселенцы-мусульмане 1860-х

годов. Среди вынужденных переселенцев-мухаджиров численно преобладали адыги (черкесы).

Как отмечают исследователи и согласно полевому материалу, то первую группу чеченских мухаджиров османские власти направили в Трансиорданию в 1903 году. Процесс переселения их длился долго, проходил волнообразно и завершился в 1912 г. Для места жительства чеченцы выбирали практически безлюдные районы, главное, чтобы там, прежде всего, находились водные источники и пригодные для сельского хозяйства земли. Тем самым чеченцы выбрали место, где в настоящее время находится г. Зарка. Они же являются его основателями. Впоследствии чеченцы отсюда отселяются в другие места.

По плану османских властей переселение чеченцев должно было увеличить численность неарабского населения страны и обеспечить безопасность находящейся в процессе укладки Хиджазской железной дороги. Выходцы с Северного Кавказа должны были стать живой преградой на пути вполне ожидаемых набегов бедуинов на эту важнейшую транспортную магистраль.

Поскольку одна из веток Хиджазской железной дороги должна была пройти в районе Зарки, турецкое правительство заранее выкупило у местных кланов часть ее территории. Сюда в конце марта 1903 г. были направлены 700 семей чеченских переселенцев. В основном это были выходцы из Ножай-Юртовского района, относящиеся к Накшбандийскому суфийскому тарикату. Большая часть чеченцев из Зарки поступила на службу в управление Хиджазской железной дороги, обеспечивая ее охрану.

В 1905–1907 гг. часть чеченских семей мигрировала из Зарки в Сувейлех (северо-западный пригород Аммана). А в 1912 г. ряд семей во главе с Гирмсултаном Шауки Ибрагимом отселилась в поселок Сухна (10 км от Зарки).

Последним этапом расселения чеченцев в Иордании стал переезд в Азрак. Поселок этот так и называли – Азрак аш-Шишан, т. е. Чеченский

Город Азрак

Дом чеченских поселенцев

Азрак. В общей сложности в четырех указанных местах чеченцам было выделено 11 тыс. донумов.

Первые дома, возводимые чеченцами на новой земле, были как на исторической родине и представляли собой простые строения из саманного кирпича, обмазанные глиной, с плоской кровлей, покрытой стеблями тростника. Такой тип жилья отличался тем, что не требовал больших расходов при постройке, сохранял тепло зимой и прохладу летом.

Дома строились таким образом, чтобы обеспечивалась максимальная безопасность жителей. Узкие улицы окаймлялись с обеих сторон строениями, тесно примыкавшими друг к другу и обнесенные сплошным забором. Такое расположение домов затрудняло

проникновение извне на территорию поселений, но не мешало взаимодействию между жителями.

Первое поселение чеченских мухаджиров в г. Зарка насчитывало 400 построек, в каждой из которых преимущественно жило по одной семье. В своих поселениях чеченцы в первую очередь старались построить мечети и школы. Постепенное развитие экономики привело к улучшению дорог, водного и электрического снабжения.

Со временем жилища чеченцев в Иордании претерпели значительные изменения. Для их возведения начали использовать камень, железобетон, цементные блоки. Чеченские жилища прошлого и настоящего существенно отличались друг от друга. Раньше в домах традиционно были специальные помещения для животных, используемых на сельскохозяйственных работах, а также откорма на продажу или для употребления их мяса в пищу. Поэтому планировка построек была рассчитана с учетом не только целей обеспечения безопасности, но и экономических, социальных интересов жильцов.

*Старая фотография
города Сухна*

Сегодня форма и планировка жилья изменилась, так как отпала необходимость в сельскохозяйственных пристройках или в выделении специальных помещений для скота, поскольку большинство чеченцев отошли от сельскохозяйственных и животноводческих профессий и занялись другой деятельностью. Это объясняется тем, что возросла численность чеченских поселений и расселение чеченцев на непригодных для сельского хозяйства территориях при отсутствии там нужного количества воды способствовало уходу жителей новых поселений из крестьянского сектора.

Кроме того, со временем потребности людей возросли, молодежь стремилась получить образование, устроиться на работу, способную поддержать достойный уровень жизни и обеспечивать ей перспективы профессионального роста.

Старые здания были разрушены и на их местах были построены современные дома с улучшенными условиями. Некоторые старые дома были переоборудованы и в них по-прежнему продолжают жить люди.

Новые жилища отличаются от старых уровнем комфортности: они оснащены современным оборудованием, сантехникой, кухонной мебелью и прочими удобствами. Общая площадь домов увеличилась за счет большого количества комнат. Изменился архитектурный облик жилищ, он стал более разнообразным и впечатляющим. Дома в современных чеченских населенных пунктах отличаются друг от друга планировкой, расположением, архитектурными деталями.

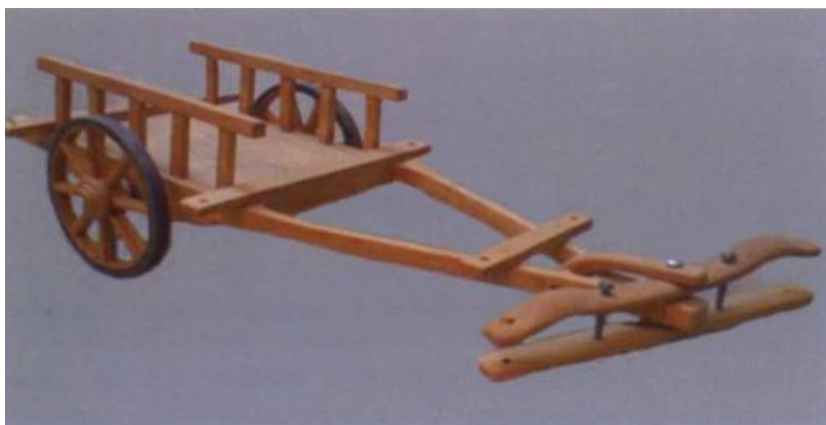
Вместе с изменением в лучшую сторону социальных и бытовых условий жизни изменились и функции жилищ. Они могут выполнять и жилую, и торговую функции. Некоторые этажи здания изначально предназначаются для продажи или аренды. Первые этажи домов, расположенных вдоль основных улиц, как правило, являются нежилыми, в них находятся торговые точки, офисы и т. д.

Основная масса чеченского населения Иордании проживает в собственных домах либо квартирах и традиционно привязаны к своим местам проживания. В наши дни чеченцы в большинстве

своем проживают в городах Сувейлех и Зарка, а также незначительными общинами в Сухне, Азрак-шишаши и в столице Иордании Аммане.

Экономическое положение чеченцев в Иордании

Сельское хозяйство. После переселения чеченцев в Трансиорданию в 1903 г. Османская империя предоставила эмигрантам площади для поселения и выделила земли для ведения сельского хозяйства, на которых стали выращивать зерновые, овощные и плодовые культуры с активным применением водных ресурсов этих районов. Эта сложная работа превратила заброшенные ранее площади в плодородные земли, позволяющие собирать хороший урожай сельхозпродукции.

Одна из телег, на которых чеченские переселенцы приехали в Иорданию

Чеченцы, в отличие от местных бедуинских племен, знали толк в земледелии и понимали, что успешное землепользование в этой стране напрямую зависит от количества выпавших осадков, что объем собранного урожая тоже зависит от климатических условий.

Вместе с тем переселенцы принесли в Иорданию новые аграрные технологии и орудия труда (серпы, вилы, грабли, транспортные телеги, лошадиные стойла и др.)

В начале XX в. процент занятости чеченцев в сельском хозяйстве составлял около 85%. Данный показатель сохранялся вплоть до 60-х гг. В дальнейшем интерес к ведению сельского хозяйства постепенно угасал, что было обусловлено следующими причинами:

- стесненность на возделываемых площадях, высокая арендная плата способствовали продаже сельскохозяйственных земель под строительство;

- отсутствие воды для орошения земель во время нередких засух также вынуждало многих чеченцев отказываться от сельскохозяйственных видов деятельности в пользу участия в развивающемся промышленном производстве;

- повышение общеобразовательного уровня подталкивало многих чеченцев, жителей деревень, к миграции в города;

- поступление чеченцев на военную и государственную службу.

Промышленность и ремесла. До 60-х гг. в Иордании было очень развито семейное занятие традиционными ремеслами. Следует отметить, что в чеченской среде сохраняются и развиваются профессии, которыми они владели до переселения в Иорданию. Это швейное дело, ювелирное искусство (золото, серебро). Кроме того, чеченцы известны своим мастерством по изготовлению инструментов, сельскохозяйственных орудий и средств транспортировки для сельских районов.

С развитием промышленности большая часть чеченского населения, ранее занимавшаяся ремесленным производством, перешла на работу в данный сектор. Многие чеченцы работали и продолжают работать на цементных и фосфатных заводах.

Торговля, сфера услуг. Многие чеченцы задействованы в торговле и сфере услуг, владеют бакалейными лавками, магазинами по продаже тканей, одежды, строительных материалов, ювелирных изделий, мебели, продуктов питания.

Члены Чеченского благотворительного общества

Общественно-культурная жизнь чеченской общины

Начиная с конца 50-х годов прошлого века усилиями иорданских чеченцев в г. Зарка было создано несколько общественных объединений.

Чеченское благотворительное общество (ЧБО) было основано в 1958 г. в г. Зарке. Изначально организация выполняла сугубо благотворительные и религиозные функции.

Сегодня ЧБО является также признанным культурным центром иорданских чеченцев, желающих сохранить родной язык, обычаи и культурные традиции.

Представительства ЧБО открыты в местах компактного проживания иорданских чеченцев – городах Сухне, Свейлехе, Азраке.

Лидером чеченской общины на протяжении многих лет являлся шейх Абдель Баки Джаммо, обладавший высоким авторитетом и имевший большое влияние как в чеченском, так и в иорданском обществе. Он неоднократно избирался в парламент, некоторое время занимал пост министра по парламентским вопросам.

С 1932 г. в Иордании действует Чеченский спортивный клуб «Кавказ», основанный в г. Зарка и ставший первым иорданским спортивным клубом. В настоящее время он возглавляется доктором Аднаном Раисом.

В Зарке издается журнал «ан-Нади аль-Кавказий» (Кавказский клуб), возглавляемый известным деятелем чеченской общины Ийядом Сулейман Оршо.

В Сувейлахе в 1989 г. было создано *Общество друзей Чечено-Ингушетии (ОДЧИ)*. Стараниями Общества друзей Чечено-Ингушетии в стране появился Музей чеченского наследия в Иордании. Позднее ОДЧИ было переименовано в Общество друзей Чеченской республики.

*Основатели клуба «Кавказ» (1932 год)
Социальное положение чеченцев в Иордании*

Несмотря на длительный период проживания в Иордании, чеченцы сумели сохранить свои традиции, обычаи и культуру. Они считают себя неотъемлемой частью иорданского общества, участвуют во всех сферах его жизнедеятельности, но, тем не менее, тщательно заботятся о поддержании и сохранении своей самобытности. В среде чеченцев повсеместно распространено знание родного языка, число браков с арабами и представителями других этнических групп минимально.

Иорданские чеченцы не имеют своих школ, и обучение их детей осуществляется на общих основаниях в государственных и частных школах страны. Следует отметить, что процент чеченцев, стремящихся получить образование, в том числе и высшее, весьма высок. Многие девушки-чеченки тоже учатся в университетах.

Традиционная, впитанная с молоком матери склонность чеченцев к военной службе, позволила многим из них достичь успехов на различных должностях в иорданской армии и органах безопасности. Чеченцы занимают крупные посты в различных правительственных структурах и при относительной малочисленности чеченской общины в Иордании в процентном отношении число военачальников разного уровня, генералов и крупных чиновников – чеченцев здесь весьма высок.

Обычаи и традиции

Несмотря на длительный временной отрыв от своих исторических корней, иорданские чеченцы продолжают сохранять свои традиции, обычаи и язык. В этом духе воспитывается и чеченская молодежь.

В обычаях чеченцев многое обуславливает военный или полувойенный образ жизни, который они вели на протяжении долгих веков.

Взаимоотношения внутри чеченской семьи определяются установлениями обычного права (адата) и ислама.

Чеченская женщина не может войти в дверь или выйти через нее, опередив мужчину. Она должна подождать, предоставив эту возможность ему, что свидетельствует об уважении, которое оказывается ею мужчине.

Если всадник проезжает мимо женщины, идущей по дороге, он должен спешиться и пройти мимо нее, держа коня на поводу. В свою очередь, женщина должна поблагодарить его и позволить следовать дальше. Так ими демонстрируется взаимное уважение.

Если женщина, находящаяся рядом с ссорящимися мужчинами, снимает свой головной убор и бросает между ними, они должны немедленно прекратить ссору или драку. Этот обычай передается из поколения в поколение и имеет сакральное значение и силу.

В чеченской семье старший пользуется непререкаемым авторитетом, что дает ему право вынесения окончательного решения при урегулировании споров как внутри семьи, так и в других родственных семьях, а также в вопросах женитьбы, развода, вражды представителей его клана.

Все вопросы, связанные с женитьбой, в том числе знакомство и сватовство, решаются на совместных встречах между родственниками и соседями, которые оговаривают все детали этого ответственного дела. Традиционно не поощряются браки между родственниками.

В чеченской семье действуют следующие правила:

- если старший входит, младший должен встать и стоять, пока старший не сядет. Подобным образом поступают, если старший выходит;
- младшему не разрешается курить и тем более выпивать спиртное в присутствии старшего, даже если тот старше него хоть на один год;
- более того, отец не садится рядом со своим сыном и не принимает пищу с ним за одним столом;
- младшему и женщине не разрешается переходить дорогу впереди или позади старшего;
- если старший говорит, то младший не перебивает его и не возражает;
- сын не имеет права оспаривать решения, принятые его отцом. Только мать может передать отцу точку зрения и пожелания сына.

Таким образом, старшие и младшие, мужчины и женщины имеют четкое представление о своем статусе, месте в семье и связанных с ним правах и обязанностях, что способствует укреплению традиционно морально-нравственных устоев в чеченской семье.

Нарушившие верность в браке, совершившие позорные поступки, посягавшие на честь женщины, подвергаются со стороны старших наказанию вплоть до самого сурового. С ними запрещается вступать в родство, члены общества их игно-

рируют, с ними не поддерживают ни деловых, ни дружеских отношений.

И в наши дни чеченцы хранят верность своим обычаям и традициям, почитают их, поддерживают и развивают.

В целом чеченские переселенцы, несмотря на контраст в природных, хозяйственных и исторических условиях существования Иордании и Чечни, достаточно успешно освоились в новом обществе. После переселения они активно включились в развитие сельского хозяйства, применив свой богатый трудовой опыт в этой сфере, что привело к значительным результатам. Однако после провозглашения Иорданского Хашимитского Королевства большинство из них по разным объективным причинам перешло на государственную службу.

Чеченцы смогли сосуществовать в полном согласии с иорданцами, одновременно сохраняя свои обычаи, традиции и уклад, поддерживая связи с родственниками на Северном Кавказе.

Сегодня чеченская община является неотъемлемой и важной составляющей иорданского общества, доказавшей за более чем вековое пребывание в королевстве свою лояльность и преданность новой родине.

В основу данной статьи легли материалы, опубликованные этническими чеченцами Иордании Ясмин Арслан, Саид Муса Бено, а также полевые материалы автора, собранные в Иордании в 80-гг. XX в. и в 2018 г.

К. Р. Дзалаева
(г. Владикавказ, Россия)

ИНТЕГРАЦИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО СОЦИУМА В КУЛЬТУРНОЕ ПОЛЕ РОССИИ В ПРОЦЕССЕ ПРИБОЩЕНИЯ К ТЕАТРАЛЬНОМУ ИСКУССТВУ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Озаботившись проблемой утверждения государственности и формирования единого гражданского общества, ориентированного на достижение общегосударственных интересов, сплоченного социально-культурной общностью нравственно-идеологических установок, российская власть, признав ко второй половине XIX – началу XX вв. приоритет социально-культурной инкорпорации вновь приобретенных южных окраин, большое значение стала придавать приобщению населения Северного Кавказа к различным видам искусства, транслирующим доступными им средствами основополагающие ценности российской культуры.

Театральное искусство, являясь одним из наиболее ярких и зрелищных, весьма оправданно получило любовь северокавказской публики и выступило одним из важнейших механизмов интеграции местного сообщества в общегосударственное культурное поле России, утверждения российской государственности и распространения общероссийской идентичности в регионе.

Прежде всего, интерес к театру проявляли высшие чины, заботящиеся об «акклиматизации» отставных ветеранов Кавказской

армии, по разным причинам не пожелавших возвращаться на родину, и «ассимиляции», «полном обрусении некогда враждебных горских племен». Русский театр представлялся им сильнейшим социообразующим фактором, поскольку в нем единство интереса публики и общение между собой разноплеменных личностей связывалось русской речью, которая рассматривалась в качестве вернейшего средства «скорейшего ассимилирования инородцев с господствующей расою» [1, 3].

С другой стороны, интерес к театральному искусству проявлялся и среди самого народа, который видел в нем способ приятного проведения досуга, являющегося хорошей альтернативой безделью или пьянству в свободное от работы время. Проблема качества времяпрепровождения была актуальна для всего края, особенно для провинциальной местности, и актуальность эта сохранялась на протяжении многих лет интеграции северокавказского социума в общероссийское культурное поле: «...в первой половине прошлого года газетная литература коснулась вопроса о народных театрах. Были тогда высказаны доказательства пользы такого театра, в смысле смягчения нравов массы и отвлечения ее от питейных домов и от последствий темного, подвального препровождения времени в праздники, с финалами в частях и отделениях городской полиции или в лечебнице... Будучи праздным, народ нуждается в зрелищах и, за неимением лучших, импровизирует... В видах ограничения от этого зла и говорилось о необходимости устройства народных театров и доказывалось, что масса находила бы в нем удовольствие и пользу» [2, 7]. Так, в январе 1877 года жители Георгиевска сетовали на отсутствие театра и невозможности культурно проводить досуг: «Общественная жизнь какого бы то ни было провинциального захолустья, хотя бы и такого, как наш богоспасаемый городок, не может не иметь своих собственных развлечений, удовольствий, стремлений и интересов, – в особенности этого последнего фундамента, без которого не воздвигается ни одно здание нашей общественной жизни... У нас георгиевцев, прежде всего, нет ни клуба, ни театра, – этих единственных учреждений, которые имеет у себя каждое провинциальное общество...» [3, 35].

С большим участием населения было встречено театральное представление, устроенное в январе 1903 года в станице Новопавлонской. Газета «Терские ведомости» писала: «Кому не известно, как бедна станичная жизнь развлечениями. Будничная, серенькая со своими постоянными, иногда мелочными, заботами – эта жизнь сменяется праздниками, когда люди отдыхают от трудов, стараются забыть повседневные заботы. В праздничные дни, сходявши в церковь и отдохнувши после обеда, казаки все остальное время до вечера и долгий вечер пользуются свободным временем. Как же проводится это время? Какие удовольствия ожидают жителей? Для них желанным времяпрепровождением является выпивка со всеми ее последствиями: песнями, криком, бранью, драмой и т. д. Карточная игра также часто отнимает последнюю копейку у труженика... И никаких более высоких, благородных удовольствий!

Поэтому как много оживления и наслаждения доставляет спектакль, устроенный в нашем 2-х классном училище 29 декабря. Была поставлена пьеса «Жизнь за царя», переделка Н. Бунакова из оперы Глинки того же названия. Пьеска очень коротенькая с частыми переменами картин, а потому она была удлинена и украшена вставками из вышеназванной оперы. Под руководством заведующего училищем И. Ф. Гладилина началась подготовка участвующих, приготовление костюмов, устройство помоста и т. д. Участвующими были учащие, ученики и ученицы, казаки, ученики воскресной школы и некоторые другие лица. Материальная сторона этого дела всецело находилась в руках почтенного блюстителя А. И. Сухоручкина. Средства на спектакль собраны из пожертвований. Все знали об устройстве спектакля и с нетерпением его ожидали. Вот, наконец, настал желанный день. Были разосланы бесплатные билеты для входа, с наступлением сумерек масса народу начала стекаться к училищу и окружила его со всех сторон; в здание пропускали только тех, которые имели билеты, так как здание могло вместить только до 300 человек, разместившихся по местам. С напряженным вниманием слушают зрители, их удивленные взоры устремлены на сцену. Чувство величайшего удовольствия написано на всех лицах во все время спектакля. Вот действие кончилось, занавес опустился, но зрители не хотят

верить концу: они загляделись, заслушались: им жалко расставаться с этими картинами, и они решаются встать со своих мест, желая, чтобы виденное повторилось еще несколько раз, пока не убедились окончательно, что спектакль кончился. И тогда уходят с большим запасом тем для разговоров. Порядок, благодаря принятым мерам полиции, царил образцовый не только внутри здания, но и снаружи. В особенности отрадно то, что в устройстве спектакля все разрозненные силы и лица станицы сплотились вместе, чего почти никогда не бывает. Жаль только, что училище не может уделять много времени на устройство спектаклей, литературных вечеров, чтений и тому подобных развлечений, у него много своего прямого дела, и только при усиленной деятельности оно может давать и такие разумные развлечения» [4, 2].

Большой интерес привлекали и различные любительские общественные спектакли. С большим восторгом были встречены спектакли владикавказских любителей театрального искусства. Спектакли кружка наших любителей приобретали все большую популярность. Главный контингент зрителей на них составляла «та небогатая трудящаяся часть населения, которая раньше никогда почти не заглядывала в театр» [5, 2]. Для достижения поставленных целей пришлось принести некоторые материальные жертвы, поскольку организация народного театра требовала затрат, а помощи организаторы этих спектаклей ни откуда не получали, действуя на свой страх и риск. Однако все усилия в итоге были оправданы: «к концу сезона, организаторы дождались полного удовлетворения, если не материального, то нравственного. Каждый спектакль привлекает такую массу публики, какую наш городской театр еще никогда не видел. Во время последнего представления, 27 июля, происходило даже нечто совершенно невиданное во Владикавказе: не только все места в театре были заняты, не только люди стояли в проходах, но даже на площади перед театром толпились пришедшие посмотреть спектакль, которым, к сожалению, не хватило билетов.

Мы были свидетелями того, как захватывает каждая пьеса эту многочисленную публику, какие искренние выражения восторга шлют эти зрители артистам! А сколько разговоров при выходе из

театра! Точно рой пчел гудит, и все комментируют слова и поступки героев: одних осуждают, других хвалят, вспоминают подходящие примеры из собственной жизни... Иногда приходилось слышать, что народный театр – праздная модная затея. Нет, не затея это, а могучее средство воздействия на впечатлительную душу простого народа, не избалованную вниманием интеллигенции. В этом можно убедиться, лишь побывав в театре, прислушиваясь к речам и толкам зрителей» [5, 2].

Действительно, театральные постановки настолько полюбились в народе, что на них жертвовались не малые суммы. Так, из Отчета по устройству спектаклей с танцевальным вечером, данного в Пятигорске 23 февраля 1903 года в пользу устройства общежития для детей учителей дирекции народных училищ Терской области, мы черпаем следующие сведения: «...поступило от продажи входных билетов и программ 137 р. 23 к., сверх платы за билеты пожертвовано деньгами 136 р. 95 к. итого 271 р. 20 к.

... На установку, уборку и прокат части обстановки, реквизитов и костюмов израсходовано 24 р., типографии Садовникова за напечатание афиш, программ, почетных билетов и проч. 16 р., певчим 9 р., на марки 10 р. 18 к., ужин музыкантам 6 р., парикмахеру 6 р., за мойку полов 3 р. 50 к., наряд полиции 2 р., Пискунову за лампы для рампы 3 р. 85 к., афишеру 2 р., авторских 2 р., прислуге 3 р., мелкие расходы: на извозчиков и проч. 6 р. 60 к. Итого 94 р. 13 к.

Остаток в размере 180 р. 7 к. был переведен по почте на имя г. председателя правления Общества всепомоществования учащим в народных учащим и учившим в народных училищах Терской области М. М. Орла в г. Владикавказе.

Деньгами пожертвовали: г.г. Евангулов – 25 р., А. А. Рженуцкий и В. а. Кобылин по 10 р., А. С. Мамонтов, Э. Э. Эхенмальн, П. К. Карпов. С. К. Горб-Ромашкевич, Н. П. Архипов. К. Ю. Фидлер, А. К. Бируля, М. А. Зипалова, А. П. Тиц, Н. Д. Померанцев, О. М. Максимова и Г. А. Власов по 5 рублей; М. А. Ржаксинская, М. И. Шульгина, Н. Е. Новецкий, пастор Бонвеч, А. П. Пашутина по 3 руб.; В. П. Богуславский 2 р. 80 к., А. А. Цаликова 2 р. 40 к. и А. И. Медяник, М. И. Тимченко-Ярещенко и Л. Я. Покровская по

2 р., Ф.Г. Ямщиков 1 р. 90 к.; В.Ф. Циммерман, С.М. Жукова и А.А. Гладких по 1 р.; В.С. Цетнерович – 85 к., а всего 136 р. 95 к. Кроме того, пожертвовали вещами В.П. Ларина – цветочную корзину, ларчик и веер, пастор Бонвеч – панно; вещи эти в виде призов по присуждению публики выданы на вечере за красоту и оригинальные костюмы.

Распорядители приносят глубокую благодарность всем, проявившим участие в спектакле господам любителям: М.Н. Лихониной, А.Т. Квятковской, А.Т. Волочкову, Л.В. Ицкову, Б.Я. Бородаеву, А.И. Корганову, К.А. Давидову, П.А. Гнилосарову, А.К. Старцеву, В.А. Борисову, И.Г. Костичу, А.И. Дрейеру, Н.Е. Ярош, Ф.Ф. Пospelову, г. Беспалову, командиру батальона полковнику Ю.А. Лоссовскому за бесплатное предоставление военного оркестра и всем жертвователям.

Правления Общества вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Терской дирекции, получив от распорядителей по устройству в г. Пятигорске спектаклей – инспектора Пятигорского четырехклассного училища Григория Яковлевича Обозина и Антонины Кирилловны Жмакиной 180 р. 7 к. в пользу Общества приносит им, а равно и всем лицам, принимавшим участие в устройстве спектакля и жертвователям искреннюю и глубокую благодарность» [6, 2].

Увлечением театральным искусством были охвачены разные слои и сословия северокавказского социума. Интерес к театральным постановкам отмечался даже в солдатской среде. Возникла даже специфическая форма театра – солдатский театр. Его появление признавалось столь же полезным и желательным как появление театра народного: «...нашему солдату подобный театр даже необходим, особенно если принять во внимание степень его умственного развития, на которую пытаются в наше время поставить солдата. Сцена, как известно, очень хорошая помощница в деле этого развития, и нет никакого сомнения, что она может служить не только для развития ума, но и в нравственном отношении...» [7, 204]. Широкую известность приобрел Кабардинский полковой театр. Так, 7 января 1869 года в одной из казарм Кабардинского полка, находящегося на тот момент в Хасав-Юрте, солдатами

8-й роты было устроено очередное театральное представление. В программу вошли три пьесы, взятые из «Чтения солдат» – «Чему быть, того не миновать», «Нежданный гость с того света» и «Где любовь, там и Бог». Не смотря на новизну дела, большая часть задействованных в постановках вела себя вполне уверенно. Зрителям стали двести человек из числа унтер-офицеров и солдат, следившие за ходом пьес с напряженным вниманием: «искренний взрыв смеха и мертвая тишина, сменявшиеся поочередно, доказывали, что зрители были живо заинтересованы происходившим перед их глазами. Вообще, театр кабардинцев – одна из попыток, очень хорошо удавшихся, таких, введение которых в частях войск, служило бы гимнастикой для развития нравственной стороны солдат...» [8, 10].

Творческая деятельность любителей театрального искусства время от времени разнообразила и общественную жизнь г. Моздока: «...на фоне этого захолустного однообразия и застоя, где нет места для проявления той или иной полезной общественной инициативы, с удовольствием можно отметить следующий, имеющий немаловажное воспитательное значение, факт из жизни нашей батареи (2-я Терская казачья батарея) ... И вот с разрешения, а может быть, и по инициативе начальства батареи, любители, – строевые казаки на импровизированной в помещении сцене поставили спектакль как для приехавших гостей, так и для казаков батареи... Спектакль прошел при общем оживлении как игравших любителей, так и зрителей, между которыми было и несколько интеллигентных людей, получивших возможность посмотреть народный спектакль... народ изображал самого себя и для народа же – на том языке, на котором он обыкновенно всегда говорит и безо всяких ломаний. Конечно, женские роли играли те же переодетые в женское платье казаки, что еще более увеличивало веселое настроение публики» [9, 3].

Однако бесспорным фаворитом в деле приобщения северокавказского социума к театральному искусству выступил собственно русский театр. Являясь одним из наиболее эффективных инструментов воздействия на чувства и мысли зрителя, театр способен оказывать влияние на формирование его нравственных качеств и

идеологических установок, прививать эстетический вкус и удовлетворять культурные потребности как индивида, так и общества в целом. Театр проявляет себя как зеркало общественной жизни, уровня ее развития. Именно театр позволяет создавать удивительную атмосферу сопричастности публики к творящемуся на сцене действу, почувствовать себя вовлеченным в удивительный мир литературного творчества и искусства. Более того, театральные спектакли дают присутствующим в зале чувство единства и сплочения. Во второй половине XIX – начале XX вв. больших успехов в этом отношении достигли русские театры Ставрополя и Владикавказа. Они сыграли важнейшую роль в процессе приобщения местного сообщества к достижениям мирового театрального искусства и его интеграции в российское культурное пространство, способствуя укреплению российской государственности и общероссийской социокультурной идентичности в регионе.

Список литературы и источников

1. Центральный Государственный архив РСФСР-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 908.
2. Статьи неофициальной части «Терских ведомостей». Владикавказ: Типография Терского Областного Правления, 1869.
3. Статьи неофициальной части «Терских ведомостей» за 1877–1878 год. Владикавказ: Типография Терского Областного Правления, 1878.
4. Терские ведомости. 1903. № 7.
5. Терские ведомости. 1903. № 169.
6. Терские ведомости. 1903. № 50.
7. Статьи неофициальной части «Терских ведомостей». Владикавказ: Типография Терского Областного Правления, 1869.
8. Статьи неофициальной части «Терских ведомостей». Владикавказ: Типография Терского Областного Правления, 1869.
9. Терские ведомости. 1897. № 10.

Ю. М. Идрисов
(г. Махачкала, Россия)

СПИСКИ УРОЖЕНЦЕВ СЕВЕРНОЙ КУМЫКИИ, ИЗЪЯВИВШИХ ЖЕЛАНИЕ ПЕРЕЕХАТЬ НА ПОСТОЯННОЕ МЕСТОЖИТЕЛЬСТВО В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ В 1894–1895 ГОДЫ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ГЕНЕАЛОГИИ ТУРЕЦКИХ КУМЫКОВ

На сегодняшний день в Турецкой республике проживают свыше 20 тысяч потомков кумыкских мухаджиров (эмигрантов), помнящих о своём происхождении и ещё больше – утративших память о нём. Автор этих слов общался с представителями двух групп турецких кумыков. Одна из них проживает в округе Бига провинции Чанаккале, неподалёку от руин Трои, а вторая группа имеет жительство во внутренней Анатолии, в провинциях Сивас, Йозгат и Токат. В ходе общения мной было выяснено, что кумыкская община округа Бига сформировалась за счёт выходцев из кумыкских сёл Темир-Хан-Шурина округа. В частности, это потомки уроженцев Агачаула, Нижнего Казанища, Эрпели и Карабудахкента, имена которых представлены в Центральном государственном архиве республики Дагестан и опубликованы в исследовании А. Магомеддадаева «Эмиграция дагестанцев в Османскую империю» [1, 253–258]. Сверх того, мной также

был выявлен весьма объёмный документ (124 листа) из канцелярии дагестанского губернатора о задержании уроженца города «Буга-шаар» (речь явно о городе Бига) Керима Мират-оглы. Последний летом 1912 года приехал в с. Нижнее Казанище в поисках родственников и обнаружил среди них своего двоюродного дядю по отцу Довлета Мама-оглы, а в Кафыр-Кумухе Арслан-Али Аккубек-оглы выразил пожелание остаться в Дагестане, но был принят за подозрительный элемент и выслан за границу [2, 110, 118–118 об].

Гораздо сложнее оказалась ситуация с выяснением корней кумыков Токата и Сиваса, так как местные кумыки потомки выходцев из Кумыкского (Хасав-Юртовского) округа, львиная доля документов по истории которого и поныне хранится в Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия-Алания. В 2017 году автор этих строк осуществил своё давнее желание и посвятил несколько дней исследовательской работе в указанном архиве. Мои поиски увенчались успехом и во 2-й описи фонда 12 ЦГА РСО-А обнаружили архивные дела за номерами 1039 и 1045, содержащие материалы по переселенцам 1895 года. Любопытно, что согласно сведениям, сообщённым уроженцем селения Атакёй турецкой провинции Токат Муратом Озом, его предки прибыли в Турцию именно в 1895 году.

В деле № 1039 мы обнаружили следующие сведения о переселенцах:

1. Эндиреевец Пиракай Зурхаев, его сноья Сююнчгерей (35 лет), Асек (30 лет) и Зурхай (23 года), жена Суюнчгерей Бике и их сын Абдулгамид (3 лет). Жена Асека Запаят (35 лет) и их сын Абдурахман (3 лет). Последние проживали в Темир-Хан-Шуре. Жена Зурхая (20 лет) и сын (3 лет) [3, 103].

2. Костековец Аскерхан Казакмурзаевич Шахманов и его жена Патимат Шахманова [3, 38].

3. Из селения Муцалаул заявление на выезд подали:

Осман Бакуев. Его жена Бабук и их сыновья Баку и Умар [3, 135], а также Хизири Мамам-Аджиев (28 лет) вместе с женой Девлетхан Шабазовой [3, 155].

В деле № 1045 нами выявлены следующие имена и факты:

Имена, подавших заявление о выезде, эмигрантов:

1. Хаджимурад Гебеков и его жена Аманулла. Их сын Арслана [4, 3–4].
2. Хамид Арслан-Аджиев сын Мугутдином и дочерью Ирайганат и Айзанат.
3. Молакай Кисхаев [4, 10].
4. Маншув Бийгишиев и его сын Закарья Маншувов [4, 10].
5. Махсут Камбулатов и его сын Истамулла [15, 23].
6. Ильяс Магоматов, его племянники Исаак и Хизири. Исаак проживает в Екатеринодаре. Ему 25 лет.
7. Расписался Арслан Минатуллаев.
8. Абакар Гебеков с женой Шекерхан и сыновьями Алисолтаном, Магометом, Капланом и Арсланом и дочерью Марзият и Абай [4, 30].
9. Юсуп Казибек (в 1895 г.), его брат Магомет сапожник по профессии, женат на Хадиджат Багатовой. Жену самого Юсупа зовут Абав [4, 35].
10. Арслана Тюлев-Аджиев с матерью Аливан Магометовой. Есть фруктовый сад. По профессии мулла. [4, 35].
11. Тюлев Сани-Аджиев, его жена Тутуш Баширова, тётка Тату, сыновья Максуд-Гирей и его жена Бабажий Умаш-Аджиева, и их сын Зайнулабид, родившийся 25 июля 1894 г. Дочери Дженет и Супуй.
12. Хасбулат Шерипов. Его сын Шерип [4, 68].
13. Ильяс Эльмурзаев [4, 65].
14. Муцалав Аджиев [4, 60].
15. Ибрагим-Аджи Адильхан-Аджиев и жена его Ажатий.
16. Джамбулат Сотавов (28 лет) и с ним братья: Хаджимуса, Исламгирей, Салимгирей и их жёны. По документам видно, что это зажиточная семья, имевшая дом, мельницы, 3 лошади и 9 штук рогатого скота [4, 177].
17. Забит Осаев эмигрировал в 1896 г. Вместе с ним родину покинули его сыновья Вайсул и Ахмат Забитовы, отец Забита Хасай и мать Дженет Кокаева. Отбыли на чужбину и брат Забита Юсуп,

жена Юсупа Ханитат Хизриева, сын Юсупа Телекау Юсупов. Их документы подписал старшина Сотавов.

18. Исак Мансуров с сыновьями Канагатом и Умалатом [4, 208].

19. Абит Альбуриев и его жена Калимат Абулаева. Его сестра Укуй, брат Манап, брат Алим-Аджи. Сын Альбору и 2 дочери Патимат и Галимат [4, 213].

20. Муса Исаев, жена Киштай Сотоева [4, 226].

21. Халит Османов, его жена Ханиш Джанавова. Сыновья Харун и Осман Халидовы.

22. Абумуслим Абдуллаев.

23. Юнус Дагиров (21 г.). Его жена Асият Давлетмурзаева. Брат Мажит. 2 дома.

Выходцы из Аксая, пожелавшие эмигрировать в Османскую империю:

1. Салимхан Алимханов (57 лет), его жена Кичибике (20 лет), его сын Муцал [4, 217].

2. Султан-Хан Аскерханов и его братья Адильхан и Батырхан, и их жены. Все женаты. Их мать Абидат и сёстры: Умрай и Вазипат. Состоятельная семья: до, 7 быков, 20 коров, телят 7, жеребец 1, жеребят 3, быков 5, овец 500 [4, 221].

Подписал помощник старшины Культиев.

Из Костека прошение о разрешении им выезда подал Шепи Хамзатов [4, 72].

Из Кандаур-Аула: Магомед Бектемиров – шорник. Его жена – Аруджа (Арювджан?). Сын Ахмат и дочь Асият. У него в селе остался брат Курман [4, 89].

Из Муцалаула:

1. Джанбулат Хасанов (55 лет), его жена Якут (50 лет), с сыновьями: Хасаном, Закаръей и Халитом [4, 55].

2. Абук Магомаев, его брат Джакау и его племянник Абдулмуслим [4, 187].

3. Умар Минбулатов, его жена Патимат Ибравова, сыновья: Сулейман, Магомед, Юсуп, дочери: Аминат и Абидат. Жена Сулеймана Султанат Кочакаева. Внук Зайдин, внучка [4, 251].

Из Адилюрта: Джаватхан, его жена и их сын Арслан.

Из Ботаюрта: Мамам Амирханов (53 лет) с женой Бабажий (38 лет) с сыновьями: Муцалханом, Таймасханом, Устарханом и Султанханом и дочерьми: Арюв-Аджи, Кызтаман и Бикажий.

Подписал сельский старшина Ботаюрта прапорщик Ханмурзаев [4, 81,83].

Из Бамматюрта: Исмаил Исаков и его сыновья: Калсын и Исак [4, 184]. Жена Исака Айбике (в посемейном списке Байбике) Оракчиева отказалась следовать за мужем.

Из Хамзаюрта: Муса Хаматов. С ним его жена Зайнап и сыновья: Абакар, Нуцал и Дада, а также дочь Султанат. С ними же жена Абакара Калый и общие дети Абас и дочь Абидаг. Жена Нуцала Умукусум заявила, что ей 16 лет и она не желает переселяться в Турцию [4, 26].

Ища ответ на причины, побуждавшие кумыков к переселению в Турцию спустя без малого сорок лет после падения Гуниба, я обнаружил интересный фрагмент во «Всеподаннейшем отчёте начальника Терской области за 1895 г...»: «Надежда на то, что после армян (выезжающих в христианские государства) в Турции освободится много земли возродила мечты горцев о переселении в единое государство с новой силою и отвлекает их от мирного спокойного занятия своим хозяйством» [5, 73].

Использованные источники и литература

1. *Магомеддадаев А.* Эмиграция дагестанцев в Османскую империю. Махачкала, 2000. Книга I.
2. ЦГА РД Ф. 2. Оп. 9. Д. 16.
3. ЦГА РСО-А Ф. 12. Оп. 2. Д. 1039
4. ЦГА РСО-А Ф. 12. Оп. 2. Д. 1045
5. Всеподаннейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска. Владикавказ, 1896.

Л. Р. Кафар-заде
(г. Баку, Азербайджан)

О ТЮРКСКОМ ФАКТОРЕ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА (НА ПРИМЕРЕ ДИНАСТИИ СЕФЕВИДОВ)

Сегодня, к сожалению, попытки отечественных исследователей довести до мировой общественности историю Азербайджана в объективном свете, предпринятые главным образом в постсоветский период, воспринимаются в штыки и клеймятся советской практикой исторических фальсификаций, доставшейся Азербайджанской Республике по наследству, псевдонаучной политической акцией, волюнтаризмом в изучении древности, фальсификацией самого понятия историзма, прямым государственным заказом. Среди «приемов» ревизионистских концепций в азербайджанской историографии часто указываются и попытки отечественных исследователей укоренить азербайджанцев на территории Азербайджана, пересмотр теории этногенеза азербайджанского народа, в частности, «тюркизация» албан и конструирование мифа о «вечном» проживании тюрков в Азербайджане.

Освещение в англоязычной историографии концептуально важных вопросов этнополитической истории средневекового Азербайджана, являющегося в настоящее время одним из ведущих и крупных тюркских государств на международной арене, представляет не только большую научную важность, но и является актуальным с политической точки зрения. Вопрос определения этнолингвистического происхождения азербайджанцев является

одним из дискуссионных проблем в англоязычной историографии. Большинству англоязычных исследователей, как и советских, свойственна концепция «тюркизации» Азербайджана в XI в. с миграцией сюда сельджуков, ставшая традиционной ввиду недостаточной разработанности исследователями первоисточников. Необходимо отметить, что причины большинства грубых искажений истории Азербайджана кроются в ограниченности источниковой и историографической базы исследований. Практически ни один англоязычный исследователь не ссылается на местные источники и фундаментальные научные труды отечественных историков и востоковедов, освещающих те или иные события истории Азербайджана в период раннего средневековья. Данный факт можно связать как с незнанием англоязычными исследователями азербайджанского языка, так и малочисленностью монографий и научных статей отечественных исследователей, освещающих указанный период на английском языке, что в свою очередь не позволяет им объективно воспринять и отразить историческую действительность. Кроме того, отрицательной стороной англоязычных исследователей является также отсутствие критического анализа средневековых источников, авторы которых зачастую стояли на страже интересов правителей того времени, что в свою очередь противоречит принципу научности и открывает дорогу формированию у них научно необоснованных взглядов на определенные события. К тому же, пожалуй, нет ни одного фундаментального исследования, специализированного по раннесредневековой истории Азербайджана, исключение составляют лишь научные статьи. В большинстве работ англоязычных исследователей история Азербайджана «растворена» в научных трудах, освещающих историю государств Кавказа, Ближнего и Среднего Востока, Средиземноморья, и, более того, представлена как «составная часть» истории Ирана. Нередко причиной искажений этнолингвистической картины Азербайджана в англоязычной историографии является также влияние на англоязычных ученых трудов советских исследователей, которые по политическим мотивам и «заказу сверху» игнорировали тюркский элемент в этно-политической истории. Наглядным примером является запрет книги известного казахского ученого О. Сулеймено-

ва «Аз и Я» (1975 г.), в которой была показана прогрессивная роль тюркских народов в развитии всей мировой культуры.

Отметим, что в большинстве исследований англоязычных ученых история Азербайджана не только «растворена» в научных трудах, освещавших историю государств Кавказа, Ближнего и Среднего Востока, Средиземноморья, а, более того, представлена как составная «часть» истории Ирана. Как следствие, англоязычными исследователями игнорируется сильный тюркский компонент в этнополитической истории раннесредневекового Азербайджана. Нередко Азербайджан игнорируется как отдельный политический субъект и замещается термином «Северо-Западный Иран», и, как результат, движение хуррамитов характеризуется «иранским» восстанием, истоки идеологии сводятся к доисламским «иранским» ересям, а сам Бабек и его последователи предстают перед нами «персами», этническое происхождение правящей династии азербайджанского государства Саджидов сводится к «иранским» корням (К. Босворт, У. Маделунг), несмотря на то, что Саджиды являлись потомками тюркских эмиров из Средней Азии. Результатом представления в англоязычной историографии средневекового Азербайджана «частью» Ирана, а также игнорирования присутствия сильного тюркского компонента в этнополитической истории средневекового Азербайджана стала ошибочная концепция о начале тюркизации Азербайджана лишь в XI в. К примеру, такие авторитетные исследователи, как К. Босворт, П. Гольден, Л. Джохансен и др., одними из главных последствий новой миграционной волны тюркских племен огузов из Средней Азии в Азербайджан и включения последнего в состав империи Великих Сельджуков указывают процесс стремительной этнолингвистической «тюркизации» Азербайджана [1, 522; 2, 45; 3, 166]. Однако необходимо отметить, что Азербайджан, издревле является территорией расселения тюркских этносов. Большую роль в том, что Азербайджан стал одной из главных территорий расселения сельджуков, сыграла именно этно-конфессиональная особенность Азербайджана. Автохтонное население страны являлось тюркским и, главным образом, было представлено именно огузами, проникшими через Дербентский проход и другие горные перевалы Большого Кавказа.

Кроме того, существенное значение для переселенцев представлял и религиозный фактор – исповедание местным населением ислама, приверженцами которого также являлись сами сельджуки. Так, прибывшие огузы легко смогли адаптироваться к тюрко-мусульманскому социокультурному пространству. Поэтому с миграцией сельджуков в Азербайджан не последовала ассимиляция местного населения первыми, имело место лишь консолидация между родственными племенами. Как отмечает Э. Лэмбтон, численность участвовавших в сельджукской миграции ограничивалась несколькими десятками тысяч человек [4, 130]. Дж. Бучан же указывает, что с новым миграционным потоком огузов в Азербайджан в XI в. тюркское население Ширвана, Аррана и Мугани лишь количественно увеличилось, качественных же изменений в этническом составе местного населения не последовало [5, 229]. Но даже если предположить, что местное население Азербайджана преимущественно было нетюркского происхождения, то этот факт не подтверждает того, что поселение тюрков-огузов здесь привело к тюркизации, т. к. пришельцы не только в количественном соотношении, но и по уровню социально-экономического развития, сильно уступали местному населению, что в свою очередь никоим образом не могло нарушить принцип этногенетической непрерывности на территории Азербайджана. В этом отношении большой интерес представляет статья З. Ямпольского. Как указывает исследователь, «... количество гузов по сравнению с местным населением составляло меньшинство; приход гузов никак не мог нарушить непрерывности этнического развития на почве Азербайджана. Таким образом, факты позволяют считать, что с древнейших времен до XVIII в., т. е. на протяжении почти 3000 лет, все этнические общности, вторгавшиеся и иначе проникавшие в Азербайджан, составляли здесь абсолютное этническое меньшинство и поэтому не могли ни прервать, ни даже значительно деформировать основной, количественно преобладающий ствол этногенетического развития на почве Азербайджана. Поэтому есть все основания современных азербайджанцев и их язык, других коренных жителей Азербайджана считать этническими потомками древнего местного населения (т. е. тюрков – Л. К.) Мидии, Атропатены и Албании» [6].

Сегодня в англоязычной историографии также нередки случаи искажения этнического происхождения одного из крупнейших государств средневековья – азербайджанского государства Сефевидов, которому даже такие выдающиеся исследователи, как Р. Сейвори, Э. Йаршатер, Р. Матти, К. Босворт, Э. Браун, Ф. Дафтари и др. [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13], приписывают персидское, курдское, арабское происхождение. Хотя такие неопровержимые факты, как приведенное в первом источнике, содержащем сведения о далеких предках Сефевидов «Саффат ас-Сафа», обращение мюридов к предку Сефевидов Шейху Сефи как к «*пир-и тюрк*» (святой тюрк), написанные на тюркском языке официальные письма сефевидских шахов ряду европейских правителей, свидетельства европейских путешественников и послов о том, что тюркский язык использовался не только в дипломатической переписке, но и являлся языком Сефевидского двора, из 72 поименно известных эмиров (общее количество их было 114) 61 были тюркоязычными, ударная сила государства, состоявшая из тюркских племен кызылбашей, название государства в некоторых источниках как «Девлет-и Кызылбаш», написанные на тюркском языке двустилишние Шейха Сефи и «Диван» Шаха Исмаила Хатаи соответственно и т. д., доказывают состоятельность данных утверждений, ибо налицо все факты тюркского происхождения династии Сефевидов. Считаю необходимым сделать краткий историко-ретроспективный анализ этно-политической картины средневекового Азербайджана, дабы наглядно продемонстрировать декларативный характер утверждений некоторых исследователей о том, что турки являются пришлым элементом в истории Азербайджана.

Так, на протяжении многих веков земли Азербайджана испытывали на себе влияние миграционных процессов и подвергались нашествию тюркоязычных племен, которые в свою очередь принимали активное участие в этногенезе азербайджанцев. Этническая картина Азербайджана наряду с преобладающим тюркским населением представлена кавказоязычными и ираноязычными народами. Появление же тюрков-сельджуков лишь внесло свою лепту в многовековой процесс формирования азербайджанского тюркского народа и азербайджанского тюркского языка, еще

более усилив тюркскую доминанту. В отечественной историографии было научно доказано, что среди киммеров, скифов, саков, игравших большую роль в военно-политической истории Азербайджана начиная с конца VIII – начала VII вв. до н.э., присутствовал сильный тюркский компонент, который в дальнейшем при булгарах, сабирах, хазарах и огузах лишь усилился. К тому же, Скифское царство было создано именно на территории Азербайджана. Кроме того, еще в начальные века нашей эры тюркские этносы, среди которых преобладали огузы, играли главную роль в процессе формирования единого народа. Тюркские племена преобладали как на севере, так и на юге страны, и являлись носителями государственности. Поэтому начиная с первых столетий нашей эры тюркский язык превратился в главное средство общения между малочисленными нетюркскими народами и этническими группами, населявшими территорию Азербайджана, тем самым он сыграл консолидирующую роль между севером и югом страны, что соответственно повлияло на формирование единого азербайджанского народа, т.к. в указанный период в Азербайджане, отличающемся своей полиэтничностью, не было единой религии. Присутствие в местной топонимике тюркских элементов подтверждает преобладание тюркского элемента в Азербайджане. Уже в VII–VIII вв. среди албан получил распространение тюркский язык, подтверждением чему являются тюркизмы, встречающиеся как в «Истории Агван» Моисея Каланкатуйского, так и в средневековых арабских источниках [Подробнее см.: 14; 15; 16; 17]. Отечественный исследователь Г. Гейбуллаев, долгие годы изучав древнетюркские топонимы, антропонимы Албании и Атропатены, упоминавшиеся в античных, среднеперсидских, раннесредневековых армянских, грузинских и арабских источниках, пришел к выводу, что в их этническом составе на протяжении с начала 1 тыс. до н.э. до конца раннего средневековья существовали устойчивые тюркские этнические общности [подробнее см.: 14]. Одним из ценнейших и одновременно ранних арабских источников, доказывающих, что еще до арабского завоевания местное население Азербайджана было тюркским, являются датированные приблизительно концом правления омейядского халифа

Муавии I (661-680) «Сообщения» Абида ибн Шарйа ал-Джурхуми, в которых приведен краткий диалог между халифом Муавией и командующим арабскими войсками. На вопрос халифа «Что ты скажешь об Азербайджане?» последний ответил так: «Азербайджан издревле является страной тюрок и заселен ими» [18]. Так, указанный источник является неопровержимым доказательством тюркского этнолингвистического происхождения населения Азербайджана и, соответственно, показывает несостоятельность и декларативный характер утверждений большинства англоязычных исследователей о начале тюркизации Азербайджана лишь с приходом сюда сельджуков в XI в. Отметим, что сегодня азербайджанцы после анатолийских турков являются вторым по численности большим тюркским народом в мире. Именно тюркство явилось ключевым звеном в процессе этнополитической и культурной унификации всех областей страны. Именно из-за того, что тюркские этносы представляли собою мощную военно-политическую силу, политика насильственной этнокультурной ассимиляции азербайджанского населения, последовательно проводимой как сасанидскими, так и арабскими завоевателями на протяжении приблизительно шести столетий, потерпела фиаско. К тому же, с новой волной миграции огузов процесс формирования азербайджанского народа, в котором главную роль сыграли тюрки-огузы, был завершен, а азербайджанский тюркский язык, вытеснив арабский и персидский языки, превратился в общенародный язык во всем Азербайджане.

Кроме того, существенное значение в определении этнического происхождения местного населения Азербайджана играют и антропологические данные, в частности краниологические материалы. В ходе раскопок в Мингечауре в 1946–1953 гг. учеными были исследованы около 200 черепных коробок, по времени относящихся к периоду с X в. до н.э. по X в. н.э., среди которых, в частности тех, что относятся ко времени до н.э., преобладает долихокранный тип черепа, который, как известно, является характерной особенностью каспийского антропологического типа, к которым относятся азербайджанские тюрки и туркмены. Было установлено, что каспийский тип является местным [19]. Согласно отечественному

антропологу К. Мамедову, данный тип следовало бы называть «огузским», т. к., по сообщениям средневековых арабоязычных авторов, в отличие от других народов огузы были длинноголовыми [20, 94]. Отметим, что современное население Азербайджана тоже отличается долихокранным типом черепа, что в свою очередь доказывает, что тюрки являются автохтонами здесь, а не пришлым элементом, как утверждает большинство англоязычных исследователей. По палеоантропологическим находкам, найденным на севере и юге Кавказа, было установлено, что древнейшее население этой области было каспийского типа, к которому относятся сегодняшние азербайджанские тюрки, что доказывает в свою очередь тот факт, что последние являются первыми обитателями Кавказа [20, 95–96]. Определенный интерес представляют предположения отечественных ученых Ю. Юсифова и С. Алиярлы, которые ссылаясь на наличие множества шумеро-тюркских лексических аналогий, отмечают возможность близости или соседства шумеров и тюрков, тем самым исследователи предполагают, что прототюрки еще с древности жили в Передней Азии, на Кавказе, в регионе Средиземного моря, в Средней Азии [17; 21]. Это вовсе не проявление пантюркизма со стороны исследователей. О возможности тесных контактов шумеров с тюрками высказывались также западные ученые, как, например, немецкий профессор Фриц Гоммель, выявивший в шумерских текстах около 200 слов, совпадающих с тюркскими. Профессор Бено Ландсбергер, открывший кафедру шумерологии на историко-географическом факультете Анкарийского Университета, утверждал, что кутии, правившие в Месопотамии в 2150–1950 гг. до н.э., были самыми близкими к тюркам, а возможно, и одинаковым племенем. К тому же, наличие в древнеармянских источниках лексем, антропонимов и топонимов тюркского происхождения лишней раз подтверждает существование сильного тюркского компонента в этно-политической истории Азербайджана задолго до XI в. [подробнее см.: 21, 25–27]. Как следствие, ДНК-исследования, проводимые в последние годы как западными, так и иранскими исследователями, показавшие, что якобы азербайджанцы генетически более близки соседним кавказским народам, чем иным представителям тюркской языко-

вой семьи, а также якобы азербайджанский язык привнесен извне в результате лингвистической «миграции» в XI в., не отражают историческую действительность. К тому же, неслучайно именно на территории Азербайджана сформировался и распространился шедевр не только азербайджанской, но и общетюркской литературы – 1300-летний героический эпос огузов «Китаби Деде Горгуд».

Использованные источники и литература

1. *Bosworth C. Arran*/The Encyclopaedia of Islam. New edition: in 12 volumes. Vol. II, fasc. 5/Ed. by E. Yarshater. Leiden: E. J. Brill, 1986, pp. 520–522.

2. *Golden P.* The Turkic Peoples and Caucasia/Transcaucasia, Nationalism and Social Change: Essays in the History of Armenia, Azerbaijan, and Georgia/Ed. by R. Suny. Michigan: The University of Michigan Press, 1996, pp. 45–67.

3. *Johansen L.* On the roles of Turkic in the Caucasus Area/Linguistic Areas Convergence in Historical and Typological Perspective/Ed. by Y. Matras, A. McMahon, N. Vincent. London: Palgrave MacMillan, 2006, pp. 160–181.

4. *Лэмбтон Э.К. С.* Аспекты расселения сельджуков-огузов в Иране/Мусульманский мир. 950–1150/Отв. ред-ры: В. В. Наумкин, М. Б. Пиотровский. М.: Наука, 1981, с. 123–144.

5. *Buchan J.* The Baltic and Caucasian States: the Nations of Today. A New History of the World. London: Hodder and Stoughton Ltd., 1923, 269 p.

6. *Ямпольский З.И.* Об этногенетической непрерывности на почве Азербайджана/Вопросы истории Кавказской Албании (Сборник статей)/Под ред. И. Алиева. Баку, 1962 // URL: http://elibrary.bsu.az/books_460/N_434.pdf

7. *Savory R.* Iran 1501–1629/History of Humanity. Scientific and Cultural development. Vol. V/Ed. by Burke P., Inalcik H. London, New York: Unesco, 1999, p. 258–263.

8. *Savory R.* Ismail I.I. Bibliographical and Historical/Encyclopaedia of Islam. New edition. Vol. IV/Ed. by. Bosworth C., Lewis B., Pellat Ch. Leiden: E. J. Brill, 1997, p. 186–187.

9. *Yarshater E.* Iran II (2). Iran in the Islamic Period (651-1979). The Safavids (1501-1722) // www.iranicaonline.org/articles/iran-ii2-islamic-period-page-4

10. *Matthee R.* Safavid Dynasty // www.iranicaonline.org/articles/safavids

11. *Bosworth C.* The New Islamic Dynasties: A Chronological and Genealogical Manual. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004, 389 p.

12. *Browne E.* A literary history of Persia. Vol. IV. Cambridge: Cambridge University Press, 1959, 490 p.

13. *Daftary F.* Intellectual Traditions in Islam. London, New York: I. B. Tauris, 2001, 272 p.

14. *Гейбуллаев Г.А.* К этногенезу азербайджанцев (историко-этнографическое исследование): в 2 томах. Т. I. Баку: Элм, 1991, 549 с.

15. *Джафаров Ю.Р.* Гунны и Азербайджан. Баку: Азернешр, 1993, 107 с.

16. *Кафар-заде Л.Р.* Вопросы раннесредневековой истории Азербайджана в англоязычной историографии. Баку: ИПО Турхан, 2017, 248 с.

17. *Azərbaycan tarixi: uzaq keçmişdən 1870-ci illərə qədər/S. S. Əliyarlının redaktəsi ilə.* Bakı: Azərbaycan, 1996, 870 s.

18. *Azərbaycan tarixi üzrə qaynaqlar/S. S. Əliyarlının redaktəsi ilə.* Bakı: Çıraq, 2007, 328 s. // URL: http://lib.az/users/1/upload/files/Azerbaijan_tarixi_uzre_qaynaqlar.pdf

19. *Касимова Р.М.* О краниологических материалах из раскопок в Мингечауре/Вопросы истории Кавказской Албании (Сборник статей)/Под ред. И. Алиева. Баку, 1962 // URL: http://elibrary.bsu.az/books_460/N_434.pdf

20. *Məmmədov K. H.* Qafqaz xalqlarının antropoloqiyası haqqında // Bakı Universitetinin Xəbərləri. Humanitar elmlər seriyası, 2015, № 3, с. 92–98.

21. *Юсифов Ю.Б.* Об актуальных проблемах этнической истории Азербайджана/Проблемы изучения источников по истории Азербайджана. Материалы республиканской межвузовской научно-методической конференции. Баку, 1988, с. 15–39.

М. Х. Тезиева
(г. Владикавказ, Россия)

МОТИВЫ ЗМЕЕБОРЧЕСТВА В РОДОВОЙ ИСТОРИИ ЦАРГАСАТ

Общеизвестно, что Царгасата – это «орлы», однако зачастую упускается из виду тот факт, что они не просто «орлы», а «орлы-змееборцы». Рассмотрим подробнее мотивы змееборчества в родовой истории устурдигорских феодалов Царгасат (они же Чергессата, Чергезеты, Чергезидзе, Черкезишвили, Чергезовы, Черкезовы, а до этого – Таврос, то есть одно из таврских племен под названием «осет») – Таймазовых, Кантемировых и Карабугаевых.

Родовая символика Царгасат настолько многослойна, что ее легче всего описывать, разбивая на подтемы: «Финикийский культурный слой», «Тавроскифский культурный слой», «Персидский культурный слой», «Греческий культурный слой», «Черкесский культурный слой» и так далее, что и будет мною сделано в специализированных статьях. Пока же намечу лишь самые общие контуры темы.

Знаменательно, что мотив змееборчества характерен для всех «слоев» родовой символики Царгасат. Наиболее часто исследователи цитируют почему-то «Предание о змее в Галиате», записанное Вс. Миллером в высокогорном дигорском ауле Камунта. Сам Миллер относит это предание к «бесчисленным сказаниям о борьбе юноши (бога, героя) со змеем, но любопытно приурочением к местности и лицу» [1, 234]. Действие происходит в Галиате. Действующее лицо – Кантемуrow (один из вариантов написания царгасатской фамилии Кантемировых).

Итак, повторяю, действие происходит в ауле Галиат (Дигория), который существует и ныне. Около аула есть место, куда жители сносили съестные запасы. Осенью появился «зариаг калм» («зарийский змей») и окружил это место, свившись в кольцо, так что хвост у змея был в зубах. Никто из жителей Галиата не решался приблизиться к змею. Решился на это только один храбрец «из рода Кантемуровых». Чтобы напасть на змея, он «достал свежую воловью шкуру, оделся в нее и высушил ее на себе на солнце, так что она плотно облегла его тело. Затем он сел на коня и напал на змея. После долгой битвы ему удалось шашкой отрубить змею голову. Дело было около реки, и кровь змея в таком количестве наполнила воду, что целый год нельзя было пить из этой речки» [2, 213]. Обратите внимание: река в фольклорных текстах это всегда маркер границы миров.

Любопытно примечание самого Вс. Миллера: «Почему змей называется зарийским (или залийским-залиаг) мне не умели объяснить». Интересно было бы сравнить все фольклорные тексты, связанные с зарийским (залийским) змеем. Их сбором и систематизацией занимается в настоящее время фольклорист Д. В. Сокаева. Ею, в частности, в 2016 году введен в научный оборот вариант «Сказки об Уастырджи» осетин Турции, где одним из действующих лиц является зарийский змей [3].

Святые покровители Царгасат – святой Николай и святой Георгий (святой змееборец). Любопытной информацией поделилась со мной на эту тему тбилисский художник Софья Черкезишвили. По ее словам, в роду Черкезишвили всем мужчинам давали имена Николай и Георгий. Это прослеживается вплоть до восьмого колена от нее. Дальше, вглубь, она не знает.

Итак, в Дигории, по преданию, есть два святых места, где жили эти святые: «Одно близ Дамах-авцега (Долёгъи ёфцёг), перевала, разделяющего горную Дигорию от плоскостной; на этом месте на высокой отвесной скале Ахсард-зёф (что значит удар мечом), по преданию, жил святой Георгий. Около этой скалы находилось священное озеро, которое охранял Св. Георгий» [4, 19].

По преданию, в Стур-Дигории была часовня, которую построил этот святой: «...от скалы Ахсард-зёф, в Стур-Дигории, на горе

Вайныхта, св. Георгий построил часовню, куда он каждый день ходил молиться Богу». По соседству со святым Георгием жил святой Николай: «А другое же место, недалеко от первого, тоже отвесная скала и называется Дигорезет (Дигори изад): по словам предания, на этой скале жил Св. Николай».

Интересна история исчезновения соленого озера, которое охранял Св. Георгий: «Когда Св. Георгий уходил в свою часовню молиться, то он всегда поручал озеро Св. Николаю. Раз он возвращается домой и, не видя озера, спрашивает Св. Николая, где же озеро, куда оно ушло? Не знаю, отвечал Св. Николай, ничего не видел, видел только, пробежала какая-то собака».

«Это было озеро, превращенное в собаку, – поясняет Св. Николаю Св. Георгий. – Ты бы хватил эту собаку вот так! При этом он ударил по скале так сильно, что скала треснула, а потом говорит, вот этак! И пырнул в скалу копьём так, что в скале образовалась пещера. Эту трещину и пещеру можно видеть и теперь. На месте же озера, говорит преданье, впоследствии были поселены аулы Задалеск, Ханаз и Пар». Итак, здесь вновь – озеро, то есть маркер границы миров наряду с рекой, морем, колодцем и так далее... Царгасата вообще всегда связаны с водой. Не зря же они пришли с моря.

О культуре Св. Георгия на Кавказе существует обширнейшая литература: И. Джавахишвили исследовал культ этого святого на картвельском материале, Вс. Миллер – на осетинском, Н. Джанашиа и С. Званбая – на абхазском, а Г. Турчанинов – на черкесском. Г. Турчанинов, с его феноменальным чутьем на маркеры, все же в некоторых моментах их трактовки, на мой взгляд, заблуждался [5]. В частности, он считал, что большая собака (спутница Св. Георгия) – это мусульманский «новодел». Справедливо заметив, что в черкесских народных песнях, посвященных Ауш-Герги (Св. Георгию) есть постоянный мотив, что спутником его является Тхашко Большой Бог, Турчанинов, на мой взгляд, неправильно интерпретирует тот факт, что в одном из вариантов песни «ему собака большая спутница есть», объясняя замену Большого бога на большую собаку проявлением борьбы мусульманства с христианством. Это не так! Наоборот, вариант с собакой – куда как

древнее! Говорю это как человек, который знает черкесский материал «изнутри» (моя мать – из рода Черкезидзе). Волшебный охотник Ауш-Герги имеет волшебную собаку! Это очень-очень древний мотив. Отсылаю всех интересующихся им к блестящему исследованию археолога и историка Х. Чшиева «Ирано-кавказские параллели...» [6].

До наших дней дошло даже имя этой волшебной собаки: Курша (у армян таких собак зовут Аралезы). В Геби (одно из сел в горной Раче, которым владели Царгасата-Черкезидзе в период от Баграта IV до Соломона I, о чем они и сообщают в своем Прощении) в третий понедельник после Пасхи, у подножия скалы, которая считается местом гибели волшебного охотника, каждый год устраивали ритуальный хоровод, где исполняли песнь-плач об утерянной Курше [7].

Св. Георгий и Св. Николай – это малоазиатские святые. Впрочем, Вс. Миллеру удалось записать от Иналука Тхостова крайне любопытную легенду о Св. Георгии, из которой явственно торчат «финикийские» уши (подробнее финикийский культурный пласт будет рассмотрен нами в отдельном исследовании). Итак, малоазиатский период жизни Царгасат отражен ими в документе под названием «Его Сиятельству Наместнику Кавказскому Господину Генералу от Инфантерии Генерал-адъютанту и Кавалеру Князю Бярятинскому Дигорского ущелья дворян по фамилии Карабугаевых, Таймазовых и Кантемировых Прощение» от 31 декабря 1859 г. [8, 110–111]. Документ этот был введен в научный оборот в 1998 году. Любопытно, что за два года до подачи Прощения, Черкезовы указаны в списке делегаций, присутствовавших на церемонии коронации императора Александра Второго: делегацию Алагирского общества в Москве возглавлял старшина Черкезов [9].

Вообще, замечу, вопрос датировки разделения Черкезидзе на три фамилии – Таймазовых, Карабугаевых, Кантемировых (когда именно это произошло и как) требует отдельного рассмотрения. Напомню лишь, что академик А. М. Шегрен в своем «Описании дигорского народа» обратил внимание на следующий факт: «Дигорцы не имеют князей, однако принадлежат разным господам,

которые, есть двух больших фамилий, Баделидзе и Черкезидзе. Баделидзе разделены на разные фамилии ... Черкезидзева же фамилия не разделена» [10, 209].

Итак, что же сами Чергезеты говорят о своем происхождении? Перескажу фрагмент их Прошения своими словами для краткости изложения. Когда-то племя Чергезетов населяло часть Кавказских гор, омываемых с юго-западной стороны Черным морем. Когда их стали теснить «римские народы», они ушли в Персию, где им покровительствовали Персидские правители, но и там междуусобицы не давали им покоя, и они возвратились обратно. Так как побеждаемые постоянно прибывались к ним, то из Чергезетов составила́сь масса народа. Последние из их вождей в кочевой жизни, были, согласно Прошению, два брата: Чергезия и Шавраш (в других источниках – Царгос и Шавраш). О Чергезии (Царгосе) и Шавраше существует обширнейшая литература. Однако в тупик исследователей неизменно ставит указание на их императорское происхождение. Фраза из часто цитируемого источника [11, 16] – «имена этих братьев указывают на их императорское происхождение» – толкала исследователей на выдвижение самых невероятнейших гипотез. Их краткий обзор я дам в статье «К вопросу об «императорском» происхождении царгасат». Пока лишь ограничусь замечанием о том, что самой реалистичной мне кажется увязка с Тибетом (цари Тибета), так как Царгасата «завязаны» на Тао-Кларжет, который, по мнению многих исследователей, был «филиалом» Тибета. Отметим, кстати, царгасата и в Тибете (через Мамисон).

Подведу краткие итоги обозначенной темы:

– мотивы змеборчества в родовой истории царгасат следует изучать «послойно», чтобы не запутаться в большом фактологическом материале;

– надо собрать воедино все фольклорные тексты с упоминанием зарийского змея, провести сравнительный анализ, выявить более древние тексты и установить роль царгасат в борьбе с зарийским змеем;

– ввиду большого сходства мотивов (а иногда – прямого со-

впадения) надо сравнить осетинский материал со сказаниями ортсхоевцев-карабулаков;

– надо изучить весь визуальный материал, имеющий отношение к теме. Это и надгробия, и тамга родовая, и герб рода Черкези (в сравнении с другими гербами).

Использованные источники и литература

1. *Миллер В. Ф.* Фольклор народов Северного Кавказа. Тексты. Исследования. М., 2008.

2. Там же.

3. *Сокаева Д. В.* «Сюжет сказки об Уастырджи осетин Турции: сравнительный аспект // Известия СОИГСИ, вып.19 (58), 2016.

4. Терские ведомости, 1870, №48 // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Вып. IV. Цхинвали: Ирыстон, 1989. Составитель *Л. А. Чибиров*,

5. *Турчанинов Г.* Из истории религиозного синкретизма у черкесов (следы культа Ауш-Герги Георгия Победоносца) // Вопросы истории религии и атеизма. Выпуск VI, 1956.

6. *Чишев Х.* Ирано-кавказские параллели по материалам кобанской археологической культуры эпохи поздней бронзы – раннего железа // Дарьял, №1, 2017.

7. Грузинские предания // www.mifolog.ru.

8. ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 1.

9. Описание священнейшего коронования их Императорских Величеств Государя Императора Александра Второго и Государыни Императрицы Марии Александровны всея России. СПб: типография Императорской Академии наук, 1856 (альбом хранится в отделе редкой книги ННБ РСО-А).

10. *Шегрен А. М.* Описание дигорского народа // Дарьял, №1, 1991.

11. Терские ведомости, 1870, №48 // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Вып. IV. Цхинвали: Ирыстон, 1989. Составитель *Л. А. Чибиров*.

М. А. Цагараев
(г. Владикавказ, Россия)

К ВОПРОСУ О ЗАСЕЛЕНИИ ФИАГДОНСКОЙ КОТЛОВИНЫ ПО ДАННЫМ ФАМИЛЬНЫХ И НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЙ

С конца XIX века в официальных документах и справочниках царской администрации за ущельем реки Фиагдон закрепилось наименование «Куртатинское ущелье». Наименование это было принято по названию одного из осетинских обществ, деливших между собой Фиагдонское ущелье. К началу российско-осетинских взаимоотношений сферы влияния в ущелье были поделены между двумя соперничавшими друг с другом гражданскими общинами: Куртатинской и Цымытинской. В документах царской администрации они именуются Осетино-Куртатинским обществом и обществом Осетино-Цымытинским [1, 118–123]. Соперничество осетинских общин велось за контроль над караванными и перевальными тропами, земельными угодьями, природными ресурсами, и в целом за гегемонию в регионе. Противостояние было весьма длительным, то нисходящее до тлеющего перманентного состояния, то переходя в острую фазу, подогреваемую не столько экономическими интересами, сколько вопросами кровомщения. Если в период позднего средневековья более сильная Цымытинская община могла навязывать свои условия куртатинцам, то ко времени распространения влияния князей Малой Кабарды на население Куртатинской общины, особенно на узданские фамилии, ее влияние пошло на спад. Взамен на ежегодную

подать кабардинским князьям, куртатинская община получила их военное покровительство. Во второй половине XVIII века, царская администрация застала общины Фиагдонской котловины в состоянии относительной стабильности [2, 249]. Куртатинская элита под влиянием Кабарды находилась на завершающем этапе исламизации и активно соотносилась по торговым и наемническим делам как с кабардинцами, так и с русскими по военной линии, а так же через посредничество тагаурцев с картлийскими и кахетинскими владельцами. Консервативные цымытинцы пребывали в некоторой изоляции, находясь в состоянии кровной вражды с кабардинцами, практически не поддерживали отношения с русской администрацией, неуклонно приближающейся к их землям, неохотно откликались на призывы грузинских царей [3, 250]. Распространение влияния царской администрации не привело к снятию напряженности между общинами. Общины конкурировали за внимание «новой власти» и боролись за признание их притязаний на гегемонию в ущелье [4, 33]. Куртатинская элита первой вошла в сношение с русской администрацией и, как результат, первой застолбила за собой звание привилегированного сословия, однако, чуть позднее, в документах администрации были внесены корректирующие изменения, признающие те же права и свободы и за элитой цымытинцев [5, 39]. Споры и претензии общин отражены в разного рода документах, обращениях и прошениях, поступивших в «Комитет созданный для разбора личных и поземельных прав туземцев военно-осетинского округа». В своих прошениях куртатинцы именуют место своего проживания – ущельем Куртатинским, в то же время цымытинцы говорят, что «жительствоуют в своем Цымытинском ущелье» [6, 98]. Это же деление ущелья по «сферам влияния» общин прослеживается и в географическом трактате Вахушта Багратиони, где грузинский ученый, обобщая собранные данные, располагает Цымыты и Куртат вообще в разных ущельях [7, 66–67]. Впрочем, этот казус легко укладывается в осетинскую лексическую традицию, где под наименованиями «Куртаты ком» и «Цымытийы комбæстæ» – может пониматься как собственно «гражданская община», так и как «ущелье» в узком смысле.

По всей видимости, именно эта двусмысленность в переводах с осетинского на русский и послужила основой для закрепления за ущельем реки Фиагдон названия «Куртатинское ущелье».

Конкуренция общин продолжалась и в конце XIX – начале XX веков, когда в относительно небольшом по размерам ущелье были образованы два церковных прихода: Далагкауский (объединяющий села куртатинской общины) и Хидикусский (включавший села общины Цымыти). Даже с приходом в Осетию Советской власти в 1924 году, были образованы два отдельных Сельских правления с теми же названиями.

Под свои экономические и политические притязания элиты каждой из сторон подводили идеологический базис, претендуя на «изначальность», и «право первопоселенца» родоначальника их общины. Эти доводы сводились к фактам, приведенным в устных народных преданиях кадагах, повествующих об основании общин и отдельных селений. Разбору данного материала и установлению примерных дат основания общин Фиагдонской котловины мы и намерены посвятить это исследование.

Исследователи и историки в разные периоды брались за датировку периодов освоения предками современного населения Фиагдонской котловины. Наиболее старыми селениями обозначаются Дзывгис, Лац, и Ахсины бадæн близ аула Бугултыкау. Нужно отметить, что фундаментальных археологических исследований вышеназванных селений не проводилось. Археологические разведки показали наличие артефактов бронзового века, принадлежащих кобанской культуре, в селении Лац. Кладбище в каменных ящиках раннеаланского времени на окраине села говорит о его функционировании и эпоху раннего средневековья. Современные насельники Лаца являются поздними (XVII–XVIII век) переселенцами из Алагирского общества [8, 263;246;397]. По всей видимости, прежнее население селения Лац исчезло вследствие разгула эпидемий холеры и чумы. Склеповый могильник селения, представленный склепами наземного и полуподземного типа, перестал эксплуатироваться в XVII – начале XVIII века. Весьма затруднительна фамильная идентификация склепов. Сохранилось мнение, что население, похороненное в склепах, по-

гибло вследствие эпидемии. По мнению современных жителей Лаца, при посещении склеповых сооружений существует угроза инфицирования чумой. Косвенным подтверждением следов эпидемии могут служить до недавнего времени сохранившиеся костяки в нестандартных позах и положениях. Согласно преданиям, зараженные члены общества уходили, чтоб не заразить остальных членов семьи на кладбище, и там, в ожидании смерти, от холода и ненастья – ютились в нефункционирующих к тому времени родовых склепах.

Пещерный комплекс с оборонительными укреплениями селения Дзывгис археологи датируют XI веком, хотя находки на поселении черепков от сосудов аланской красной лощенной керамики, характерной для VII–IX веков, говорят о более раннем времени его заселения. Укрепления Хилака датируют V–VII веком нашей эры, однако сколько-нибудь явных артефактов, подтверждающих данную датировку, в науке нет.

Устные народные предания, дошедшие до наших дней, сохранили сведения о заселении ущелья. Наиболее ценными и информативными из них являются предания о Цымыти и предания о Хакуна. Они помогут с помощью сравнительного анализа прийти к временной привязке исторических событий, обозначенных в преданиях.

Не приводя в полном объеме тексты преданий, постараемся тезисно обозначить ключевые моменты.

Начнем с предания о Цымытинской общине.

Основателем общины является военачальник Ос-Багатара по имени Цымыти. Вотчиной Цымыти называют Уаллагком. К моменту прихода Цымыти в ущелье Фиагдона, ущелье было малонаселенным. В Дзывгисе обитали «бурдуртæ», по-видимому, позднеаланское население, пережившее монгольское вторжение. В Хилакских укреплениях указан владетель по имени Дзангубек. С согласия Дзангубека Цымыти обосновался на месте современного поселения [9]. Теперь к интерпретации указанных фактов: последний из исторических Багатаров жил в конце XIII – начале XIV веков. Именно он в 1292 году во главе аланских дружин, используя противоречия монгольских кланов Золотоордынских

Джучидов и Иранских Ильханов, предпринял попытку возвращения равнинных земель путем захвата Горийской крепости и ее окрестностей. После тридцати с лишним лет аланы были вытеснены войсками Ильханов к себе в горы, а сам Багатар погиб [10, 111]. Косвенным подтверждением этих событий может служить версия предания о Цымыти, зафиксированная у Каргиевой Ц. Г., где она указывает, что Цымыти пришел из Грузии [11, 603–604]. В этом нюансе можно увидеть процесс возвращения алан, отступивших из Горийской крепости.

Имя Дзангубека, которого предание рисует владельцем всего ущелья, носит явный тюрко-монгольский характер. Уместно допустить, что под этим именем скрывается один из монгольских наместников, охранявший перевальные дороги в покоренной части горной Алании. Недаром его ставку связывают с фортификационным укреплением Ахсины бадан (Бугултыкау), запирающим и контролирующим перевальные пути в Закавказье. С этим же именем можно связать и другое предание о том, как супруга начальника гарнизона, охранявшего эту крепость, влюбившись в предводителя войска, осаждавшего эту крепость, указала ему на уязвимое место в крепости [12, 138]. После того как защитники крепости были истреблены, Ахсин вышла замуж за предводителя нападавших. Нет никаких разночтений в интерпретации описанных событий. И, несмотря на то, что нападшее войско именуют франками, их предводитель зовется титулом Хан. Не правда ли, странный титул для европейцев (франков), которых некоторые исследователи склонны видеть в нападавших. Не менее неестественным и, безусловно заимствованным, этот титул является для иранского языка алан-осетин. История не знает фактов вторжения каких либо «европейцев» в пределы Алании, поэтому скорее под франками следовало бы видеть иносказательное «фыранки» – «барсы», как эпитет бесстрашных и храбрых воинов. Кстати, для монголов леопард так же являлся символом храбрости. Его шкурами любили украшать коней и использовать в качестве плащей монгольские знатные войны. То же можно сказать и о титуле наместника. Конечно же «ханом» он быть не мог, но одним из вельмож – «беком», вполне. Итак, мы имеем начальника монголь-

ского гарнизона по имени Дзангу-Бек, контролирующего ущелье реки Фиагдон с остатками разгромленного и покоренного населения и перевалы в Закавказье, сделавшим своей ставкой старую аланскую крепость. Вполне по-монгольски.

Теперь к «бурдуртам» – населению Дзывгиса [13, 79].

В предании, приведенном в прошении фамилии Гутновых, впрочем как и иных фамилий Дзывгиса, оспаривающих свое «фарсагское» положение, приписанное им куртатинцами, в «Комитет созданный для разбора личных и поземельных прав туземцев военно-осетинского округа», указывается, что предки этих фамилий жили на этих местах владея родовыми землями задолго до того, как предок куртатинцев поселился в этом ущелье. Таким образом, в коренном населении Дзывгиса мы склонны видеть остатки раннеаланского, домонгольского населения, реликтом, сохранившихся в этом маленьком селении.

Перейдем к анализу преданий о куртатинцах. В соответствии с преданиями, общим предком всех куртатинцев и тагиат является внук Сидамона по имени Хакуна, поселившийся на отроге скалы, в месте, носящем и по настоящее время его имя. Его единственный сын – Ханджери был похищен кабардинцами. Вернувшись из плена свободным и возмужавшим, Ханджери дал жизнь двум сыновьям: Курта и Тага. Курта стал этнархом общины Куртатинской, а Тага стал родоначальником привилегированных фамилий соседнего Тагаурского общества [14].

О чем нам могут поведать приведенные данные? Сидамон является внуком Ос-Багатара (по иной версии его сыном). Вотчиной потомков Сидамона является часть Алагирского ущелья. Потомкам Сидамона принадлежали Архон, Луар, Унал, Ход, Цус, Ксургт и Дейкау. Стало быть, Хакуна прибыл в ущелье Фиагодона из соседнего ущелья реки Ардон.

Таким образом, родоначальника всех куртатинцев Курта от его далекого предка Ос-Багатара отделяет 5–6 поколений, то есть при исчислении принятом в генеалогии получается порядка 165–198 лет, что приходится на первую половину XVI века.

К этому же времени относится и появление кабардинцев на предкавказской равнине и образование Большой и Малой Кабар-

ды. В 1505 году, после захвата турками Крымского полуострова, кабардинский народ покинул пределы крымского ханства и продвинулся в предгорья Кавказа на опустевшие от ногаев земли. В 1518 году их фиксируют уже в Пятигорье как Пятигорских черкесов. В середине XVI века русский царь Иван Грозный становится зятем одного из кабардинских князей. Поставляя своему тестю воинские контингенты, русский царь оказывает ему неоценимую помощь в узурпации власти в Кабарде и предпринимает военные походы к соседним народам, в том числе в «Тацкие земли» (Осетия) [15, 11]. С этого времени начинается трехсотлетняя кабардино-осетинская война, в ходе которой осетины под давлением кабардинцев окончательно оставляют плоскость, а западные общества Осетии попадают под влияние князей Большой Кабарды. Только после этих событий становится возможным описанный в предании случай похищения кабардинцами молодого Ханджери.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

Наиболее ранним населением Фиагдонской котловины являются потомки «бурдуртов», населявших Дзывгис.

Периодом основания Цымытинского общества можно считать начало XIV века.

Дед родоначальника Куртатинской общины – Хакуна поселился в ущелье не ранее первой половины XVI века.

Более точные выводы и датировку может дать набирающая обороты популярная генетика, позволяющая с небольшой погрешностью рассчитать временное расстояние родственных фамилий – рвадалов до общего предка.

Использованные источники и литература

1. *Марзоев И. Т.* Привилегированные сословия на Кавказе в XVIII-начале XX веков. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.

2. Рапорт ротмистра А. Батырева коменданту Кизляра полковнику Ф. И. Паркеру «О результатах его экспедиции в Осетию». От 2 декабря 1771 г. // Русско-осетинские отношения в XVIII веке: Сборник документов: В 2-х т. [сост. проф. М. М. Блиев]. Том 2: 1764–1784 гг. Орджоникидзе, Ир, 1984.

3. Там же.
4. *Бзаров Р. С.* Три осетинских общества в середине XIX века. Орджоникидзе, Ир, 1988.
5. Там же.
6. Прощение узденей Осетино-Цымытинского общества от 18 августа 1859 г. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.2.
7. *Багратиони В.* География Грузии. Описание Осетии, Дурдзукии, Дидоэтии, Тушетии, Алании и Джикетии // *Джанашвили М.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. Описание Осетии, Дурдзукии, Дидоэтии, Тушетии, Алании и Джикетии. О Царях Хазаретии // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 22. Тифлис 1897 // Репринтное издание «Евразия».
8. Семейные предания Тебиевых ист.: Куртатинское ущелье и куртатинцы/сост.: *Гуриев Т. А., Марзаганов М. У., Кцоев А. Х., Кантемиров А. П., Цгоев Х. В.* Владикавказ: Алания, 2007; Семейные предания Дулаевых ист.: Куртатинское ущелье и куртатинцы. Т.2/сост.: *Кантемиров А. П.* Владикавказ: Алания, 2011; Семейные предания Хадиковых ист.: Куртатинское ущелье и куртатинцы. Т.2/сост.: *Кантемиров А. П.* Владикавказ: Алания, 2011.
9. *Цагараев С.* // Кайтов К. Куырттатаæ/Рæстдзинад, 16 июня 1989 г.
10. *Блиев М. М., Бзаров Р. С.* История Осетии с древнейших времён до конца XIX в.: Владикавказ: Ир, 2000.
11. *Каргиева Ц.* Раджи заманы Куырттаты комы... // Ирон адæмон сфæлдыстад. Т.1, Владикавказ: Ир, 2007.
12. *Клапорт Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. Глава 42 // *Калоев Б. А.* Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX в.). Орджоникидзе, СОНИИ, 1967.
13. *Пфаф В. Б.* Материалы для истории осетин. ССКГ. вып. V. Тифлис, 1871.
14. *Дзодзиков И.* // Кайтов К. Куырттатаæ/Рæстдзинад, 16 июня 1989 г.
15. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т.1. Москва, 1957.

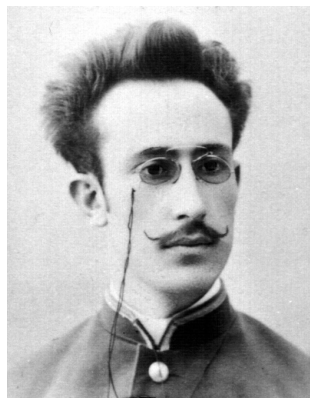
БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ш. М. Батчаев
(г. Черкесск, Россия)

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ГОРСКОЙ АРИСТОКРАТИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА – ВЫПУСКНИКИ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Одним из важнейших последствий интеграции народов Северного Кавказа в имперское пространство России стало формирование светской интеллигенции, которая, несмотря на свою немногочисленность, к периоду революции играла ведущую роль в горском обществе.

К числу ярких представителей дореволюционной горской интеллигенции относились юристы, активно проявившие себя в годы революции, Гражданской войны и первого советского десятилетия (1917-1930). В этой статье мы попытаемся рассмотреть судьбу представителей народов Цен-

трального Кавказа, получивших юридическое образование в ведущем ВУЗе России – Московском университете.

К судьбе первого из них – *Бек-Мырзы Хаджи-Мырзаевича Крым-Шамхалова*, мы уже обращались в своих научных сообщениях. Однако новые документы, оказавшиеся в нашем распоряжении, позволяют значительно расширить представление о его судьбе.

Он родился 1 мая 1879 г. в семье, принадлежащей по своему происхождению к высшей горской аристократии. Отец его – Хаджи-Мырза Бийнегерович (1827-1890) получил образование в кадетском корпусе (1843–1847 гг.), после чего более 30 лет прослужил в российской армии. Активно участвовал в Кавказской и Крымской войне (1853–1856 гг.). В русско-турецкой войне 1877–1878 гг. командовал 6-й Карачаевской сотней Кубанско-Горского конно-иррегулярного полка, участвовавшей в походе Марухского отряда русских войск в Абхазию и освобождении ее от турецких войск. За время службы был награжден орденами: Св. Станислава III степени (13 сентября 1862 г.) и II степени (19 апреля 1865 г.), Св. Анны III степени с мечами и бантом (9 марта 1863 г.) и II степени с императорской короной (18 сентября 1871 г.); медалями: бронзовой «В память войны 1853–1856 гг.», серебряной «За покорение Западного Кавказа» (1865), крестом «За службу на Кавказе». Был произведен в чин прапорщика (14.08.1847 г.), подпоручика, поручика (31.10.1854 г.), штабс-ротмистра (до 1864 г.), ротмистра (30.08.1870 г.). В 1871 г. от казны получил участок в 850 десятин по р. Эльтаркач, к которому впоследствии было добавлено еще сто десятин [1].

Мать Бек-Мырзы происходила из рода Султанов Гиреев, потомков крымских ханов, проживавших среди ногайцев, абазин и адыгов.

Детские годы Бек-Мырзы пролетели быстро, и когда ему исполнилось восемь лет, отец решил отправить его и среднего сына Туугъана на учебу. К этому времени оба мальчика получили начальное образование на арабском языке [2]. Естественным выбором в этой ситуации стала Ставропольская мужская гимназия, которая с начала 1840-х гг. была главным центром подготовки горцев со средним образованием. В течение лета вопрос о приеме Бек-Мырзы был решен и он был зачислен на горское отделение гимназии.

Более десяти лет Бек-Мырза провел в стенах Ставропольской гимназии, которая стала его вторым домом, особенно после смерти отца. Все заботы о братьях и сестрах тогда взял на себя старший брат – Ислам (1866-1920). Именно он настоял на том, чтобы Бек-Мырза продолжал образование в гимназии и впоследствии поступил в вуз.

В его «аттестате зрелости», выданном ученым советом Ставропольской мужской гимназии 6 июня 1900 г., «Бекмурзе Крымшамхалову, вероисповедания магометанского, сыну ротмистра-князя, обучавшемуся десять лет в Ставропольской гимназии и пробывшему один год в VIII классе» значилось, что «на основе наблюдений за все время обучения его в Ставропольской гимназии, поведение его было вообще отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных заданий достаточная, прилежание достаточное и любознательность достаточная...» [3].

После получения среднего образования Бек-Мырза принимает решение стать юристом. В качестве учебного заведения был выбран главный вуз страны – Императорский Московский университет. Так как в то время для поступления не требовалось сдавать экзамены, юный горец обратился со своим заявлением напрямую к ректору ИМУ.

В течение месяца вопрос о принятии горца из Карачая в ИМУ был рассмотрен и тогда же, в июле 1900 г. Бек-Мырза был зачислен на первый курс юридического факультета. Получив это радостное известие, он в течение лета встретился со всеми родственниками, уладил домашние дела, и в начале осени прибыл в Москву, где его ждала новая страница жизни.

Годы учебы стали для молодого горца поистине определяющими. Он жадно вслушивался в лекции знаменитых московских профессоров-правоведов, многие из которых вели не только преподавательскую деятельность, но и применяли свои знания на практике. Среди предметов, которые ему пришлось изучать, были: история римского права, догма римского права, государственное право, церковное право, история русского права, судебная медицина, полицейское право, статистика, политическая экономия, гражданское и торговое право, гражданское и торговое су-

допроизводство, энциклопедия права, история философии права, финансовое право. Наряду с лекциями Бек-Мырза участвовал в «установленных учебным планом практических занятиях» и «испытаниях по одному из новейших языков»

Четыре года учебы пролетели незаметно и в мае 1904 г. он получил свидетельство об успешном окончании учебы с 8 «зачтенными полугодиями», то есть успешно сданными сессиями. В последний день 1904 года – 31 декабря Б.-М. Крым-Шамхалов получил и сам диплом Императорского Московского университета, став, тем самым, первым представителем своего народа – выпускником главного вуза страны, первым профессиональным юристом в Карачае [4].

Окончив университет, как и большинство сокурсников, по 2-му разряду, Бек-Мырза получил чин губернского секретаря, что соответствовало армейскому подпоручику.

По распределению, в 1905 г. Бек-Мырза был направлен в столицу Российской империи – блистательный Санкт-Петербург, который был охвачен бурными событиями первой русской революции. Занимая должность вначале помощника, а затем судебного следователя, он вел успешную борьбу с преступностью, получившей особенное распространение в российской столице в эпоху революционной бури 1905–1907 гг. В 1908 г., за успехи в работе, был произведен в следующий чин – коллежского секретаря.

В 1909 г., по распоряжению начальства, Бек-Мырза был переведен на службу в г. Слупцы, где стал судебным следователем местного уездного суда [5]. Небольшой городок в Калишской губернии в Польше, которая тогда входила в состав Российской империи, стал местом жительства и службы Б.-М. Крым-Шамхалова на последующие шесть лет.

В 1910 г. в жизни Бек-Мырзы происходит ряд перемен. Он создает семью с представительницей дворянского рода Натальей Николаевной Китаевой. Тогда же он был произведен в чин титулярного советника, что соответствовало армейскому капитану. В марте 1911 г. у него рождается сын Николай [6].

К началу первой мировой войны 1914–1918 гг. Бек-Мырза занимал должность судебного следователя по особо важным делам

Калишского окружного суда. Боевые действия развернулись на территории западных регионов Российской империи, в результате чего немецкие войска оккупировали Калиш. Наряду с другими, следователь Крым-Шамхалов попал в плен и лишь чудом избежал гибели. Добравшись до Москвы, он вскоре занял должность административного судьи Московского окружного суда, произведенный в чин надворного советника (подполковника) [7].

К сожалению, последующий период жизни (с 1917 по 1921 гг.) Б.-М. Крым-Шамхалова остается для нас «белым пятном». Ему чудом удалось выжить в эпоху войн и революций, гражданской войны, «военного коммунизма» и красного террора, голода и безработицы. С января 1921 г. он занимал небольшую должность в Министерстве просвещения РСФСР [8].

В начале 1922 г. Бек-Мырза Крым-Шамхалов получает приглашение занять должность в судебных органах вновь образуемой Карачаево-Черкесской автономной области. Вскоре после создания ревкома КЧАО, 20 марта 1922 г. он был назначен *первым* председателем советского народного суда автономии [9].

В течение небольшого периода во главе судебной власти региона, Б.-М. Крым-Шамхалов провел большую работу по организации органов юстиции в области, их кадровому обеспечению и становлению структур правосудия. Вскоре его избирают представителем области в губернский суд, членом Экономического совещания при облисполкоме [10].

Однако недолго пришлось Бек-Мырзе руководить советским народным судом области – слишком яркой фигурой он был, слишком «мозолил глаза» и недоброжелатели строчили доносы во все инстанции, как на местах, так и в центре. Неслучайно, Б.-М. Крым-Шамхалов уже в конце 1922 г. был переведен на должность заместителя председателя по гражданским делам, а затем просто в члены суда [11]. К 1928 г. ретивые борцы за «классовую чистоту» добились вывода его из состава суда [12].

В создавшейся ситуации Бек-Мырза был вынужден перейти на работу юрисконсульта облисполкома Карачая. Однако ему недолго пришлось работать в облисполкоме. Осенью 1928 г. кампания по «чистке» в Карачае развернулась с новой силой. Одной

из ее первых жертв стал Б.-М. Крым-Шамхалов. В списке лиц, подлежащих увольнению из облисполкома, его имя указано в числе первых, а причина увольнения указана коротко и ясно – «как бывшего князя и помещика». Опытный юрист, не раз справлявшийся с самыми запутанными преступлениями, Бек-Мырза оказался беспомощен перед «революционной законностью». Пытаясь отстоять свое право на труд, он отправляет апелляцию в Северо-Кавказскую краевую рабоче-крестьянскую инспекцию, в ведении которой находились вопросы «чистки». Однако и там ему не удалось добиться восстановления в правах [13].

Рухнула последняя надежда Бек-Мырзы на справедливость. Он понял, что ему уже никогда не дадут спокойно трудиться на благо родного Карачая... В создавшейся ситуации он решает уехать в бывшую столицу империи, носившей теперь имя вождя мирового пролетариата.

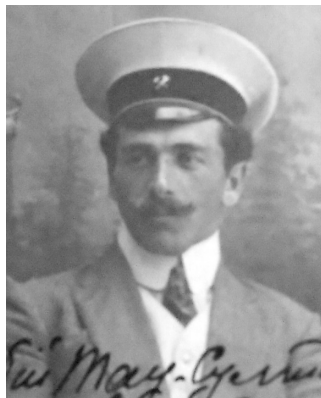
Приехав в Ленинград, Бек-Мырза обосновался в пригородном Слуцке носившем до революции имя Павловск [14]. Истосковавшийся по работе, он трудился он в Слуцке, так же, как и привык всегда – ответственно и кропотливо. Бек-Мырза становится простым советским служащим, живущим также скромно и тихо, как и все соседи рядом. Он вместе с женой воспитывает сына Бориса, пытается наладить быт.

Так, в череде событий один за другим прошли двенадцать лет... 22 июня 1941 г., вместе со всей большой страной, с тревогой Бек-Мырза слушал известие о начале войны с коварным врагом, вместе со всеми переживал неудачи советских войск, верил, надеялся на победу Красной Армии.

Ошибки и самонадеянность советского руководства и военного командования привели к тому, что уже в сентябре 1941 г. фашистские войска блокировали город на Неве. Начались 900 дней блокады, два с половиной года трагедии и героизма жителей и защитников Ленинграда. В их числе был и Бек-Мырза Крым-Шамхалов. Но ему, как и сотням тысяч ленинградцев, не довелось узнать о прорыве блокады в 1944 г. и о победном мае 1945 г. Не выдержав голода, холода и лишений, в первую же блокадную зиму в декабре 1941 г. Бек-Мырза скончался. Место его захоронения так и осталось неиз-

вестным. Скорее всего, его останки покоятся в одной из братских могил, которых много на кладбищах Санкт-Петербурга. Через полгода, в июне 1942 г., погиб и его сын Борис – 15-летний подросток, захороненный на печально известном Пискаревском кладбище [15].

К биографии следующего героя нашего очерка – *Тау-Солтана Келеметовича Шакманова* уже обращались уважаемые коллеги, в частности, к.и.н. М.И. Баразбиев. Однако, новые документы, как представляется, помогут расширить наше представление об этом, без преувеличения, выдающемся представителе народов Кавказа, в судьбе которого отразилась вся трагичность XX в.

Отец его, как отмечает М. Баразбиев, волею судьбы, переселился из родового селения Холам на плоскостные земли, обосновавшись в Кабарде.

В «Свидетельстве», выданном Народным кадием Нальчикского округа Хаджи-Канаматом Шогеновым, подтверждалось, что «у жителя селения Нальчикско-Клишбиевского Келемета Шакманова от его законной жены Баблины родился двадцать девятого октября тысяча восемьсот восемьдесят девятого года сын, коему дано имя Таусултан».

Свидетельство, выданное 18 марта 1899 г., заверили подписями члены Нальчикского горского словесного суда: председательствующий, надворный советник Василихин, судьи И. Кармов, К. Дышеков и поручик Ахлов.

О происхождении семьи Шакмановых «из горских таубиев» Горский словесный суд также дал свидетельство (вскоре после рождения Таусолтана – 16.06.1890) за подписью председательствующего – капитана Рибинского, судей – капитана Кохужева и юнкера Тохтамышева [16].

Эти документы понадобились юному горцу, когда родители решили определить его на учебу во Владикавказское реальное

училище. К этому времени он уже получил начальное образование в местной сельской школе, наверняка имел познания и в арабском языке.

Тем не менее родители, понимая, что в наступившем XX в. знания будут главным капиталом, настояли на том, чтобы мальчик продолжил учебу.

В течение пяти лет (20.08.1901–15.06.1906) он окончил полный курс по основному отделению. На окончательном «испытании» Шакманов показал себя крепким середняком. Так, оценку «отлично» он заслужил лишь по черчению, в то время как «хорошо» по арифметике, алгебре, тригонометрии, истории, географии, естественной истории (то есть естествознанию), физике. На бал ниже были оценены успехи по геометрии и рисованию, а также языкам – русскому, французскому и немецкому.

Полученное образование позволяло пользоваться при поступлении на службу в государственные учреждения правами по образованию, которые предоставлялись выпускникам средних учебных заведений. Однако горский юноша, при поддержке семьи, решил продолжить учебу.

За год учебы (20.08.1906–14.06.1907) в общем отделении дополнительного класса, он значительно улучшил свои показатели в учебе. Как видно из оценок, полученных по итогам окончательных испытаний, Т. Шакманов имел склонность больше к точным наукам. Отметка «отлично» в его свидетельстве стоит напротив таких предметов, как геометрия, физика и математическая география, «хорошо» – арифметике, алгебре, тригонометрии и естественная история. Предметы ж гуманитарного цикла (русский язык и словесность, история, рисование, законоведение, немецкий и французский языки) наверняка, не входили в число любимых, вот почему его старания по их изучению были оценены как «удовлетворительные» [17].

Как бы то ни было, окончание учебы в дополнительном классе давало ему возможность поступления в высшие специальные училища, подвергаясь только «поверочному испытанию».

Обычно выпускники реальных училищ, согласно специфике своей подготовке, поступали в технические ВУЗы, которых в

России тогда было совсем немного. В один из них – Харьковский технологический институт и поступил в 1908 г. Таусолтан Шакманов [18].

Однако, по неизвестной причине, через три года, 16 мая 1911 г., он оставил учебу и возвратился на родину. Уже через месяц он принимает решение избрать новую стезю – юридическую. В своем заявлении на имя ректора Московского университета, датированным 29 июня 1911 г., «таубий Тау-Султан Келеметович Шакманов из слободы Нальчик» писал: «Желая для продолжения образования поступить в Императорский Московский университет, имею часть покорнейше просить Ваше Превосходительство о зачислении меня в число студентов юридического факультета».

Приложив все необходимые документы, в том числе и удостоверение о сдаче необходимого экзамена по латинскому языку при Владикавказской мужской гимназии, Таусолтан стал ждать решения своего вопроса. 16 августа 1911 г. руководством университета он был зачислен в ряды студентов юридического факультета ИМУ. Началась новая страница в его жизни [19].

За четыре года обучения Т. Шакманов изучил практически все отрасли права, как российского, так и зарубежного, а также такие предметы как «политическая экономия», «статистика», «судебная медицина». Успешно сдавая каждый семестр зачеты и экзамены, он завершил обучение в мае 1915 г., о чем ему и было выдано свидетельство за подписью декана юридического факультета П. В. Гидулянова, родившегося, кстати, в Пятигорске, и учившегося в Ставропольской гимназии [20].

Годы, проведенные в Москве, стали для юноши, как и для его предшественников, временем взросления, расширения кругозора и поисками своего места в стремительно меняющемся мире.

Неслучайно, вернувшись на родину и начав службу в качестве помощника присяжного поверенного в том же 1915 г., Т. Шакманов, несмотря на молодость, вскоре стал одним из ведущих деятелей горской интеллигенции. Это позволило ему активно участвовать в общественно-политической жизни не только Нальчикского округа, но всего Северного Кавказа с момента падения монархии (весна 1917 г.). Являясь одним из наиболее ярких горских лиде-

ров, он делал все возможное, чтобы сохранить население Кабарды и Балкарии от вовлечения в братоубийственную гражданскую войну. Авторитет, которым пользовался Таусолтан Шакманов у земляков, не раз способствовал занятию им высших должностей в Кабарде и Балкарии – председатель Кабардинского Национального Совета, председатель Нальчикского окружного народного Совета и т. д. [21].

Активную гражданскую позицию занимал и после эмиграции, проживая в Турции, а затем в странах Западной Европы. Он принимает участие в работе общественных организаций кавказской диаспоры, отстаивает интересы горцев в борьбе мировых держав [22].

Именно Т. Шакмановым 19 сентября 1935 г. был подписан «Протест угнетаемых Россией народов» – обращение от имени Северо-Кавказского национального центра на имя председателя XVI Ассамблеи Лиги Наций Э. Бенеша. В отличие от части эмиграции, Шакманов и его земляк, еще один из лидеров горской диаспоры М.-Г. Суююнчев, даже в борьбе с Советской властью воздерживались от сотрудничества с фашистами. [23].

В послевоенный период Т. Шакманов проживал во Франции, по-прежнему занимался общественной деятельностью. Здесь он и скончался в первой половине 1950-х гг. и был похоронен на мусульманском кладбище в одном из предместий Парижа [24].

Отметим, что на родине, вплоть до начала 1990-х гг. имя Таусолтана Шакманов упоминалось лишь с эпитетами «контрреволюционер», «антисоветчик» и т. д.

Узами родства был связан с ним и следующий герой нашей статьи – *Умар Бимболатович Кубатиев* – один из наиболее ярких деятелей революции и гражданской войны на Северном Кавказе, внесший большой вклад в становление Советской власти.

Родился Умар Кубатиев, как явствует из его документов, обнаруженных нами, 10 (22) января 1883 г. в семье дигорского бадеята Бимболата Хадакчикоевича и его супруги – дочери балкарского таубия Таубийче Каншауовны Шакмановой [25].

Старший сын в большой семье (у него было пять братьев и две сестры), принадлежавшей к аристократии Северного Кавказа, Умар с детства впитывал лучшие традиции и обычаи горских на-

родов [26]. Он отличался смелостью и инициативностью, верностью слову и храбростью.

Получив начальное образование в родном селении, в августе 1893 г. он поступил на учебу во Владикавказское реальное училище, являвшееся одним из центров получения среднего образования для горцев Терской области.

Успешно пройдя обучение в течение семи лет, он «при отличном поведении» 4 июня 1900 г. окончил «полный курс по основному отделению». По итогам выпускных экзаменов, юный горец получил итоговые оценки. Судя по ним, он «оказал следующие успехи»: в Законе Божьем – «отличные», в арифметике, алгебре, географии, рисовании, черчении – «хорошие». По остальным предметам (русский язык, французский и немецкий язык, геометрия, тригонометрия, история, естественная история, физика) его успехи оказались скромнее и были оценены как «удовлетворительные».

Однако, как уже отмечалось, в условиях, когда многие учащиеся, в связи с неуспеваемостью, были вынуждены оставлять учебу, подобные результаты вряд ли можно считать плохим результатом.

Желая продолжить учебу, Умар поступает на общее отделение дополнительного класса училища, где обучается с 20 августа 1901 г. по 15 июня 1902 г. За год учебы ему удалось значительно подтянуть свои знания, о чем свидетельствовали его итоговые оценки. При «отличном поведении» он вновь показал «отличные успехи» по Закону Божьему, «хорошие» – по русскому языку и словесности, немецкому языку, геометрии, тригонометрии, физике, математической и физической географии, рисовании, проекционном черчении. На балл ниже были оценены его успеваемость в алгебре, арифметике, истории, естественной истории, приложения алгебры к геометрии.

В свидетельстве, выданном У. Кубатиеву 19 июня 1902 г., отмечалось, что он, «на основании статьи 90-й Устава реальных училищ, может поступить в высшие специальные училища, подвергаясь только поверочному испытанию (*аналогу современного собеседования* – Ш. Б.)» [27].

С детства стремившийся к знаниям, Умар принимает решение поступить в высшее учебное заведение. В одном из документов

он писал: «По окончании курса во Владикавказском реальном училище я поступил в Томский технологический институт, окончить который, однако, мне не удалось, вследствие постоянной материальной нужды...»[28].

Естественно, что не только нужда заставила горца покинуть учебу в институте, открытом незадолго до этого, в 1900 г. при непосредственном содействии таких корифеев науки как Д. Менделеев [29].

Проживая в далеком сибирском городе, за несколько тысяч километров от гор Кавказа, он, несомненно, чувствовал сильную тоску по родным и близким.

Вернувшись на родину, в последующие несколько лет Умар Кубатиев активно занимается общественно-политической деятельностью. Происходивший из знатной и состоятельной семьи, он, тем не менее, не был чужд интересам горского крестьянства. Как многие современники, он воспринял идеи революционеров о справедливом социальном обустройстве, братстве и равенстве всех народов России. По некоторым данным, именно его антиправительственные настроения стали причиной высылки из Владикавказа в Баку [30].

Оказавшись в одном из центров культурной жизни юга России, Умар активно занялся журналистикой. В те годы его статьи по самым различным аспектам жизни народов Кавказа публикуются в региональных и центральных изданиях [31].

В 1912 г. У. Кубатиев переезжает в Москву и вскоре решает завершить высшее образование. Человек умный и дальновидный, он прекрасно понимал, что в сложившейся ситуации землякам необходимы его знания и навыки в отстаивании их интересов. Вот почему он принимает решение получать юридическое образование, причем в старейшем российском вузе – Императорском Московском университете.

28 августа 1912 г. У. Кубатиев, проживавший в то время в Москве по адресу: Мясницкий проезд, д. 1, кв. 26., обратился с прошением к ректору ИМУ, которым тогда был выдающийся историк, академик М. К. Любавский. Поведав о перипетиях с получением высшего образования, Умар писал: «Только теперь, через много

лет, я, наконец, имею возможность уделить некоторый труд изучению наук, и я убедительно прошу Вас не лишить меня этой возможности и принять сторонним слушателем на юридический факультет вверенного Вам университета». Сообщая о прилагаемых документах, необходимых для поступления, Кубатиев подчеркивал, что свидетельство о политической благонадежности, требуемое тогдашними правилами, он запросил из канцелярии Московского градоначальника, но оно «не могло быть мне выдано вследствие происходящих ныне юбилейных празднеств (*имеется в виду 100-летие победы в Бородинском сражении, которое широко отмечалось в те дни – Ш. Б.*)».

Оплатив необходимый взнос за обучение в размере 25 рублей, 18 сентября 1912 г. У. Кубатиев получил положительную резолюцию ректора ИМУ и зачислен на юридический факультет [32].

В последующие два года он усердно посещал лекции ведущих правоведов России, успешно сдавал зачеты и экзамены. Однако вскоре после начала первой мировой войны, осенью 1914 г. Умар был призван на воинскую службу, вследствие чего, как он писал, «не мог записаться своевременно на лекции». Пропустив год, в сентябре 1915 г. У. Кубатиев обратился к ректору с заявлением, в котором, объясняя свою ситуацию, писал: «Ныне ввиду выяснившегося положения меня, как осетина, призываемого лишь в ряды Осетинского дивизиона, от военной службы освободили, впредь до призыва в указанный дивизион, почему я получил возможность вновь продолжить учение. Вследствие сказанного, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о допущении меня к слушанию лекций в текущем полугодии 1915–1916 учебного года на юридический факультет, как и прежде, сторонним слушателем. Деньги в сумме 25 р. в пользу Университета одновременно высылаю переводом. Свидетельство и аттестат об окончании мною реального училища во Владикавказе при сем прилагаю. Карточки и входной билет мой находятся при делах Университета» [33].

Умар Кубатиев заканчивал обучение в университете, когда Российское государство оказалось на перепутье после Февральской революции.

Став на сторону революции, он после октября 1917 г. поддер-

жал большевиков, участвовал в работе органов Советской власти в Москве. С 1918 г. он работал заведующим подотделом организации, агитации и пропаганды отдела горцев Кавказа при Наркомнаце РСФСР, который возглавлял известный религиозный и общественно-политический деятель, просветитель Умар Алиев (1895-1938), уроженец Карачая.

В составе Чрезвычайной коллегии ВЦИК по делам Северного Кавказа и Дагестана (У. Алиев – председатель, член У. Буйнакский) У. Кубатиев в начале ноября 1918 г. выехал на родину. С конца ноября 1918 г. он вел большую работу по организации сопротивления белому движению, участвовал в различных съездах и конференциях [34].

Однако уже в начале 1919 г. Осетия оказалась под властью белых, и У. Кубатиев был вынужден покинуть родину и скрываться в Грузии. Но вскоре он был арестован и в марте 1919 г. скончался в местной тюрьме [35].

Так трагически закончилась жизнь человека, отдававшего все силы ради процветания своего народа.

Подводя итог вышеизложенному, следует признать, что представители горской аристократии, получившие юридическое образование, наряду с профессиональной деятельностью, принимали активное участие в общественно-политической жизни родного края. Несмотря на различные политические взгляды, они прилагали все усилия для сохранения и развития своего народа. Однако, несмотря на это, судьба их закончилась трагически, на чужбине, а их заслуги, по большей части, были забыты.

Изменилась наша страна, изменилось наше отношение к ней, к страницам ее прошлого. Мы по-новому осмысливаем многие из них, оцениваем роль различных деятелей в истории. Процесс этот идет как на общероссийском, так и на нашем – местном уровне. И в этой связи возвращение из забвения имен наших земляков, на долгие годы вычеркнутых из истории нашего края по политическим мотивам, является делом необходимым и благородным. Как представляется, уже давно наступил тот момент, когда имена упомянутых в данной статье горских лидеров должны быть увековечены на родине. И будем надеяться, что это вскоре случится.

Использованные источники и литература

1. *Барзбиев М. И., Батчаев Ш. М.* Карачаевцы и балкарцы – офицеры российской армии. Рукопись.
2. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 314. Д. 434. Л. 4.
3. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 314. Д. 434. Л. 2–3.
4. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 314. Д. 434. Л. 15, 18.
5. Список по чинам ведомства Министерства юстиции 1910 г. (исправленный по 1 января). СПб, 1910. С. 793.
6. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 544. Д. 6780. Л. 1–2.
7. Адрес-Календарь. Вся Россия (на 1915 г.). СПб. 1916. Стлб. 1102.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 49. Д. 1009. Л. 1–2.
9. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики (ГА КЧР). Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 6. Л. 1об.
10. Центр документации новейшей истории Государственного архива Карачаево-Черкесской Республики (ЦДНИ ГА КЧР). Ф. П-45. Оп. 1. Д. 1. Л. 207.
11. ГА КЧР. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 17. Л. 64.
12. ЦДНИ ГА КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 18. Л. 59–60.
13. ГА КЧР. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 9. Л. 8, 32.
14. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 314. Д. 434. Л. 20.
15. Книга Памяти «Блокада». [Электронный ресурс]. URL: <http://visz.nlr.ru/blockade/90> (дата обращения – 18.05.2018).
16. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 317. Д. 534. Л. 9.
17. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 317. Д. 534. Л. 5–8.
18. Список выпускников Харьковского технологического института [Электронный ресурс]. URL: http://library.kpi.kharkov.ua/uk/alphabet_SH (дата обращения – 21.05.2018).
19. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 317. Д. 534. Л. 1.
20. Профессор Павел Васильевич Гидулянов [Электронный ресурс]. URL // https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Gidulyanov/ (дата обращения – 17.05.2018).

21. *Барзбиев М. И.* Генеалогия Таусолтана Шакманова // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Вып.2. Владикавказ, 2010. С.46–51.

22. *Биттирова Т. Ш.* Кавказская эмиграция и карачаево-балкарская публицистика // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН, №3 (71), 2016. С. 168–175.

23. *Барзбиев М. И.* Генеалогия Таусолтана Шакманова // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Вып.2. Владикавказ, 2010, 46–51 с.

24. Сообщение М. М. Вачагаева/Личный архив Ш. М. Батчаева.

25. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 323. Д. 209. Л. 3.

26. *Марзоев И. Т.* К повести А. Кубатиева «Во имя Бога. Из нашей семейной хроники». // «Настанет год, России черный год...»: /Материалы XIII Международных Дворянских чтений. Краснодар, 2017. С. 228–244. С. 229–230.

27. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 323. Д. 209. Л. 4.

28. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 323. Д. 209. Л. 5.

29. История Томского политехнического университета [Электронный ресурс]. URL: <https://tpu.ru/university/meet-tpu/history> (дата обращения – 17.05.2018)

30. *Марзоев И. Т.* К повести А. Кубатиева «Во имя Бога. Из нашей семейной хроники». // «Настанет год, России черный год...»: /Материалы XIII Международных Дворянских чтений. Краснодар, 2017. С. 228–244. С. 230.

31. *Кубатиев У. Б.* Из литературного наследия/Умар Кубатиев. Владикавказ: Алания, 2004–263 с.

32. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 323. Д. 209. Л. 1.

33. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 323. Д. 209. Л. 14.

34. *Алиев У. Д.* Карачай (историко-этнографический очерк). Черкесск, 1991. С. 154.

35. *Марзоев И. Т.* К повести А. Кубатиева «Во имя Бога. Из нашей семейной хроники» // «Настанет год, России черный год...»: /Материалы XIII Международных Дворянских чтений. – Краснодар, 2017. С. 228–244. С. 231.

А. С. Дзагалов
(г. Санкт-Петербург, Россия)

НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ ИЗ ЖИЗНИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОЛХОЗА «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА» ТЕРСКОГО РАЙОНА КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ АЗАМАТГЕРИ ПАНАГОВА

29 августа 1943 года в селение Верхний Курп (Инаркъуей), расположенное на самой границе Малой Кабарды с Ингушетией и Осетией, пришло письмо с фронта:

«Здравствуйте дорогие братишки Азमतгери и Абулес! Прими-те от меня боевой привет с пожеланиями отличного здоро-вья в жизни и наилучших успехов в вашей повседневной учебе. За меня не беспокойтесь, я скоро приду, как только закончим войну, и привезу Вам обещанный револь [вер]. Но я хочу обратить ваше внимание на то, чтобы вы занимались успешно, учились только на «отлично» по всем предметам, чтобы вы были передовиками во всей школе. Не ограничивайтесь домашними заданиями, ко-торые даёт учитель. Занимайтесь самостоятельно, читайте художественную литературу, разучивайте наизусть песни, сти-хи... Через несколько лет это вам пригодится. Я думаю, что вы все понимаете. Вся моя надежда на вас! С братским приветом, Хадис [Панагов]» [1, 467].

Хадис Панагов с войны не вернулся. Он убит на Украине в рай-оне с. Зозово Липовецкого района, в ходе боя с прорвавшимися немецкими танками и самоходными орудиями, которые 30 января 1944 г. прямой наводкой обстреливали командный пункт дивизии.

Братья выполнили наказ (уэсят) и оправдали надежды Хадиса Панагова. В 1961 году председателем правления сельхозартели «Красная звезда» Верхний Курп Терского района Кабардино-Балкарской АССР избран 30-летний главный агроном хозяйства Азматгери Жерович Панагов. К этому времени колхоз представлял собой многоотраслевое хозяйство, которое хоть и не могло похвастаться высокими достижениями республиканского масштаба, но уже с каждым годом поднималось на ноги. Посевные площади находились в зоне богарного земледелия и урожай сельскохозяйственных культур зависел, в основном, от количества влаги, получаемой почвой снежной зимой и весенними дождями. В предгорных участках к недостатку атмосферных осадков и суховеям присоединялись сложности рельефа и подверженность почвы эрозиям. И все же земледельцы Верхнего Курпа даже в таких условиях научились добиваться внушительных успехов в выращивании и сборе высококачественной сельскохозяйственной продукции.

И основная заслуга в этом принадлежала новому председателю правления сельхозартели Азматгери Панагову. Именно с началом его работы дела в хозяйстве пошли быстро в гору, и за несколько лет колхоз стал одним из лучших в республике, не раз завоевывал переходящее Красное знамя РСФСР и в числе первых в Кабардино-Балкарии получил в 1968 году звание колхоза высокой культуры земледелия.

Уже с самого начала деятельности, новый председатель выбрал правильное направление и определил основные участки работы в хозяйстве, что позволило поднять основные отрасли сельскохозяйственного производства. Много размышлял Азматгери, когда принял колхоз, за что взяться, чтобы вытянуть колхоз из убытков и ежегодной долговой ямы, сделать его работу рентабельной и улучшить благосостояние работников. Размышлял не один, советовался с опытными, старейшими колхозниками и проявившей себя в последнее время колхозной молодежью. На общем собрании было решено, что уверенному подъему хозяйства будет способствовать значительное увеличение производства зерна.

Еще в 1959 г. агроном Панагов опубликовал в районной газете «Победа» содержательную статью о механизмах уменьшения

себестоимости на единицу сельскохозяйственных продуктов. Он предложил создать три механизированных звена и закрепить за ними по 100 га, где предполагалось проводить все виды работ «без ручного вмешательства» – от посева до уборки, что дало бы возможность существенно снизить затраты на продукцию [2, 3].

Твердо, настойчиво, без метания из стороны в сторону, повел колхоз и колхозников по избранному пути Азमतгери Панагов – спокойный, немногословный, уравновешенный человек, грамотный, амбициозный специалист сельского хозяйства, молодой агроном и убежденный коммунист, живущий по принципу: «Больше дела, меньше слов!».

Шли двумя путями: расширили посевы зерновых за счет сокращения некоторых низкоурожайных культур, затем резко улучшили агротехнику и увеличили механизацию труда. Выращивались здесь в основном засухоустойчивые зерновые, кормовые и бахчевые культуры. Подняли зерновое хозяйство – укрепили кормовую базу, что одновременно привело к развитию одного из важнейших отраслей сельского хозяйства – животноводства. Помог и хозрасчет, который был внедрен в колхозе повсеместно: звеньях, бригадах и фермах.

Как отмечал на отчетном собрании Азमतгери Панагов в декабре 1964 г., работники хозяйства сумели перевыполнить план по продаже государству продуктов животноводства. Колхоз продал за год 702 центнера мяса, 4350 центнеров молока, 55,7 центнера шерсти. В числе наиболее отличившихся колхозников, председателем названы дояры Анатолий Дышеков и Шухов Султан, доярки Шомахова Хаджет и Хатуева Зера.

Большая заслуга в успехах колхоза в 1964 г., как сообщал Панагов, принадлежала бригадиру молодняка крупного рогатого скота Шомахову Хамурзе, который не только пригнал скот из летних пастбищ с высоким привесом, но и сумел организовать работу на ферме по завершению строительства скотобазы на 400 голов. Хорошо отработали и чабаны колхоза Андурхаб Шериев, Мухаметгери Дуков, Муазир Пшиншев, обеспечившие хороший уход за отарами овец и не допустившие их падежа. Колхоз был полностью обеспечен необходимыми кормами и помещениями для скота и птицы. Готовились к сдаче в эксплуатацию доильная

установка «елочка» и новый коровник на 200 голов. Не обошел председатель колхоза вниманием и недостатки: все еще низкую продуктивность животных, отсутствие механизации трудоемких процессов и высокую себестоимость продукции [3, 3].

Предметом многодневных дум, экспериментов и подсчетов Азматгери Панагова и его экономистов, явилась оплата труда – этого мощного рычага трудовой дисциплины и заинтересованности колхозников в результатах своего труда, стимула производительности и увеличения производства продукции. Общими усилиями была внедрена гарантированная ежемесячная аккордно-премиальная оплата труда, при котором каждый получал деньги в зависимости от того, сколько сделал и, главное, как сделал.

В 1964 г. группа жителей Верхнего Курпа, руководящих работников и механизаторов обоих его колхозов «Красная звезда» и «40 лет Октября» по итогам прошлого года были награждены премией и медалями. Золотой медали ВДНХ и премии в размере 200 рублей удостоены председатель колхоза «Красная звезда» Азматгери Жерович Панагов и звеньевой механизированного звена Япун Таибович Шериев [4, 1].

В 1969 году на собрании в кабинете председателя правления колхозный главный бухгалтер Хаджимурат Тумов, удовлетворенно улыбаясь, сообщил активу колхоза, что сельхозартель «Красная звезда» впервые получила миллион рублей чистого дохода. Это означало, что на счетах колхоза в Банке находится такое количество финансовых средств, которого вполне достаточно для премирования наиболее отличившихся работников, ремонта, подготовки тракторов и комбайнов, закупки новой, необходимой техники к новому сельскохозяйственному году, а также проведения всех видов полевых, аграрных работ, не обращаясь, при этом, к госкредитам.

В декабре 1970 г. в Курпе прошли отчетно-выборные собрания. Выступая на собрании, председатель колхоза «Красная звезда» Азматгери Панагов снова говорил не о собственном вкладе в успехи хозяйства, а о людях: «Все что нами достигнуто, является следствием неутомимого труда передовиков производства, имена которых стали для нас гордостью. Побывайте на молочной ферме, и вы услышите, с какой любовью люди произносят имя Хаджет

Шомаховой, человека, посвятившего всю свою жизнь молочному производству. Животноводам приходится испытывать много трудностей. Об этом хорошо знает Леля Шханоков. Десятки лет он пасет молодняк крупного рогатого скота и приносит немалую пользу своему колхозу». В числе особо отличившихся тружеников колхоза председатель назвал также птичницу Тамару Умарову; чабанов Шаралуко и Хасанби Гетажаевых, Хачима Панагова, Асланбека Хаткутова; механизаторов Николая Орсая, Шалима Шомахова, Уали Шериева, Хаджимурата Альбердиева, чьи портреты постоянно висели на Доске Почета [5, 3].

Доход колхоза «Красная Звезда» (Инаркъуей) в 1973 г. составил 1 миллион 485 тысяч рублей, а чистая прибыль 570 тысяч рублей. От растениеводства получено 925 тысяч рублей, животноводства – 569 тысяч рублей. И это тогда, когда в стране цены были стабильными, бензин стоил 95 копеек за 10 литров, хлеб, батон – 18 копеек, мясо 1 кг говядины – 2 рубля, вкусный обед в рабочей столовой – 45 копеек.

В селении жило и трудилось 480 колхозников, еще 239 ветеранов труда, пенсионеров оказывали посильную помощь хозяйству. Коммунистов и комсомольцев в колхозе было 178 человек, из них высшее образование имели 87 специалистов.

Обеспечивая ежегодно непрерывный прирост поголовья общественного стада, на 1 января 1974 г. в хозяйстве содержалось 1650 голов крупного рогатого скота, в том числе 400 дойных коров, 3000 овец и 31700 – птицы.

В течение 1973 г. ежемесячная зарплата механизатора занятого в полеводстве составляла 129 рублей, работников животноводства – 125 руб., не считая премий, прогрессивок и других форм оплаты труда [6, 3].

Азматгери Панагов не боялся выдвигать на руководящие должности людей, которые начинали работу рядовыми колхозниками и, несмотря на отсутствие высшего образования, сумели в ходе своей деятельности проявить себя дисциплинированными, знающими, болеющими за общее дело специалистами. В начале 1970-х годов председатель колхоза вызвал к себе телятницу хозяйства Лиму Альбердиеву и сказал:

– Вот что Лима, ферма у нас осталась без птичницы, надо бы тебе перейти туда. Как ты смотришь на это?

– Что же тут смотреть? – спросила она и согласно кивнула головой.

С тех пор Лима Альбердиева начала работать птичницей, а с 1974 г. возглавила коллектив колхозной птицефермы.

*Азматгери Панагов
в 1969 г.*

Азматгери Панагов, на вопрос о том, чем руководствовалось правление, назначая не специалиста с высшим образованием, а рядовую колхозницу заведующей фермой, коротко ответил: «Мы видели, что к любому делу она прикипает всем сердцем, полностью отдается ему. Это главное в человеке, а все остальное приложится» [7, 3].

К 1975 году колхоз «Красная звезда» являлся крупным многоотраслевым хозяйством, одним из лучших в республике, который постоянно, начиная с 1958 г. участвовал в выставке достижений народного хозяйства ВДНХ в Москве. Орденами и медалями Советского союза за свой доблестный труд было награждено более 100 колхозников. В селе имелись Дом культуры, школа, библиотека, несколько магазинов, медицинский пункт, филиал комбината бытового обслуживания, то, что в селе всегда называли «Артель» (между двумя селениями, возле кафе), где колхозникам можно было по индивидуальному заказу пошить себе брюки или платье. Дорога в селении была уже асфальтирована. В домах колхозников стояли телевизоры и радиолы, а многие из них владели и личной автомашиной. Количество людей в селе с высшим и средним образованием исчислялось сотнями. Дети колхозников по окончании школы, наряду с аттестатом о среднем образовании, получали удостоверение тракториста-машиниста широкого профиля. Колхоз «Красная звезда» владел 5700 гектарами земли, из которых около 3800 – пашня. Для ее обработки в колхозе имелось около 40 тракторов, более 20 различных комбай-

нов, около 30 автомобилей и много другой техники. В прошлом году колхоз от реализации продуктов животноводства получил 580 тысяч рублей. Несмотря на суховей и град, которые обрушились на поля, колхозное производство дало в местную казну около четверти миллиона чистой прибыли. Поднялось и материальное благосостояние колхозников. Среднемесячная зарплата скотников составила 143 рубля, телятников – 145, доярок – 129, трактористов – 125, чабанов и птичников – 97 [8, 5].

В мае 1980 года пионерская организация Верхне-Курпской СШ №1 один из своих сборов посвятила встрече с Героем Социалистического труда, председателем колхоза «Красная Звезда» Азमतгери Панаговым. После торжественного открытия сбора, выступил директор школы Михаил Николаевич Кокаев, который подробно рассказал учащимся о трудовой деятельности Панагова. Затем пионеры поведали уважаемому гостю о проведенных ими мероприятиях в течение всего учебного года, о том, как они представляли Терский район на республиканском слете следопытов-краеведов в Прохладном, где заняли второе место и были награждены экскурсией по лермонтовским местам в г. Пятигорске.

После этого, школьники зачитали выписку из протокола дружины о принятии Азमतгери Панагова в почетные пионеры и под дружные аплодисменты повязали ему красный галстук [9, 3].

В 1983 г. хозяйства Верхнего Курпа «Красная Звезда» (Инаркьюей) и «40 лет Октября» (Ислъамей) объединились в один колхоз имени В. И. Ленина, который возглавил Герой Социалистического труда Азमतгери Панагов. Здесь была создана новая ферма с необычным для наших мест племенным скотом чернопёстрой породы, на полном хозяйственном расчете и коллективном подряде. Руководство фермой доверили известной доярке Лиде Карашевой.

В колхозе имени Ленина, с зернового поля хозяйства, по данным статистического управления, на 28 июля 1986 г. получили по 40,2 центнера с гектара. Такого урожая на богарных, неорошаемых курпских землях еще не бывало [10, 1]. Наиболее отличившихся тружеников села торжественно отметили Почетными грамотами и денежными премиями. Вручал их лично председатель колхоза Азमतгери Панагов.

Таким был знаменитый председатель колхоза села Инаркьюей: скромный, немногословный, трудолюбивый человек, новатор колхозного производства, орденоносец и Герой труда, который отмечал и выдвигал передовиков производства на селе, но и требовал с них больше, чем с остальных колхозников.

Я знаю, в селе раньше говорили, что председатель колхоза был строгим и достаточно нелюдимым, даже малообщительным и угрюмым человеком. Возможно, это и соответствовало истине. Спорить не буду. Азматгери Жерович прожил нелегкую, полную драматизма жизнь. Он стал свидетелем оккупации села немцами и жесточайших боев за Курпские высоты, пережил гибель на войне старшего брата, да и после войны видел немало горя, в том числе и в собственной семье – трагическую смерть жены и старшего сына – Казбека Панагова, великолепного спортсмена, мастера спорта СССР.

Жизнь сводила меня с семьей Панаговых всего два раза. И обе встречи оставили у меня положительные впечатления и хорошие воспоминания, и я считаю, что они повлияли на мое мировоззрение и во многом помогли сформироваться мне, как личности и гражданину.

С Азматгери Жеровичем я встречался только один раз. В 1987 году, после двухлетней работы в Прохладном, я попытался поступить в институт, а так как знаний для этого, после службы в армии, оказалось маловато, что вскоре подтвердили мои неудачные экзаменационные испытания в Ставрополе, решил вернуться в село к родителям и поработать год в нашем колхозе. Это давало мне возможность претендовать на получение от колхоза «направления» для поступления на подготовительные курсы, что в свою очередь, в случае успешной сдачи экзаменов по предметам, пройденным в течение учебного подготовительного года, позволяло поступить автоматически на 1-й курс института.

Отец завел меня в кабинет Азматгери Жеровича и объяснил сложившуюся ситуацию, и после недолгого, но содержательного разговора, меня направили в отдел кадров и приняли на работу в колхоз. Через год работы в колхозной строительной бригаде, мне действительно выдали документ для поступления на подготови-

тельный курс, чем я, впрочем, по разным причинам не воспользовался, но, тем не менее, помню этот случай до сих пор. А время, проведенное в родном селении, благодаря тому, что председатель колхоза взял меня на работу, помогло мне в будущем очень сильно. Я после долгого, почти семилетнего перерыва, прожил в Верхнем Курпе, в нашем доме замечательные полтора года вместе с родителями и сестрами. Ежедневно общался с двоюродными братьями, друзьями детства, играл в футбол на первенство Терского района ДСО «Урожай», познакомился в стройбригаде с замечательными, простыми, честными людьми, истинными тружениками Доти Шериевым, Аубекиром Киловым и другими, многое переосмыслил в своей жизни, сумел освободиться от массы лишнего, ненужного, наносного, что мешало мне двигаться вперед. В Прохладный, я вернулся уже совсем другим человеком, – знал, что буду теперь делать в городе, знал, как делать и главное, понимал жизнь и видел ориентиры.¹

¹ Куда больше мне запомнилось общение с сыном председателя колхоза – Казбеком Панаговым. Узнал я о нем в 1978 г., когда мне с другом детства и соседом Вавой Хамбазаровым посчастливилось записаться в секцию самбо, которую он открыл в нашем селе. Тренировались мы в зале Дома культуры с. Инаркбуйе. Казбек Азमतгериевич был удивительно добрый, душевный, чуткий человек и незаурядный спортсмен, – крепко сложенный и необычайно ловкий. Мы, сельские пацанята любовались им, открыв рот и затаив дыхание, восхищенно смотрели, как он мастерски крутил в зале немислимые кульбиты и сальто, чисто выполнял приемы самбо, и в то же время, сами тренировались самозабвенно, мечтая стать таким же отличным самбистом, как наш тренер. У нас уже были свои «звезды татами», которых тренер ставил всем в пример (Тауби – фамилию не помню), Аслан Тумов и другие.

Нам очень импонировало, что тренер до и после занятий общался с ребятами практически на равных, разговаривал с нами, и что немаловажно, не только слушал, но и слышал нас. После окончания 8 класса, я поступил в Нальчическое медицинское училище. Он знал, что я собираюсь уезжать и советовал мне не бросать занятия самбо и пообещал, что поговорит со своими нальчикскими друзьями, чтобы меня приняли в спортивную секцию. Позже я узнал о трагической гибели Казбека, и помню, был очень удручен и подавлен, когда Вава мне сообщил о неожиданном горестном событии. Несмотря на свой, в общем-то, малый возраст я уже тогда осознал, что преждевременная смерть Казбека Панагова – это огромное горе не только для его семьи, которая потеряла близкого и родного человека, но и для всего селения, лишившегося достойного кабардинца, настоящего «адыгэл», желавшего и могущего принести большую пользу нашему народу обучением адыгских детей приемам самообороны без оружия.

Азматгери Жерович Панагов – это ярчайшая личность, один из символов Терского района и всей республики, который 35 лет руководил колхозом, вывел его из середняков и сделал передовым хозяйством-миллионером. Он был предан своему делу, любил землю, верно служил взрастившей и воспитавшей его партии и нашему народу. Это была глыба – оплот советского государства, которое отметило его трудовые достижения орденом Ленина, орденом Октябрьской революции и удостоило высшей степени отличия – звания Героя Социалистического труда с вручением золотой медали «Серп и молот».

Не скоро еще такой человек, как Азматгери Панагов родится в нашем селе.

Использованные источники и литература

1. *Дзагалов А. С.* Из исторического прошлого мало-кабардинского селения Исламово. Санкт-Петербург, 2017. – 545 с.
2. *Панагов А.* Досрочно выполним взятые обязательства // Победа, 1959, 27 марта.
3. *Панагов Азматгери.* Показатели хорошие, но не удовлетворяют нас // Терек, 1964, 13 декабря.
4. Награды – достойным // Терек, 1964, 7 февраля.
5. *Хамбазаров Р.* Ими гордятся колхозники // Терек, 1970, 22 октября.
6. Трудовая поступь хозяйства // Кабардино-Балкарская правда, 1974, 20 марта.
7. *Терский В.* Хозяйка птичьего двора // Кабардино-Балкарская правда, 1981, 10 августа.
8. *Рязанов В.* Вчера, сегодня, завтра // Терек, 1975, 10 апреля.
9. *Гонибова Т.* Один день пионерии Верхнего Курпа // Терек, 1980, 17 мая.
10. *Кумыков Р.* Щедрый гектар // Терек, 1986, 31 июля.

З. В. Канукова
(г. Владикавказ, Россия)

ЭЛЬДАР КАНУКОВ – ПОТОМОК ОСЕТИНСКОЙ ТАГАУРСКОЙ ЗНАТИ

Судьба Эльдара Канукова типична для представителей привилегированных сословий Осетии. Он происходил из тагаурской знати, основательно исследованной в трудах И. Т. Марзоева [1–7]. Его предки жили в Верхнем Кобане. Дед Алибек построил двухэтажный дом недалеко от башни Кануковых. Брат Алибека Мамсыр был военным, о нем не сохранилось достоверных сведений. У Алибека было три сына – Иналук, Ибрагим и Азиз.

Иналук Кануков известен как исследователь истории движения Шамиля, создатель музеев в Ростове, в Грозном, во Владикавказе. Иналук Кануков – выпускник юридического факультета Петроградского университета, известен как любитель осетинской старины и знаток архивных материалов по истории Осетии. В отчете о деятельности Осетинского историко-филологического общества за 1919–1920 годы упоминается: «В числе богатого собрания рукописей имеются неизданные рукописи Нартовских сказаний И. Канукова, рукописи К. Хетагурова и мн. другое» [8]. Выступал Иналук Кануков и с докладами. Например, согласно протоколу 1920 года от 6 марта № 11, был заслушан его доклад «Чем вызвано переселение осетин в Турцию в 60 г. XIX в. (по архивным материалам)» [9]. Иналук Алибекович внес большой вклад в дело становления архивной службы, был представителем археографической комиссии Отдела народного образования, за-

нимался разбором архивов бывших войсковых штабов Терского казачьего войска [10]. Он также являлся действительным членом Северо-Кавказского Краевого Общества Археологии, Истории и Этнографии, его имя значится в списках 1926–1927 гг. [11]. Будучи в Петербурге, Иналук вместе с Ахметом Цаликовым и другими представителями Северного Кавказа, выступил в числе организаторов Петроградского комитета горцев Сев. Кавказа, который позже превратился в Комитет мусульман-кавказцев в Петербурге, объединивший не только мусульман Сев. Кавказа, но и Закавказья [12]. В 1937 году его арестовали, и со слов очевидцев, пытали и заставляли признаться в шпионаже в пользу Турции.

Брат его Ибрагим получил военное образование в Петербурге, значился в списке всадников 4-й сотни Кабардинского конного полка [13,37–38]. Был награжден Георгиевским крестом, о чем свидетельствует Список всадников Кабардинского конного полка, награжденных Георгиевскими крестами, согласно приказу по 2-му кавалерийскому корпусу №21 от 23 февраля 1915 году, в котором отмечено: всадник Кануков Ибрагим – 4 ст. № 159458 [14,167–168; 15,16]. Как офицер-белогвардеец, был объявлен врагом народа, вынужден был скрываться от преследований. Такая же участь постигла и брата Абдул-Азиза. И Азиз, и Ибрагим числятся в списках Вооруженных сил Юга России, первый – корнетом, второй – поручиком, оба были взяты в плен и с начала 1922 года поставлены на особый учет в Горском ОВК.

В середине 1920-х годов, когда гонения несколько ослабли, Ибрагим стал работать. Сохранился документ, датированный 1926 годом, в котором он обозначен как «активный участник профсоюзного движения». Однако новая волна преследований вынудила его уйти в качестве проводника вместе с Ростовской геологической разведкой в горы, где он умер в 1933 году. Азиз получил образование в Санкт-Петербурге, работал в сельском хозяйстве, был расстрелян в 1937 году.

Все три сына Алибека Канукова отказались мигрировать в Турцию, они приняли революцию, но это не помогло им спасти свои жизни. Их семьи вынуждены были скитаться по чужим углам, их выселяли даже из подвалов, а детей исключали из школ.

Как сын «врага народа» был исключен из школы и сын Ибрагима Эльдар. Родился он в 1913 году от второй жены Ибрагима Кантемировой (его первая жена Туганова рано ушла из жизни). Мать Ибрагима тоже умерла рано, когда ему было три года. С 10-летнего возраста его воспитывала третья жена Ибрагима Даухан Мамсурова – молодая вдова известного землевладельца Дударова. Эльдар жаждал знаний, но все пути к ним были для него закрыты. На помощь парню пришла его родная тетя, сестра матери Кантемирова Сасатка. Она была замужем за Абисаловым, жили они в Баку и решили забрать племянника к себе.

В Азербайджане началась его трудовая карьера. Учебу в школе он совмещал с работой на строительстве Куба-ГЭС. Затем поступил в Азербайджанский индустриальный институт. В 1939 году окончил архитектурный факультет и стал работать архитектором в проектной организации «Азсельхозстройпроект». Он занимался проектированием сельских объектов – жилых домов, клубов. Здесь он впервые составил проект консервного завода в городе Хачмас. Эльдар нашел себя в профессии строителя, навсегда полюбил эту страну и ее архитектуру. С 1940 года Кануков являлся членом Союза архитекторов Азербайджана.

Эльдар Кануков был участником Великой Отечественной войны. На фронт он ушел в 1941 году. Сражался в Крыму, был начальником инженерной службы дивизии. Был ранен, лежал в госпитале. После лечения он вновь отправился на фронт, а в ноябре 1945 года вернулся в Баку в звании капитана гвардии, имел много наград.

После войны, с января 1946 года начал работать в проектной организации «Винпромпроект», где составил проекты винодельческих заводов. Специалисты считают, что в этот период он накопил большой и полезный профессиональный опыт. Работы по обмеру архитектурных памятников, выполнение многочисленных обмерных чертежей, изучение истории азербайджанской национальной архитектуры, дали молодому архитектору большой запас знаний по исторической архитектуре Азербайджана [17, 71–72].

В основе его творческой работы был заложен принцип сочетания новейших достижений архитектуры с ее национальной спец-

ификой. Выполненный им архитектурный проект винодельческого завода по Московскому проспекту Баку – первый пример умелого использования композиционных приемов и элементов азербайджанской архитектуры апшеронской школы.

Эльдар Кануков

В 1949 году Эльдара Ибрагимовича пригласили преподавать в Индустриально-строительный институт, на кафедру архитектурного проектирования. Это было признанием его профессионализма. Позднее он был избран деканом факультета архитектуры, где проявил организаторские и педагогические способности.

Кроме того, глубокий интерес и основательные, фундаментальные знания в области архитектуры, личный практический вклад привели Канукова в мир науки. В 1966 году он защитил

диссертацию на соискание ученой степени кандидата архитектуры. Его исследование было посвящено промышленной архитектуре Азербайджана, которое он провел в широких хронологических рамках, включающих дореволюционный, советский и постперестроечный период, вплоть до конца XX века. После защиты диссертации он стал доцентом кафедры. В 1991 году вышла в свет его монография «Архитектура промышленных зданий и сооружений Азербайджана [18].

Более 40 лет он отдал подготовке кадров архитекторов. Его ученики работают не только в Азербайджане, но и по всей стране.

Напряженная научная и педагогическая деятельность Эльдара Канукова не помешала его творческой работе. Он продолжал составлять строительные проекты, многие из которых были реали-

зованы в строительстве. По его проектам строили заводы, жилые здания, клубы и другие здания не только в Азербайджане, но и в Кабардино-Балкарии, Туркменистане.

Одним из известных и значимых проектов, принесших автору широкую известность, стала одна из красивейших станций метро в Баку «Улдуз» («Звезда»). Это станция первой (Красной) линии Бакинского метрополитена введена в эксплуатацию 5 мая 1970 года в составе участка «Нариман Нариманов». Проект Кануков разработал в 1967 году совместно с член-корреспондентом АН Азербайджанской ССР Э. А. Касим-заде. По отзывам специалистов, станция «Улдуз» отличается интересным архитектурным решением. Несмотря на простоту оформления станции, архитекторы сумели создать оригинальное и интересное произведение. Очень своеобразно решено освещение станции: потолок выполнен в виде пилообразных полос шириной 1 метр, смещенные относительно друг друга, эти пилообразные полосы образуют шахматный порядок в размещении зубцов «пилы». Побелка потолка отражает свет от ламп дневного света, вмонтированных между гранями зубцов, чем достигнута хорошая освещенность пространства станции и создано впечатление легкости и воздушности потолка, который покоится на двойном ряде многогранных колонн, облицованных белым мрамором. Своеобразны и оригинальны традиционные для архитектуры Бакинского метро многогранные колонны станции. В места соединения их граней, облицованных белым мрамором, вставлены полосы из анодированного алюминия, что придает колоннам стройность. Пол зала выложен гранитными плитами черного и зеленоватого цветов с вкраплениями белого мрамора. В рисунке пола прослеживаются характерные для азербайджанских ковров узоры. Путевые стены облицованы дашкесанским мрамором и гранитом, их цоколь – черным гранитом. Архитектура двух вестибюлей станции скромна, отличается лаконичностью решения. Стены и столбы обоих вестибюлей облицованы узбекским мрамором «газган», красивым и эффективным материалом. Полы вестибюлей выложены гранитными плитами с вкраплениями белого мрамора. Проемы широких лестниц, ведущих из вестибюлей в зал, облицованы мраморными плитами. На

облицовке выполнены чеканкой по меди барельефы. На одном из барельефов разработана тема электрификации со словами В. И. Ленина: «Коммунизм – есть Советская власть плюс электрификация всей страны», на другом барельефе – традиционная интернациональная дружба бакинских рабочих. Для архитектуры станции «Улдуз» характерна цельность замысла, органическое вплетение элементов изобразительного искусства в архитектуру станции, новизна трактовки традиционных приемов национальной азербайджанской архитектуры, применённых в соответствии со вкусами и стилем 1960–1970-х гг. [19].

Мавзолей Вагифа в Горном Карабахе

в проектировании также принимали участие академик А. Р. Саламзаде и известный скульптор Мустафаев.

Эльдар Ибрагимович, увлеченный идеей мавзолея, провел много бессонных ночей. Он изучил историю и культуру Азербайджана XVIII века, погрузился в исследования историков и культурологов, в творчество поэта.

В результате получился уникальный памятник, одна из глав-

Однако наибольшую известность Эльдару Канукову принес другой проект – мавзолей на могиле великого азербайджанского поэта, визиря Карабахского ханства, бывшего простолюдина, сумевшего стать поэтом, звездочетом и дипломатом Молла Панах Вагифа. В 1968 году в связи с 250-летием поэта было решено увековечить его имя строительством грандиозного мавзолея. В про-

ных достопримечательностей Азербайджана. Открытие состоялось в январе 1982 года в Горном Карабахе. Могила и мавзолей расположены в родном городе поэта, Шуше. Именно на этом месте в южной части города поэт был убит. В своем изначальном виде мавзолей имел четырехугольную форму и был декорирован резными мраморными элементами. Его высота составляет 18 метров. Форма мавзолея наследует форму других знаменитых мавзолеев Азербайджана, таких как мавзолей Низами. Основание мавзолея сделано из красноватого местного мрамора, а также элементов из белого и серого мрамора. Для создания декоративных элементов мавзолея Вагифа использовался алюминий. Имя визиря написано над главным входом в мавзолей [17].

Во время событий в Горном Карабахе Эльдар Ибрагимович очень переживал за свое детище. И не напрасно. Могила Вагифа была разрушена, а мавзолей был сильно поврежден. На сегодняшний день мавзолей все еще остается в частично разрушенном состоянии, но доступен для осмотра снаружи.

Эльдар Ибрагимович успешно участвовал во многих конкурсных проектах. В частности, на Всесоюзном конкурсе на памятник узбекскому поэту Алишеру Навои в Ташкенте его проект получил первую премию. Впрочем, его проекты на всех конкурсах получали высокую оценку.

Он многократно избирался в Союз архитекторов Азербайджана и СССР. В 1975 году Эльдару Канукову было присвоено почетное звание заслуженного архитектора Азербайджанской ССР «за заслуги в развитии азербайджанской советской архитектуры и успешную подготовку архитектурных кадров».

15 февраля 1992 года Эльдар Кануков покинул этот мир, не дожив до своего 80-летнего юбилея. В объемном некрологе, опубликованном в газете «Иншаатчы» отмечены его большие заслуги и добрые дела. «Несмотря на то, что Эльдар Кануков не родился в Азербайджане, не провел здесь своего детства, в его жилах не текла азербайджанская кровь и рожден он осетинкой, Азербайджан считает его одним из лучших своих сыновей, который своим талантом, умом и трудолюбием внес огромный вклад в культуру

страны. Памятником ему навсегда останется мавзолей Вагифа и множество других созданных им достопримечательностей» [20].

По личному распоряжению президента Азербайджана Гейдара Алиева, Эльдар Кануков был похоронен на аллее почётного захоронения. Это кладбище, расположенное на Парламентском проспекте в нагорной части города Баку, где похоронены видные азербайджанские деятели культуры, науки, литературы, искусства, Герои Советского Союза, политики, революционеры, а также отличившиеся в различных областях экономики и сельского хозяйства и заслужившие почётные звания.

К сожалению, Эльдару не удалось создать семью, у него не было детей. Из близких осталась его сестра, известный в республике педагог Фариза Канукова, которая назвала в честь брата своего внука Эльдара Абисалова.

Безусловное чувство гордости за великого земляка, тем не менее, омрачается трагизмом судьбы его близких, а главное – горечью о не востребованности многих талантливых людей на родине. А ведь такие достопримечательности как мавзолей Вагифа могли сегодня украшать и Владикавказ.

Список использованных источников и литературы

1. *Марзоев И. Т.* Тагаурские князья в Северной Осетии. Рига, 2018.
2. *Marzoev I. T.* The participation of the tagaurian alders in muhajirun in the second half of the XIX C // Известия СОИГСИ. 2016. № 19 (58). С. 27–35.
3. *Марзоев И. Т.* Привилегированные сословия на Кавказе в XVIII – начале XX веков. Владикавказ, 2011.
4. *Марзоев И. Т.* Осетинская феодальная знать в системе взаимодействия этнических элит Северного Кавказа (XVIII – начало XX вв.). Автореферат дис. кандидата исторических наук/Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Москва, 2006.
5. *Марзоев И. Т.* Тагиата: привилегированное сословие тагаурского общества Северной Осетии. Владикавказ, 2012.

6. Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Сборник статей/Владикавказский научный центр РАН, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева Владикавказ, 2016. Том Выпуск VIII.

7. Генеалогия Северного Кавказа. Традиции и современность/ Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева – филиал ВНЦ РАН. Владикавказ, 2017. Вып. IX.

8. Научный архив СОИГСИ Ф.13. Оп.1. Ед. хр. 5.

9. *Чиплакова Н. В.* История архивной службы РСО-Алания // <http://archive-osetia.ru/about/history/>

10. <http://passion-don.org/writer/skkoai.html>

11. Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). – М., 2004.

12. ЦГА КБР. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 37. Л. 37–39.

13. ЦГА КБР. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 35. Т. 1. Л. 167 об. – 168 об

14. *Марзоев И. Т.* Осетины Кабардинского конного полка // Кавказ в годы Первой мировой войны: героика и повседневность Владикавказ, 2014. С. 123–134.

15. *Марзоев И. Т., Атабиев Х. А.* Забытые герои забытой войны: из истории Кабардинского конного полка // Известия СОИГСИ. 2015. № 18 (57). С. 110–127.

16. *Мамед-заде К. М. Саркисов Н. А.* Шуша – мавзолей Вагифа. Баку, 1986. С. 71–72.

17. *Кануков Э. И.* Архитектура промышленных зданий и сооружений Азербайджана. Баку. Изд. ЭЛМ, 1991.

18. http://www.metroworld.ruz.net/others/baku_cruise_12_uldaz.htm

19. *Тыджджыты Юрий.* Ирыстоны хъаебул – азербайджаны хъаебул. // Растдзинад, 13 май 1992, № 90 (918269).

20. Иншаатчы, 15 февраля 1992.

А. В. Казаков, К. А. Казаков
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
И. Т. Марзоев
(г. Владикавказ, Россия)

ЧЕКИСТЫ–ОСЕТИНЫ В 1920–1940 ГГ.

С установлением советской власти на Северном Кавказе на стражу завоеваний Октября встали органы государственной безопасности, верой и правдой служившие новому политическому строю. Особой страницей в истории органов государственной безопасности страны стал период Великой Отечественной войны, когда было необходимо противостоять подрывной деятельности спецслужб Германии. В эти годы сотрудники органов госбезопасности Севергой Осетии, ведя решительную борьбу с противником, выполняли свой долг в деле сохранения государственного и общественного строя, охране рубежей страны.

Агузаров Иван Георгиевич (1902 – не ранее 1939). Осетин. Участник Гражданской войны. До 21 октября 1937 г. – нач. оперативного пункта ст. «Новороссийск» Ворошиловской ж.д. (6-й отдел УГБ УНКВД); с 21 октября 1937 г. – начальник 5-го отделения ДТО ГУГБ НКВД Ворошиловской ж.д. Приказом Народного комиссара внутренних дел СССР от 22 марта 1936 г. № 174 Агузарову Ивану Георгиевичу присвоено звание лейтенанта государственной безопасности [1]. Уволен в запас 5 ноября 1938 г. Начальник отделения Областного Управления НКВД, военком Ардонского военкомата.

Значится в «Списке красных партизанов, красногвардейцев, участников Гражданской войны – персональных пенсионеров, выходцев из Северной Осетии» (9 ноября 1959–9 декабря 1960) [2].

Аккалаев Александр Асламурзаевич (? – не ранее 1937). Осетин. Сотрудник госбезопасности. Участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Являлся членом штаба объединенных партизанских отрядов СО АССР. Значится в «Списке лиц, награжденных медалью «За оборону Кавказа» [3]. Приказом войскам Северо-Кавказского фронта №079/н от 27 марта 1943 г. капитан милиции, начальник Садонского райотделения НКВД СОАССР А. А. Аккалаев был награжден медалью «За отвагу» [4].

Акоев Петр Харитонович (15 сентября 1907–27 марта 1944). Род. в с. Христиановском Дигорского района Северной Осетии. Осетин. Член ВКП (б). 10 августа 1937–27 мая 1938 гг. – начальник Орджоникидзевого РО НКВД Северо-Осетинской АССР. Отозван в распоряжение УГБ НКВД СОАССР 27 мая 1938 г. Сержант госбезопасности с 31 января 1936 г. Младший лейтенант госбезопасности с 29 мая 1938 г. Военным трибуналом войск НКВД Северо-Кавказского округа по ст. 193-17а осужден 9 июля 1941 г. на 5 л/с. Участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. ПВС СССР 5 марта 1942 г. направлен на фронт. Помощник оперуполномоченного НКВД г. Грозного, старший лейтенант П. Х. Акоев погиб 27 марта 1944 г. в г. Грозном [5].

Амбалов Магомет Дрисович (? – не ранее 1938). Осетин. С 26 ноября 1937 по 4 февраля 1938 гг. – слушатель Московской Межкраевой школы НКВД СССР. Сержант госбезопасности с 26 ноября 1937 г. Уволен согласно ст. 38 с исключением с учета 4 февраля 1938 г. [6].

Арсагов А. (Горга) Бешпаевич (1895–13 июля 1938). Род. в с. Галиат Северной Осетии. Осетин. Окончил Галиатскую церковно-приходскую школу, в 1916 г. – Владикавказское реальное училище. В мае 1917 года был командирован в Павловское училище прапорщиков. После свержения императора он переехал в г. Ростов-на-Дону, где был избран членом Ростовского военно-революционного комитета. Вернувшись в Осетию, стал од-

ним из активных членов партии «Кермен». В 1924 году Г. Арсагов был назначен начальником отдела Владикавказского ОГПУ. В 1925–1927 гг. – начальником Северо-Осетинского областного отделения ГПУ. Затем – председателем Дигорского горисполкома, начальником политотдела Дигорской МТС. В 1935–36 годах Г. Арсагов был начальником земельного управления Северной Осетии. 13 июля 1938 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Орджоникидзе приговорен к расстрелу [7, 71].

Базров Мухтарбек Камбулатович (1908 – не ранее 1943). Осетин. Член ВКП (б). В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1933 г. До 13 августа 1939 г. – начальник ЭКО УГБ НКВД СОАССР. Депутат Верховного Совета СОАССР 1-го созыва. Лейтенант госбезопасности с 2 апреля 1939 г. Арестован 25 сентября 1939 г. ВКВС СССР приговорён 25 апреля 1940 г. к ВМН. Приговор изменён 6 сентября 1940 г. на 10 л/с. ПВС СССР освобождён и 8 апреля 1943 г. направлен на фронт, разведчик взвода разведки управления отдельного зенитно-артиллерийского полка ПВО. Награждён медалью «За боевые заслуги» (27 августа 1943) [6].

Бериев Борис Иванович (1888 – не ранее 1942). Род. в с. Нар Северной Осетии. Осетин. До 16 апреля 1939 г. – начальник УРКМ НКВД СОАССР. Капитан милиции с 16 августа 1936 г. Особым совещанием при НКВД СССР 4 июля 1942 г. приговорён к 10 годам ИТЛ [8, 167].

Берозов Шамиль Николаевич (? – не ранее 1943). Участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. На 27 марта 1943 г. – старший оперуполномоченный 4-го отдела НКВД СОАССР. Приказом войскам Северо-Кавказского фронта № 079/н от 27 марта 1943 г. капитан госбезопасности Ш. Н. Берозов был награждён медалью «За отвагу» [4].

Беслекоев Георгий Захарович (? – не ранее 1937). Осетин. На 26 ноября 1937 г. – слушатель Московской МКШ НКВД СССР. Сержант госбезопасности с 26 ноября 1937 г. [6].

Бзаров Измаил Дзаваевич (? – не ранее 1943). Осетин. К 2 декабря 1936 г. – сотрудник ГПУ ЗСФСР. Сержант г/б с 2 декабря 1936 г. На 2 апреля 1939 г. – сотрудник НКВД СОАССР.

Младший лейтенант госбезопасности с 2 апреля 1939 г. На 20 сентября 1943 г. – майор госбезопасности. Награждён медалями «За отвагу» и «За оборону Кавказа» [6].

Битемиров Рамазан Гайтович (? – не ранее 1937). До 10 декабря 1937 г. – помощник начальника 3-го отдела УГБ НКВД СОАССР. Лейтенант госбезопасности с 31 января 1936 г. 10 декабря 1937 г. уволен приказом № 2409 по ст.38-б в связи с арестом [9].

Бугулов Алексей Хадзибегирович (? – не ранее 1936). Осетин. На 22 марта 1936 г. – сотрудник УГБ УНКВД по Азово-Черноморскому краю. Младший лейтенант госбезопасности [1; 6].

Бурнацев Борис Дзакоевич (? – не ранее 1938). Осетин. На 31 января 1936 г. – сотрудник УНКВД по Северо-Кавказскому краю, сержант госбезопасности. На 29 мая 1938 г. – сотрудник НКВД СОАССР. Мл. лейтенант госбезопасности с 29 мая 1938 г. [6].

Ваниев Мадзай Георгиевич (? – не ранее 1937). Осетин. До 29 сентября 1937 г. – помощник оперуполномоченного оперативного пункта станции «Пятигорск» Орджоникидзевской ж.д. (6 отдел УНКВД по Орджоникидзевскому краю). С 29 сентября 1937 г. – сотрудник ж.д. милиции. Младший лейтенант госбезопасности с 31 января 1936 г. [6].

Участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Воевал в составе партизанского отряда Алагирского района под командованием командира отряда – Бтемирова Ивана Хасакоевича [10].

Габолаев Исмаил Бимболович (? – не ранее 1936). Род. в с. Салугардан Северной Осетии. Осетин. На 22 марта 1936 г. – сотрудник УНКВД по Азово-Черноморскому краю. [6].

Приказом Народного комиссара внутренних дел СССР от 22 марта 1936 № 174 Исмаилу Бимболовичу Габолаеву присвоено звание младшего лейтенанта государственной безопасности. Младший лейтенант госбезопасности [1].

Гагкаев Михаил Андреевич (1903-1976). Осетин. Член ВКП (б) с 1927 г. В органах ОГПУ-НКВД с 1932 г. С 19 августа 1937 г. – лейтенант госбезопасности. Старший лейтенант госбезопасности с 28 мая 1938 г. На Колыме с 1939 г., начальник Северного горно-

промышленного управления Дальстроя (1942-1946). На 15 января 1945 г. – подполковник госбезопасности. Награждён орденами Ленина (24 февраля 1945 г.), Знак Трудового Красного Знамени (17 января 1943 г.), медалью «За боевые заслуги» (15 января 1945 г.), знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ (XV)» (31 августа 1937 г.) [6].

Гасиев (Гассиев) Илья Иванович (1902 – декабрь 1974). Род. в мест. Сурами, Горийского уезда Тифлисской губ. Осетин. Член ВКП (б) с июля 1927 г. Лейтенант госбезопасности с 13 января 1936 г. На 13 января 1936 г. – сотрудник НКВД ЗСФСР. На 23 мая 1938 г. – сотрудник НКВД Грузинской ССР. На 24 февраля 1946 г. – начальник Управления НКГБ Грузинской ССР по Юго-Осетинской АО. Подполковник госбезопасности с 11 февраля 1943 г. Ум. в Тбилиси в декабре 1974 г. [6].

Гасиев Николай Александрович (? – не ранее 1939). Осетин. На 4 мая 1937 г. – сотрудник НКВД Грузинской ССР. До 13 января 1939 г. – врид начальника Тбилисской тюрьмы ОМЗ НКВД Грузинской ССР. Сержант госбезопасности с 4 мая 1937 г. Уволен 13 января 1939 г. [6].

Гаглоев Илья Михайлович (? – не ранее 1939). Осетин. К 13 января 1936 г. – сотрудник НКВД ЗСФСР. Лейтенант госбезопасности с 13 января 1936 г. Старший лейтенант госбезопасности с 19 июля 1939 г. [6].

Джелиев Темирхан Бекмурзаевич (1897–1941). Осетин. (Брат Джелиев Эльмурза). Член ВКП (б) с 1920 г. В органах ВЧК с 1921 г. Сотрудник отдела КРО ГПУ в Приморье в 1920-х гг. До 29 сентября 1937 г. – начальник Особого отдела НКВД 18-го стрелкового корпуса ОК Дальне-Восточной армии. Разведчик. Был в плену у японцев в г. Харбин. Бежал из плена. Герой Гражданской войны. Лейтенант госбезопасности с 27 июня 1936 г. [6]. Был уволен из НКВД, разжалован. В начале Великой Отечественной войны ушёл на фронт добровольцем рядовым. Пропал без вести [6].

Джигкаев Сослан Угалыкович (1908 – не ранее 1943). Род. в с. Ардон Северной Осетии. Осетин. Член ВКП (б) с 1930 г. На 12 января 1943 г. – начальник 1-го спецотдела НКВД СОАССР.

Старший лейтенант госбезопасности с 30 августа 1940 г. Награжден медалью «За отвагу» (12 января 1943) [6].

Джиоев Архип Георгиевич (1896–11 декабря 1937). Род. в Южной Осетии. Грузин/осетин. Член ВКП (б) с 1918 г. На 13 января 1936 г. – сотрудник НКВД ЗСФСР. Младший лейтенант госбезопасности с 13 января 1936 г. До 22 октября 1937 г. – начальник Знаурского РО УГБ НКВД Грузинской ССР. Уволен 22 октября 1937 г. Арестован. Тройкой при НКВД Грузинской ССР 3 декабря 1937 г. приговорён к ВМН с конфискацией личного имущества. Расстрелян 11 декабря 1937 г. [6].

Джиоев Кяз Дмитриевич (? – не ранее 1938). Род. в Южной Осетии. Осетин. На 21 февраля 1938 г. – сотрудник НКВД Грузинской ССР, сержант госбезопасности [6].

Джиоев Леонид Георгиевич (? – не ранее 1937). Род. в Южной Осетии. Осетин. На 13 мая 1937 г. – сотрудник НКВД Туркменской ССР, сержант госбезопасности [6].

Джиоев Сергей Цопанович (? – не ранее 1943). Род. в Южной Осетии. Осетин. На 28 февраля 1939 г. – сотрудник 3-го спецотдела НКВД СССР, лейтенант госбезопасности. К 20 сентября 1943 г. – майор госбезопасности. Награжден медалью «За отвагу» (20 сентября 1943) [6].

Джиоев Георгий Дмитриевич (? – не ранее 1936). Осетин. До 15 августа 1936 г. – начальник оперпункта ТО УГБ станции «Армавир» УНКД по Азово-Черноморскому краю. Лейтенант госбезопасности [1]. Уволен в запас по болезни 15 августа 1936 г. [6].

Дзедаев Игнат Георгиевич (? – не ранее 1937). Осетин. На 26 ноября 1937 г. – слушатель Московской МКШ НКВД СССР. Сержант госбезопасности с 26 ноября 1937 г. [6].

Дзитиев Батырбек Татарханович (Татарканович) (1904 – не ранее 1944). Осетин. На 31 января 1936 г. – сотрудник УНКВД по СКК. Младший лейтенант госбезопасности. На 2 июля 1942 г. – старший лейтенант госбезопасности. В 1944 г. – заместитель начальника УНКВД по Грозненской области, член бюро Грозненского обкома ВКП (б). Майор госбезопасности с 3 декабря 1944 г. Награжден орденами Красной Звезды (2 июля 1942 г.), Отечественной войны 2-й ст. (3 декабря 1944 г.) [6].

Дзиов Бечирбек Урусбиевич (1903–2 февраля 1940). Осетин. Член ВКП (б) с 1924 г. В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1922 г. До 23 сентября 1937 г. – заместитель начальника 19-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С 23 сентября 1937 г. по 27 января 1939 г. – начальник 4-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Награжден орденом «Знак Почета» (19 декабря 1937). Капитан госбезопасности с 5 декабря 1935 г. Арестован. ВКВС СССР 2 февраля 1940 г. приговорён к ВМН. Расстрелян в тот же день, 2 февраля 1940 г. в Москве [6].

Дзитиев Тимофей Харитонович (? – не ранее 1942). Осетин. На 28 декабря 1937 г. – сотрудник НКВД Туркменской ССР, до 5 ноября 1939 г. – оперуполномоченный 3-го отдела ИТЛК НКВД Узбекской ССР. Сержант госбезопасности с 28 декабря 1937 г. На 15 декабря 1942–5 января 1943 гг. – заместитель наркома ВД Чечено-Ингушской АССР. Старший лейтенант госбезопасности [6].

Дзобаев Афанасий Ильич (? – не ранее 1943). Осетин. На 19 февраля 1937 г. – сотрудник КНКВД СКК, сержант госбезопасности. До 15 ноября 1937 г. – помощник оперуполномоченного Дигорского РО УГБ НКВД СОАССР. Уволен в запас. С 30 августа 1940 г. – старший лейтенант госбезопасности, на 21 февраля 1942 г. – капитан госбезопасности. На 10 марта 1943 г. – заместитель наркома ВД СОАССР по кадрам, подполковник госбезопасности. Награжден орденом Красной Звезды (21 февраля 1942 г.) [6].

Приказом Народного комиссара внутренних дел СССР от 22 марта 1936 г. № 174 Афанасию Ильичу Дзобаеву присвоено звание сержанта государственной безопасности [6].

Дзобаев Христофор Хадзиметович (? – не ранее 1936). Осетин. К 22 марта 1936 г. – сотрудник УНКВД по Азово-Черноморскому краю. Сержант госбезопасности с 22 марта 1936 г. [1; 6].

Дзуцев Майрам Тимофеевич (? – не ранее 1937). Осетин. На 23 сентября 1937 г. – сотрудник НКВД Казахской ССР. Сержант госбезопасности с 23 сентября 1937 г. [6].

Дзуцев Михаил Борисович (? – не ранее 1939). Осетин. На

15 марта 1939 г. – слушатель 2-й Харьковской Межкраевой школы НКВД СССР. сержант госбезопасности с 15 марта 1939 г. [6].

Дударов Сафар Джамботович (1888 – 30 октября 1920). Род. в с. Карджин, Терской обл. Осетин. 7 ноября 1917–2 января 1918 гг. – комиссар милиции Владикавказского, позднее – Назрановского округа Терской области. 26 апреля – 30 октября 1920 г. – председатель Дагестанской областного ЧК. Погиб в ходе спецоперации в сел Аракани (Дагестан) [6].

Зангиев Дзарахмет Хаджа-Мурзаевич (? – не ранее 1938). Осетин. До 17 февраля 1938 г. – помощник начальника 3-го отдела ДТО НКВД железной дороги им. Ворошилова [6].

Приказом Народного комиссара внутренних дел СССР от 22 марта 1936 г. №174 Дзарахмету Хаджи-Мурзаевичу Зангиеву присвоено звание лейтенанта государственной безопасности. Лейтенант госбезопасности [1; 6].

Засеев (Зассеев) Василий Георгиевич (? – не ранее 1940). Осетин. На 11 марта 1939 г. – сотрудник НКВД Грузинской ССР, сержант госбезопасности. До 10 мая 1940 г. – оперуполномоченный ЭКО НКВД Крымской АССР [6].

Икаев Созырко Захарович (? – не ранее 1936). Осетин. На 31 января 1936 г. – сотрудник УНКВД по Северо-Кавказскому краю, сержант госбезопасности. До 5 августа 1936 г. – пом. оперуполномоченного Правобережного РО УНКВД Северо-Кавказского края. Уволен 5 августа 1936 г. [6].

Каджаев Ефим Русебович (1898 – декабрь 1954). Осетин. Член ВКП (б) с 1919 г. В органах ГПУ-НКВД с 1923 г. Лейтенант госбезопасности с 20 января 1937 г. С декабря 1937 г. по апрель 1939 г. – начальник УРКМ – заместитель начальника УНКВД по ЮОАО; с апреля 1939 г. по февраль 1941 г. – заместитель начальника УНКВД по ЮОАО. Старший лейтенант госбезопасности с 28 декабря 1939 г. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ (V)». С 24 марта 1941 г. – начальник УНКВД Грузинской ССР по ЮОАО [6].

Казиев Захарий Константинович (? – не ранее 1937). Осетин. На 13 мая 1937 г. – сотрудник НКВД Грузинской ССР. Сержант госбезопасности с 13 мая 1937 г. [6].

Каиров Тазрет Гагиевич (? – не ранее 1943). Осетин. К 21 февраля 1938 г. – сотрудник УНКВД по Орджоникидзевскому краю. Сержант госбезопасности с 21 февраля 1938 г. К 22 ноября 1942 г. – заместитель начальника ОК НКВД СОАССР. Лейтенант госбезопасности.

Кайтов Хасанбек Кайतिकоевич (? – не ранее 1940). Осетин. До 16 февраля 1940 г. – и.о. начальника 6-го отделения 3-го отдела УНКВД по г. Москве. Сержант госбезопасности с 3 января 1939 г. [6].

Кайтуков Константин Николаевич (1903 – не ранее 1943). Осетин. Член ВКП (б) с 1927 г. К 2 декабря 1936 г. – сотрудник УНКВД по Азово-Черноморскому краю. Сержант госбезопасности с 2 декабря 1936 г. На 12 января 1943 г. – заместитель начальника СПО НКВД СОАССР. Старший лейтенант госбезопасности [6].

Кантемиров Харитон Львович (? – не ранее 1938). Осетин. К 31 января 1936 г. – сотрудник УНКВД по Северо-Кавказскому краю. До 19 ноября 1937 г. – начальник оперпункта станции Дербент ж.д. им. Орджоникидзе 6-го отдела УНКВД Орджоникидзевского края; С 19 ноября 1937 г. по 4 августа 1938 г. – начальник 3-го отделения ДТО НКВД Орджоникидзевской ж.д. Лейтенант госбезопасности с 31 января 1936 г. Уволен 4 августа 1938 г. [6].

Келехсаев Илья Иванович (? – не ранее 1938). Осетин. На 29 мая 1938 г. – сотрудник НКВД Грузинской ССР, сержант госбезопасности [6].

Келехсаев Семен Иванович (? – не ранее 1939). Осетин. На 21 февраля 1938 г. – слушатель Тбилисской Межкраевой школы НКВД, сержант госбезопасности. До 9 августа 1939 г. – помощник оперуполномоченного Ленингорского РО УНКВД по ЮОАО [6].

Келехсавили Арчил Дмитриевич. Осетин. Сотрудник госбезопасности СССР [6].

Коков Константин Буцкиевич (? – не ранее 1943). Осетин. На 2 декабря 1937 г. – слушатель Ростовской МКШ НКВД СССР, сержант госбезопасности. На 20 сентября 1943 г. – старший лейтенант госбезопасности. Награжден орденом Красной Звезды (20 сентября 1943 г.) [6].

Кулаев Урусхан Асламбекович (Асланбекович) (? – не ранее 1938). Осетин (?). На 31 января 1936 г. – сотрудник УНКВД по Северо-Кавказскому краю, сержант госбезопасности. До 27 мая 1938 г. – начальник Карабудахкентского РО УГБ НКВД Дагестанской АССР [6].

Кулаев Федор Афанасьевич (1901–20 ноября 1941). Род. в с. Ардон Северной Осетии. Осетин. Член ВКП (б) с 1930 г. В органах ВЧК-ОГПУ с 1932 г. На 21 февраля 1938 г. – сотрудник УНКВД по Ростовской области, сержант госбезопасности. Погиб в 1941 г. во время обороны Ростова-на-Дону [6].

Кусов Хаджисмел Джамбулатович (Дзамболатович, Дзамбулатович) (1908–7 октября 1941). Род. в с. Заманкул Северной Осетии. Осетин. На 31 января 1936 г. – сотрудник УНКВД по Северо-Кавказскому краю, сержант госбезопасности. На 28 апреля 1939 г. – сотрудник НКВД СССР (Москва), лейтенант госбезопасности. На 31 августа 1941 г. – уполномоченный 3-го отдела 57-й танковой дивизии. На 7 октября 1941 г. – командир отряда особого назначения ОО НКВД Западного фронта, лейтенант. Погиб на фронте в Смоленской области, в районе деревни Половки. Награжден орденом Красного Знамени (31 августа 1941 г.), медалью «За боевые заслуги» (17 ноября 1939 г.) [6].

Кучиев Иван Борисович (1907–1940). Осетин. Член ВКП (б). Депутат Верховного Совета СОАССР 1-го созыва. Сержант госбезопасности с 20 июня 1936 г. На момент ареста – начальник Алагиро-Ардонского РО УГБ НКВД СОАССР. Военным трибуналом войск НКВД Орджоникидзевского края приговорен 20 апреля 1940 г. к ВМН [6].

Кучиев Федор Андреевич (? – не ранее 1939). Осетин. На 31 января 1936 г. – сотрудник УНКВД по Северо-Кавказскому краю, лейтенант госбезопасности. До 4 августа 1938 г. – помощник начальника станции Махачкала ДТО НКВД Орджоникидзевской ж.д. [6].

Магкоев Давид Сафронович (? – не ранее 1936). Осетин. К 13 января 1936 г. – сотрудник НКВД ЗСФСР. Сержант госбезопасности с 13 января 1936 г. [6].

Мамиев Моисей Ильич (1907–1971). Род. в г. Владикавказ.

Осетин. Член ВКП (б) с сентября 1930 г. Депутат Верховного Совета СССР 3-го созыва. С 26 февраля по 31 июля 1941 г. – нарком НКВД СОАССР, капитан госбезопасности с 1 марта 1941 г.; с 6 августа 1941 г. по 11 июня 1943 г. – заместитель наркома ВД СОАССР, подполковник госбезопасности с 11 марта 1943 г.; с 18 декабря 1948 г. по 3 декабря 1953 г. – министр ВД СОАССР, полковник, полковник внутренней службы с августа 1952 г. [6].

Мамсуров Асланбек Туганович (? – не ранее 1943). Осетин. На 27 марта 1943 г. – начальник Махчешского РО НКВД СОАССР. Участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Приказом войскам Северо-Кавказского фронта №079/н от 27 марта 1943 г. капитан милиции А. Т. Мамсуров был награжден медалью «За отвагу» [4; 6].

Маргиев Григорий Егорович (? – не ранее 1939). Осетин. К 11 марта 1939 г. – сотр. НКВД Грузинской ССР. Сержант госбезопасности [6].

Мзоков Дженардий Татоевич (? – не ранее 1939). Осетин. На 20 июня 1936 г. – сотрудник УНКВД по Северо-Кавказскому краю, сержант госбезопасности. До 17 апреля 1939 г. – оперуполномоченный Махчешского РО НКВД СОАССР [6].

Огоев Михаил Борисович (1903 – не ранее 1961). Род. в с. Кадгарон Владикавказского округа Терской обл. Осетин. Член КП с 1937 г. В органах ОГПУ-НКВД с 1932 г. К январю 1935 г. – заместитель начальника политотдела Процыко-Березовской МТС ОГПУ-УНКВД по Азово-Черноморскому краю; с января 1935 г. – оперуполномоченный Криворожского РО УНКВД по Азово-Черноморскому краю; с мая 1935 г. – оперуполномоченный Горно-Алагирского РО УНКВД по СОАО; с августа 1937 г. – начальник Горно-Алагирского РО НКВД СОАССР; с 1946 г. – заместитель наркома НКВД СОАССР; с 15 июня 1944 г. – заместитель министра ГБ СОАССР по кадрам; с 18 июля 1953 г. – заместитель министра ВД; 12 апреля 1954–1961 гг. – министр ВД СОАССР, полковник внутренней службы [6].

Саламов Георгий Александрович (1902–1996). Род. в с. Хидикус, Владикавказского окр., Терской обл. Осетин. Член ВКП (б) с 1928 г. В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1921 г. Арестован 6 дека-

бря 1938 г. ВКВС СССР осужден 1 апреля 1940 г. на 10 л/с. Реабилитирован 31 июля 1992 г. [6].

Санакоев Алексей Ясонович (? – не ранее 1939). Род. в Южной Осетии. Осетин. На 13 января 1936 г. – сотрудник НКВД ЗСФСР, лейтенант госбезопасности. С 19 июля 1939 г. старший лейтенант госбезопасности [6].

Санакоев Владимир Павлович (? – не ранее 1940). Род. в Южной Осетии. Осетин. На 29 мая 1938 г. – сотрудник НКВД Грузинской ССР, младший лейтенант госбезопасности. До 28 декабря 1939 г. – начальник Джавского РО НКВД Грузинской ССР [6].

Санакоев Михаил Александрович (1895–2 января 1938). Род. в с. Джава, Южная Осетия. Осетин. Член ВКП (б). 31 июля 1934–17 июля 1935 гг. – начальник УНКВД по ЮОАО. До 5 ноября 1936 г. помощник начальника отделения СПО УГБ НКВД ЗСФСР. Старший лейтенант госбезопасности с 13 января 1936 г. Арестован. Тройкой при НКВД Грузинской ССР 28 декабря 1937 г. приговорён к ВМН. Расстрелян 2 января 1938 г. Награждён орденом Трудового Красного Знамени Грузинской ССР (12 апреля 1931) [6].

Саракаев Л. Б. (? – 1940). Осетин. До 25 февраля 1940 г. – начальник Ирафского РО НКВД СОАССР. Исключен из списка сотрудников в связи со смертью к 25 февраля 1940 г. Лейтенант госбезопасности [6].

Собиев Афанасий Самазаевич (? – не ранее 1939). Осетин. К 17 мая 1939 г. – сотр. ОО НКВД по СКВО. Младший лейтенант госбезопасности с 17 мая 1939 г. [6].

Собиев Михаил Моисеевич (? – не ранее 1938). Осетин. К 7 апреля 1936 г. – сотрудник УНКВД по Московской области. До 26 декабря 1937 г. – оперуполномоченный Красногорского РО УНКВД по Московской области. Сержант госбезопасности с 7 апреля 1936 г. [6].

Суанов Сергей Петрович (1900 – не ранее 1937). Осетин. В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1921 г. Депутат Верховного Совета СО 1-го созыва. Начальник Орджоникидзевского РО НКВД Орджоникидзевского края до 10 августа 1937 г. Нач. Правобе-

режного РО НКВД Орджоникидзеvского края с 10 августа 1937 г. Лейтенант госбезопасности с 31 января 1936 г. [6].

Сханов Хасанбек Забеевич (? – не ранее 1943). Осетин. К 10 августа 1936 г. – сотрудник НКВД в Калининской области, сержант госбезопасности. Лейтенант госбезопасности с 10 августа 1936 г. Майор госбезопасности к 20 сентября 1943 г., награжден орденом Красной Звезды (20 сентября 1943 г.) [6].

Сырхаев Созырко Борисович (? – 16 января 1939). Осетин. Сотрудник НКВД СССР на Северном Кавказе. До 16 января 1939 г. – пом. нач. оперпункта станции «Прохладная» ДТО НКВД Орджоникидзеvской ж.д. Лейтенант госбезопасности с 31 января 1936 г. [6].

Таболов Константин Тимофеевич (? – не ранее 1943). Осетин. На 12 января 1943 г. – заместитель начальника управления милиции НКВД СОАССР [6].

Таутиев Владимир Хатацкикоевич (? – не ранее 1938). Осетин. К 13 января 1936 г. – сотрудник НКВД ЗСФСР. Лейтенант государственной безопасности с 13 января 1936 г. До 10 мая 1938 г. – начальник Кюрдамирского РО УГБ НКВД Азербайджанской ССР. Уволен со снятием с учета 10 мая 1938 г. [6].

Таутиев Иван Пашаевич (? – не ранее 1943). Осетин. На 2 декабря 1937 г. – слушатель Ростовской МКШ НКВД СССР, сержант госбезопасности. На 2 июня 1939 г. – сотрудник НКВД СОАССР, младший лейтенант госбезопасности. К 20 сентября 1943 г. – старший лейтенант госбезопасности. Награжден медалью «За боевые заслуги» (20 сентября 1943 г.) [6].

Таутиев Магомет Инальдикоевич (? – не ранее 1937). Осетин. Сержант госбезопасности с 23 сентября 1937 г. [6].

Текаев Борис Ильич (1908 – февраль 1980). Род. в г. Александрополе, Эриванской губ. Осетин. Член ВКП (б) с декабря 1938 г. Депутат Верховного Совета СССР 2-го созыва. В феврале 1939–3.1941 гг. – зам. наркома ВД СОАССР, с 8 октября 1941 г. – майор госбезопасности; 12 декабря 1942–18 февраля 1948 гг. – нарком ВД СОАССР, полковник госбезопасности с 14 февраля 1943 г.; комиссар госбезопасности с 12 мая 1943 г., генерал-майор с 9 июля 1945 г. 13 марта 1948–17 ноября 1950 гг. – начальник УМВД по

ЮОАО. Ум. в феврале 1980 г. в Тбилиси. По неподтверждённым данным, лишён звания генерал-майор 27 августа 1956 г. [6].

Тогоев Даниил Николаевич (1891–30 ноября 1939). Род. в с. Христиановском, Терской обл. Осетин. Член КП с 1917 г. В 1920 г. сотрудник ЧК Терской республики. В 1922 г. – заместитель председателя Горского областного Ревтрибунала; в 1922–1923 гг. – врид председателя Ревтрибунала. В 1923–1924 гг. – член коллегии Дальне-Восточного отделения Верховного Суда РСФСР; в 1924–1926 гг. – председатель Приморского губернского Суда; в 1926–1928 гг. – председатель краевого Суда ДВК. С 1928 г. – прокурор Узбекистана. В 1934 г. – председатель Верховного Суда Таджикистана. На 1937 г. – председатель Орджоникидзевского исполкома СОАССР. Арестован 1 октября 1937 г. Военным трибуналом СКВО 23 июля 1939 г. приговорён к ВМН. Расстрелян 30 ноября 1939 г. [7, 230]. Реабилитирован посмертно. Награжден орденом Красного Знамени [6].

Толасов Борис Иванович (1902 – не ранее 1943). Род. в с. Дигора, Терской обл. Осетин. До 8 февраля 1937 г. – зам. нач. 6-го отдела УГБ УНКД по Азово-Черноморскому краю (освобождён с оставлением в распоряжении УНКД по Азово-Черноморскому краю), с 22 февраля 1937 г. – нач. Новочеркасского РО УНКВД по Азово-Черноморскому краю, с мая 1937 г. – член бюро Новочеркасского ГК ВКП (б) [6].

Приказом Народного комиссара внутренних дел СССР от 22 марта 1936 г. №174 Борису Ивановичу Толасову присвоено звание старшего лейтенанта государственной безопасности. Старший лейтенант госбезопасности.

Участник Великой Отечественной войны с 1941 г., подполковник. На 12 мая 1943 г. – полковник, награжден орденом Красной Звезды (12 мая 1943) [1; 6].

Торчинов Константин Борисович (? – не ранее 1943). Осетин. На 12 января 1943 г. – начальник Гизельдонского районного отделения НКВД СОАССР [6].

Тотоев Сергей Николаевич (1901 – май 1976). Род. в с. Христиановском Владикавказского округа Терской области. Осетин. Член ВКП (б) с августа 1928 г. На 31 января 1936 г. – сотрудник

УНКВД по СКК, младший лейтенант госбезопасности. До 10 декабря 1937 г. – оперуполномоченный 3-го отделения ДТО НКВД Орджоникидзевской ж.д. С 10 декабря 1937 г. – врид начальник 5-го отделения ДТО НКВД Орджоникидзевской ж.д.; до 25 июля 1939 г. – начальник 5-го отделения ДТО НКВД Орджоникидзевской ж.д.; уволен. 25 июля 1939 г. На 1 августа 1942 г. – сотрудник ТО НКВД Орджоникидзевской ж.д. До 11 февраля 1943 г. лейтенант госбезопасности. Капитан госбезопасности с 11 февраля 1943 г. Награждён медалью «За трудовую доблесть» (1 августа 1942). Ум. в мае 1976 г. в г. Орджоникидзе (Владикавказ) [6].

Туаев Авраам Захарович (1913 – не ранее 1943). Род. в с. Зарамаг, Терской области. Осетин. Член ВКП (б) с 1940 г. На 2 декабря 1937 г. – слушатель Ростовской МКШ НКВД СССР, сержант госбезопасности. 2 июня 1939 г. – сотрудник НКВД СОАССР, младший лейтенант госбезопасности. На 12 января 1943 г. – заместитель начальника КРО НКВД СОАССР, лейтенант госбезопасности. Награждён медалью «За отвагу» (12 января 1943) [6].

Туаев Ибрагим Габулаевич (? – не ранее 1936). Осетин. На 31 января 1936 г. – сотрудник УНКВД по СКК. Сержант госбезопасности [6].

Фидаров Батырбек Кавдинович (? – не ранее 1939). Осетин. На 2 декабря 1937 г. – слушатель Ростовской МКШ НКВД СССР, сержант госбезопасности. На 2 апреля 1939 г. – сотрудник НКВД СОАССР, младший лейтенант госбезопасности [6].

Фидаров Дзибушка Цоманович (? – не ранее 1939). Осетин. На 13 мая 1937 г. – сотрудник УНКВД по Орджоникидзевскому краю, сержант госбезопасности. На 2 апреля 1939 г. – сотрудник НКВД СОАССР, лейтенант госбезопасности [6].

Хадиков Казантемир Хадзибегирович (? – не ранее 1936). Осетин. К 31 января 1936 г. – сотрудник УНКВД по Северо-Кавказскому краю. Младший лейтенант госбезопасности с 31 января 1936 г. [6].

Хубаев Антон Иванович (1904 – не ранее 1945). Осетин. Член ВКП (б). Начальник ОО НКВД 20-й гв. стрелковой дивизии Закавказского фронта. Подполковник госбезопасности. Награж-

дён: 2-мя орденами Красной Звезды (19 декабря 1942; 15 января 1945), Отечественной войны 2-й ст. (8 марта 1944), медалью «За боевые заслуги» (24 февраля 1945) [6].

Худжиев (Худжеев) Герасим (Герсан) Кимечевич (? – не ранее 1945). Осетин. На 13 января 1936 г. – сотрудник НКВД ЗСФСР, младший лейтенант госбезопасности. С августа 1941 г. – заместитель начальника УНКВД по ЮОАО; с 21 мая 1943 г. по 22 сентября 1944 г. – начальник УНКВД по ЮОАО. На 20 сентября 1943 г. – майор госбезопасности. Награждён орденом Красной Звезды (12 мая 1945 г.), медалью «За отвагу» (20 сентября 1943 г.) [6].

Худзиев Хаджимурат Ильясович (? – не ранее 1939). Осетин. На 13 мая 1937 г. – сотрудник УНКВД по Орджоникидзевскому краю. До 13 августа 1939 г. – помощник оперуполномоченного Махчесского РО НКВД СОАССР. Сержант госбезопасности с 13 мая 1937 г. [6].

Царакоев Харитон Сарабиевич (? – не ранее 1939). Осетин. До 21 октября 1937 г. – начальник оперативного пункта станции «Таганрог» Ворошиловской ж.д. (6-го отдела УГБ УНКВД); с 21 октября 1937 г. – начальник ОДТО станции «Кавказская» Ворошиловской ж.д. [6].

Приказом Народного комиссара внутренних дел СССР от 22 марта 1936 г. № 174 Харитону Сарабиевичу Царакоеву присвоено звание старшего лейтенанта государственной безопасности. Старший лейтенант госбезопасности. Уволен с 7 марта 1939 г. [1; 6].

Цикаев Георгий Григорьевич (? – не ранее 1936). Осетин. На 31 января 1936 г. – сотрудник УНКВД СКК. Сержант госбезопасности с 31 января 1936 г. [6].

Цогоев Батрбек Гаполович (? – не ранее 1936). Осетин. Младший лейтенант госбезопасности с 20 июня 1936 г. [6].

Чочиев Михаил Григорьевич (1905–11 декабря 1937). Осетин. Член ВКП (б) с 1928 г. В органах ОГПУ-НКВД с 1932 г. На 13 января 1936 г. – сотрудник НКВД ЗСФСР. До 28 ноября 1937 г. – начальник Ленингорского РО УГБ НКВД ЮОАО. Арестован. Тройкой при НКВД Грузинской ССР приговорён 3 декабря 1937 г. к ВМН. Расстрелян 11 декабря 1937 г. [6].

Шанаев Азгирей Гадоевич (? – не ранее 1943). Осетин. На 12 января 1943 г. – начальник Правобережного отделения милиции НКВД СОАССР. [6].

Использованные источники и литература

1. Приказ НКВД СССР № 174 от 22 марта 1936 г.
2. ЦГА РСО-А. Ф. Р. 44. Оп. 1. Д. 3.
3. Список лиц, награждённых медалью «За оборону Кавказа» // <http://archive-osetia.ru>
4. Приказ войскам Северо-Кавказского фронта № 079/н от 27 марта 1943 г.
5. Книга памяти сотрудников органов контрразведки, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны. М.: Граница, 1995. – 560.
6. Кадровый состав НКВД 1935–1939 // <http://memo.nablawiki.ru>
7. Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Т.1. Владикавказ, 1999. – 384 с.
8. Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Т.2. Владикавказ, 2006. – 678 с.
9. Репрессии в НКВД (1935-1941) // <http://forum.mozohin.ru>
10. Списки бойцов партизанских отрядов, действовавших на территории Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны // www.archive-osetia.ru

БИБЛИОГРАФИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Р. М. Абрамян
(г. Москва, Россия)

ОПЫТ БИБЛИОГРАФИИ ГЕНЕАЛОГИИ ИНАЛИДОВ (НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

1. АБРАМЯН Р. М. Князья Егуповы-Черкасские: материалы к генеалогии // ГСК. – Нальчик, 2004. – № 11. – С. 58–60.

2. АВЕРЬЯНОВ К. А. Подмосковные имения князей Черкасских // НСКИР. – Нальчик, 2007. – С. 53–58.

3. АНДРЕЕВ А. А. Юность князя Александра Бековича Черкасского. Факты и мифы // Лавровский сб.: матер. XXXVI и XXXVII Среднеазиатско-кавказских чтений 2012–2013 гг.: этнология, история, археология, культурология. – СПб., 2009. – С. 140–150.

4. АНДРЕЕВ А. А. Князь Бекович-Черкасский. К вопросу о происхождении и раннем периоде биографии // Петровское время в лицах – 2012. К 280-летию Первого Кадетского корпуса (1732–2012). Матер. н. конф. – СПб., 2012. – С. 13–21.

5. АНДРЕЕВ А. А. К вопросу о раннем периоде биографии Александра Бековича-Черкасского // Археология и этнология Северного Кавказа. – Нальчик, 2013. – Вып. 2. – С. 132–138.

6. АСАНОВ Ю. Н. Родственные объединения адыгов, балкарцев, карачаевцев и осетин в прошлом. – Нальчик, 1990. – 269, [2] с. – 1000 экз.

7. АТАЛИКОВ В. М. Ф. Хитти о черкесских династиях мамлюков // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. – Нальчик, 1980. – С. 224–227.

8. БАБИЧ И. Л. Бековичи-Черкасские в XX в.: судьбы офицеров-кавказцев Российской империи в европейской эмиграции // Кавказский сб. – М., 2011. – Т. 7 (39). – С. 263–276.

9. БАРАЗБИЕВ М. И. Брачные контакты представителей высших сословий тюркских народов Кавказа с кабардинцами в XIX – начале XX вв. // Известия Кабардино-Балкарского гос. ун-та. – Нальчик, 2012. – Т. II. – № 1. – С. 53–55.

10. БАРАЗБИЕВ М. И. Брачные контакты представителей высших сословий тюркских народов Северного Кавказа с кабардинцами в XVI – начале XVIII вв. // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. – Черкесск, 2014. – С. 115–118.

11. БГАЖНОКОВ Б. Х. Княжеская семья Сунчалеевых в истории Кабарды XVII века // ГЮР. – Нальчик, 2004. – С. 101–105.

12. БЕЙТУГАНОВ С. Н. Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. – Нальчик, 1989. – 117 с. – 5000 экз.

13. БЕЙТУГАНОВ С. Н. Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. – Нальчик, 1990. – 181 с. – 1000 экз.

14. БЕЙТУГАНОВ С. Н. Кабарда в фамилиях. – Нальчик, 1998. – 556 с. – 3000 экз.

15. БЕЙТУГАНОВ С. Н. Кабарда: история и фамилии. – Нальчик, 2007. – 784 с. – 1000 экз.

16. БЕЙТУГАНОВ С. Н. Генеалогия кабардинских фамилий (60-е годы XIX века – 20-е годы XX века). – Нальчик, 2009. – 950 с. – 1000 экз.

17. БЕЙТУГАНОВ С. Н. Сосналиевы: кабардинская княжеская фамилия в истории. – Нальчик, 2016. – 436 с. – 500 экз.

18. БЕСЛАНЕЕВ В. С. Малая Кабарда (XIII – начала XX века). – Нальчик, 1995. – 232 с. – 3000 экз.

19. БЕСЛАНЕЕВ В. С. Из родословной князей Ахловых // ГСК. – Нальчик, 2003. – № 6. – С. 28–45.

20. БЕСЛАНЕЕВ В. С. Князя Ахловы // В кн.: Тайна долины

Заманкула: Исторические очерки, повести. – Нальчик, 2006. – С. 119–148.

21. БЖАМБЕЕВ Х. Х., БЖАМБЕЕВА О. Х. Селения Атажукино и Зеково. Архивно-исторический, биографический справочник. – Нальчик, 2011. – 658 с. – 500 экз.

22. БЛЮМИН Г. З. Витязи Кабарды (о князьях Черкасских) // АО. – Нальчик, 2007. – № 1. – С. 48–59.

23. БЛЮМИН Г. Родословное древо Черкасских: ветви и плоды // АО. – Нальчик, 2008. – № 7. – С. 106–107.

24. [ВЕЙДЕНБАУМ Е. Г.] Из архива князей Бековичей-Черкасских // Кавказский сб. – Т. 30. – Тифлис, 1910. – С. 1–59.

25. ВИНОГРАДОВ А. В. Род князей Черкасских и русско-крымские отношения второй половины XVI века // НСКИР. – Нальчик, 2007. – С. 111–115.

26. ВЫСШИЕ сословия Кабарды. Извлечения из архивных фондов 1858–1896 гг./Сост. А. Б. Мамхегов. – Нальчик, 2006. – 124 с. – 100 экз.

27. ГАДЛЮ А. В. Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Из истории феодальной России. – Л., 1978. – С. 25–33.

то же: // ИВ. – Нальчик, 2005. – Вып. 1. – С. 414–425.

28. ГАДЛЮ А. В. Тмураканские этюды II. Держава Инала и его потомков // Вестник Ленинградского ун-та. Сер. 1. – Л., 1989. – Вып. 3 (16). – С. 9–20.

29. ГЕНЕАЛОГИЯ кабардинских фамилий/Сост., автор предисловия и ред. С. Н. Бейтуганов. – Нальчик, 2009. – 952 с. – 1000 экз.

30. ГУТОВ А. М. Кабардинский князь Шолох и фамилия Шолохов // ИВ. – Нальчик, 2008. – Вып. 6. – С. 452–456.

31. ДЖАВАХИШВИЛИ Д. Династические браки между кахетинскими Багратионами и представителями кавказской и персидской знати // Ахульго. – Махачкала, 2010. – № 12. – С. 44–45.

32. ДЖАВАХИШВИЛИ Д. Из истории династических браков кахетинских Багратионов с представителями мусульманской знати (XVI–XVIII вв.) // Ученые записки Гянджинского гос. ун-та. – Гянджа, 2010. – № 2. – С. 105–108.

33. ДЖАВАХИШВИЛИ Н. Г. Из истории двух грузинских знатных родов адыгского происхождения // Матер. VII междунар. н. конф.: «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии» (14–15 октября 2010 г., Майкоп). – Майкоп, 2010. – С. 59–62.

34. ДЖАВАХИШВИЛИ Н. Династические браки между карбардинским княжеством и картлийским царством // Ахульго. – Махачкала, 2010. – № 12. – С. 46–47.

35. ДЖАВАХИШВИЛИ Н. К истории рода Черкезишвили // В кн.: История взаимоотношений грузинского и черкесского народов. – Тбилиси, 2014. – С. 46–63.

36. ДЖАВАХИШВИЛИ Н. Г. Из истории династических браков между представителями грузинских и черкесских знатных родов (XVI–XVIII вв.) // ГНК. – Вып. VII. – Владикавказ, 2015. – С. 11–23.

37. ДЖАВАХИШВИЛИ Н. Г. Династические браки между представителями грузинских и черкесских знатных родов (XVI–XVIII вв.) // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований. – Майкоп, 2016. – № 8 (32). – С. 122–128.

38. ДЖАВАХИШВИЛИ Н. Г. Династические браки между представителями грузинских и черкесских знатных родов (XVI–XVIII вв.) // Adige filolojisi (dil, tarih, edebiyat, sosyo-kültür). Güncel Konular, Düzce Üniversitesi, Uluslararası Adige Filolojisi Sempozyumu, 13–15 Mayıs. – Düzce, 2016. – С. 258–268.

39. ДЗАМИХОВ К. Ф. К генеалогии западно-адыгских черкесских (княжеских) родов в XVI–XVII веках // Известия Северо-Кавказского н. Центра высшей школы: Общ. науки. – Ростов-на-Дону, 1990. – № 2. – С. 56–67.

40. ДЗАМИХОВ К. Ф. К генеалогии западно-адыгских черкесских (княжеских) родов в XVI – XVII вв. // Культура и быт адыгов. – Майкоп, 1991. – Вып. 8. – С. 152–166.

41. ДЗАМИХОВ К. Ф. К генеалогии западно-адыгских черкесских (княжеских) родов в XVI – XVII вв. // В кн.: Адыги: веки истории. – Нальчик, 1994. – С. 41–56.

42. ДЗАМИХОВ К. Ф. К вопросу о социокультурном синтезе правящих элит адыгов и России // Нелокальные краевые задачи и

родственные проблемы математической биологии, информатики и физики. Тез. док. на междунар. конф. 3–7 декабря 1996 г. – Нальчик, 1996. – С. 32–33.

43. ДЗАМИХОВ К. Ф. Этнические элиты Кабарды и Ногайской Орды в XVI–XVII вв.: конфликты и сотрудничество // Известия Кабардино-Балкарского н. центра РАН. – Нальчик, 1999. – Вып. 2. – С. 100–108.

44. ДЗАМИХОВ К. Ф. Адыгская аристократия и традиция политического сотрудничества Москвы с нерусскими элитами // Эльбрус. – Нальчик, 2000. – № 1 (12). – С. 84–94.

45. ДЗАМИХОВ К. Ф. Институт выезда адыгских князей, как форма политического взаимодействия с Российским государством // Вестник Кабардино-Балкарского гос. ун-та. – Нальчик, 2000. – № 5. – С. 12–16.

то же: // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та. – Владикавказ, 2009. – № 1. – С. 64–70.

46. ДЗАМИХОВ К. Ф. Кабардинские Черкасские на российской службе // В кн.: Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.). – Нальчик, 2001. – С. 150–181.

47. ДЗАМИХОВ К. Ф. Западно-адыгские Черкасские на российской службе // В кн.: Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.). – Нальчик, 2001. – С. 182–189.

48. ДЗАМИХОВ К. Ф. Адыгская аристократия и традиция политического сотрудничества Москвы с нерусскими элитами // Черкесия. – Черкесск, 2002. – № 1. – С. 139–152.

49. ДЗАМИХОВ К. Ф. Дороги к Москве // ЛКБ. – Нальчик, 2007. – № 4. – С. 41–74. [Черкасские]

50. ДЗАМИХОВ К. Ф. Кабардинская аристократия и традиция политического сотрудничества Москвы с нерусскими элитами в XVI–XVII вв. // Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели. Матер. Междунар. симпозиума, посв. 20-летию Кабардино-Балкарского н. центра РАН. – Нальчик, 2013. – Т. III. – С. 105–110.

51. ДЗАМИХОВ К. Ф. Черкасские на службе России // Исторические портреты патриотов России. – М., 2016. – Т. 1. – С. 30–65.

52. ДЗАМИХОВ К. Ф. «В службе и обороне...». Кабарда и

Российское государство: эпоха военно-политического сотрудничества (1550-е – начало 1770-х годов). – Нальчик, 2017. – 356 с. – 500 экз. [Иналиды]

53. ДЗАМИХОВ К. Ф. Российские патриоты: князья Черкасские на государственной службе // ЛКБ. – Нальчик, 2017. – № 4. – С. 68–92.

54. ДОКШОКОВ М. И. Докшоковы и Докшукины в Кабарде. – Нальчик, 2001. – 79 с. – 350 экз.

55. ДОЛГОРУКОВ П. В., кн. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. – Ч. 2. – СПб., 1855.

Из содержания:

Князья Черкасские. – С. 36–45.

56. ДУДАКОВА Е. Мои предки Балатуковы – герои войны 1812 г. // Брега Тавриды. – Симферополь, 2013. – № 3–4 (129–130). – С. 272–285.

57. ДУДАКОВА Е. Ф. Балатуковы-Джемалетдиновы (пояснение схемы) // Кольский родословец. – Вып. VII. – Мурманск, 2015.

58. ЖЕМУХОВ С. Н. Арабская теория происхождения кабардинских князей как начало адыгской историографии // ГСК. – Нальчик, 2004. – № 12. – С. 148–156.

59. ЗАЙЦЕВ И. В. Берат султана Мурада III на имя Мехмеда о назначении его санджакбеем Кафы и эмиром Черкесских земель (1590 г.). О происхождении и хронологии назначений некоторых кафинских санджакбеев 1560-х-1590-х годов // Средневековый Восток: проблемы историографии и источниковедения. – Баку, 2015. – С. 72–86.

60. ИЛЮШИНА М. Ю. Три рукописи о происхождении Ридван-бея // XXIV Междунар. н. конф. «Источниковедение и историография стран Азии и Африки». 10–12 апреля 2007: Тез. док. – СПб., 2007. – С. 75–76.

61. ИЛЮШИНА М. Ю. О родословной мамлюков Египта по материалам рукописи «Нисаб ал-джаракиса» из коллекции восточного отдела научной библиотеки СПбГУ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. – Сер. 9. – СПб., 2008. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 111–116.

62. ИНУХОВ А. Г. К истории династии темиргойских князей Болотоковых // IV конгресс этнографов и антропологов России. Тез. док. – М., 2001. – С. 134.

63. ИНУХОВ А. Г. К истории династии темиргойских князей Болотоковых // XLI студенч. Н. конф. «Студенческая наука в III тысячелетии». Сб. матер. – Майкоп, 2002. – С. 70.

64. КАГАЗЕЖЕВ Ж. В. К вопросу о происхождении и времени правления Черкесией князя Инала // Вестник ИГИКБНРАН. – Вып. 13. – Нальчик, 2006. – С. 29–40.

65. КАГАЗЕЖЕВ Ж. В. Князь Инал в этнической истории адыгов // Вестник Дагестанского н. центра РАН. – Махачкала, 2007. – № 28. – С. 78–83.

66. КАГАЗЕЖЕВ Ж. В. Роль потомков князя Инала в процессе образования черкесских княжеств // Известия высших учебных заведений Северо-Кавказского региона. Сер.: Общ. науки. – Ростов-на-Дону, 2011. – № 2. – С. 29–32.

67. КАГАЗЕЖЕВ Ж. В. Происхождение князя Инала // Первые междунар. инал-иповские чтения. (Сухум, 9–12 октября 2007 г.). – Сухум, 2011. – С. 233–243.

68. КАГАЗЕЖЕВ Ж. В. Черкессия в эпоху князя Инала и его ближайших потомков (XIV – 1-я половина XVI вв.). – Нальчик, 2013. – 166 с.

69. КАГАЗЕЖЕВ Ж. В. Образование кабардинского княжества Иналидов // АО. – Нальчик, 2014. – Вып. 30. – С. 54–68.

70. КАГАЗЕЖЕВ Ж. В. Из этнической и политической истории средневековой Черкессии (XIV–XVII вв.). – Нальчик, 2015. – 459 с. – 1000 экз.

71. КАЗАКОВ А. В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры (середина XVI – начало XX в.). – Нальчик, 2006. – 405 с. – 2200 экз.

72. КАЗАКОВ А. В. Некоторые аспекты отношений Черкессии и Крымского ханства // ПГЭНСК. – С. 50–92. [Гирей, Болотоковы, Хункаловы]

73. КАЗАКОВ А. В. Черкесы на российской государственной и военной службе. Середина XVI – начало XX в. Историко-генеалогические исследования. – Нальчик, 2017. – 712 с. – 500 экз.

74.КАРДАНОВ Ч.Э. По соображениям государственным // Эльбрус. – Нальчик, 2000. – № 1 (12). – С. 74–75. [князя Кабарды]

75.КАРДАНОВ Ч.Э. Путь к России: Кабардинские князья в истории отношений Кабарды с Российским государством в XVI – начале XIX вв. – Нальчик, 2001. – 429, [1] с.

76.КАРДАНОВ Ч.Э. Князья Кабарды. – Нальчик, 2016. – 424 с. – 300 экз.

77.КАРМОВ Р.К. Князь Исмаил-бей Атажукин // ГСК. – Нальчик, 2002. – № 2. – С. 65–70.

78.КАРОВ А. Х. «Род мой не изменял магометанскую веру...» // АО. – Нальчик, 2009. – № 11. – С. 52–66. [Мисостовы]

79.КАРОВ А. Х. «Бековичи – Черкасские всегда были князьями...» или о том, как владелец Малой Кабарды, майор, князь Е. А. Бекович – Черкасский обратился к Кавказскому дворянскому депутатскому собранию с просьбой причислить его род к дворянскому сословию // АО. – Нальчик, 2010. – № 14. – С. 58–71.

80.КАШКИН Н. Н. Столпцы князей Черкасских. – СПб., 1902. – 16 с. – 30 экз.

Отт. из ИРГО. – СПб., 1903. – Вып. 2. – Отд. II. – С. 1–16.

81.КИПКЕЕВА З.Б. Князья Дондуковы-Корсаковы и Атажукины: забытая родня // Вопросы южнороссийской истории. – М., Армавир, 2007. – Вып.13. – С. 78–84.

82.КОЖЕВ З.А. Происхождение Кемиргоко Идарова // Известия Кабардино-Балкарского н. центра РАН. – Нальчик, 2011. – №4. – С. 23–28.

83.КОЖЕВ З.А. Происхождение и историческая судьба Кемиргоко Идарова // Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры и языка. Матер. Междунар. н.-практ. конф. пам. М. И. Мижаева. – Нижний Архыз, 2015. – С. 140–153.

84.КОКИЕВ Г.А. К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII веке // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока. – М., 1930. – С. 72–86.

то же: // ГСК. – Нальчик, 2006. – № 16. – С. 155–171.

85.КОРОЛЕНКО П.П. Род черкесов, владетельных черкесских князей Гаджемукых // В кн.: Русские авторы XIX века о на-

родах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Т. 2. – Нальчик, 2001. – С. 238–243.

86. КРУШИНСКИЙ М. Черкесские князья в Польше // ГСК. – Нальчик, 2002. – № 3. – С. 149–151.

87. КУЗЬМИНОВ П. А. Национальные элиты в повседневности Российского государства XVI–XVII в. (на примере рода князей Черкасских) // Матер. Междунар. н. конгресса «История семьи – история народа», состоявшегося в рамках Перекрестного года «Россия Испания – 2011» в г. Сантьяго-де-Компостела 23–25 ноября 2011 г. – Сантьяго-де-Компостела – Москва – Рязань, 2012. – С. 250–256.

88. КУЗЬМИНОВ П. А., ТАМАЗОВ М. С. Роль кавказской элиты в становлении полиэтнического Российского государства // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2013. – № 4 (76). – С. 48.

89. ЛЮБИМОВ С. В. Князья Бекович-Черкасские. Материалы для родословной. – М., 1915. – 20 с.

то же: // Сб. статей, посв. Л. М. Савелову. – М., 1915. – Вып. 1–4. – С. 44–63.

90. МАКСИДОВ А. А. Адыги (черкесы) и зарубежье: семейные и генеалогические связи // Россия и зарубежье: генеалогические связи. I Междунар. генеалогический коллоквиум. Москва, 29.11–4.12.1999: Тез. – Москва, 1999. – С. 31–32.

91. МАКСИДОВ А. А. Адыги – черкесы и зарубежье: семейные и генеалогические связи // Гербовед. – М., 2000. – № 6 (44). – С. 88–96.

92. МАКСИДОВ А. А. Адыги – черкесы и зарубежье: семейные и генеалогические связи // Res publica: Альманах социально-политических и правовых исследований. – Нальчик, 2000. – № 1. – С. 317–327.

93. МАКСИДОВ А. А. Этнокультурные и генеалогические связи адыгов с народами Причерноморья. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Нальчик, 2001. – 26 с.

94. МАКСИДОВ А. А. Крымские ханы и черкесские князья // ГВ. – СПб., 2002. – № 7. – С. 25–37.

95. МАКСИДОВ А. А. Адыги и народы Причерноморья. – Нальчик, 2003. – 120 с.

96. МАКСИДОВ А. А. Генеалогическое взаимодействие адыгов (черкесов) со странами Причерноморья // ГСК. – Нальчик, 2003. – № 5. – С. 109–113.

97. МАКСИДОВ А. А. Знамена кабардинских князей и дворян // ГСК. – Нальчик, 2003. – № 5. – С. 141–147.

98. МАКСИДОВ А. А. К вопросу о становлении и развитии адыгской генеалогии // ГСК. – Нальчик, 2003. – № 6. – С. 159–171.

99. МАЛЬБАХОВ Б. К. Кабардинская феодальная аристократия во взаимоотношениях России с Кабардой и другими народами Северного Кавказа (вторая половина XVI – 70-е годы XVII вв.) Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Б.м., 1995. – 29 с.

100. МАЛЬБАХОВ Б. К., ДЗАМИХОВ К. Х. Черкасские – сподвижники Петра Великого // ЛКБ. – Нальчик, 1996. – № 2. – С. 149–163.

101. МАЛЬБАХОВ Б. К. Родственные связи кабардинских князей с Романовыми // Эльбрус. – Нальчик, 2000. – № 1 (12). – С. 76–81.

102. МАМБЕТОВ Г. Х. Этнокультурные связи кабардинцев и балкарцев с соседними народами в XVII–XX веках // Эльбрус. – Нальчик, 2000. – № 1 (12). – С. 99–101.

103. МАМХЕГОВ А. Б. Закат Талустановой Кабарды // АО. – Нальчик, 2008. – № 5. – С. 49–51. [Таусултановы]

104. МАМХЕГОВ А. Б. Заметки. Выпуск III: Публикации в газете «Газета Юга» (2001–2006 гг.). – Нальчик, 2016. – 352 с.

Из содержания:

Бековичи-Черкасские: кумыки или кабардинцы? – С. 28–38.

Малокабардинские князья и первостепенные уздени. – С. 59–61.

Высшее сословие закубанских кабардинцев и бесланеевцев в 1872–1896 годах. – С. 119–123.

Высшее сословие Кабарды в 1872 году. – С. 126–133.

105. МАМХЕГОВ А. Б. Заметки. Выпуск VIII: Публикации в журналах «Генеалогия Северного Кавказа», «Литературная

Кабардино-Балкария» и «Архивы и общество» (2004–2011 гг.). – Нальчик, 2016. – 208 с.

Из содержания:

Закат Талустановой Кабарды. – С. 72–76.

106. МАМХЕГОВ А. Б. Заметки. Выпуск V: Публикации в газете «Лескенская газета» (2004–2010 гг.). – Нальчик, 2017. – 303 с.

Из содержания:

Закат Талустановой Кабарды. – С. 144–147.

107. МАРЗОЕВ И. Кабарда – Осетия: родственная солидарность // Эльбрус. – Нальчик, 1999. – № 1 (10). – С. 182–184.

108. МАРЗОЕВ И. Т. Межэтнические браки североосетинских феодалов в системе этнокультурных отношений народов Кавказа в XVII – начале XX века // Эльбрус. – Нальчик, 2000. – № 1 (12). – С. 104–106.

109. МАРЗОЕВ И. Т. Взаимоотношения привилегированных сословий Осетии и Кабарды в XVIII в. // Вестник Новгородского гос. ун-та (сер. «История. Филология»). – Новгород, 2009. – № 51. – С. 21–23.

110. МАРЗОЕВ И. Т. Привилегированные сословия на Кавказе в XVIII – начале XX веков. – Владикавказ, 2011. – 380 с.

111. МАРЗОЕВ И. Т. Привилегированные сословия на Кавказе в XVIII – начале XX веков. – Владикавказ, 2014. – 416 с. – 500 экз.

112. МАРКЕЛОВ Н. В. «Жестокий брат, завистник вероломный...»: о реальных прототипах действующих лиц и исторической подоплеке события, описанного М. Ю. Лермонтовым в поэме «Измаил-Бей» (1832) // Московский журнал. История государства Российского. – М., 2008. – № 4 (208). – С. 72–79. [Атажукины]

113. МАСАЕВ М. В. Исторические портреты генералов Кая бей Балатукова и Амет бей Хункалова // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1999. – № 10. – С. 82–89.

114. МАТЕРИАЛЫ Комитета по определению личных прав жителей Кабардинского Округа (1861–1867 годы). Серия БЛИКИ/Сост. Р. К. Кармов. – Вып. 3. – Нальчик, 2016. – 176 с. – 500 экз.

115. МЕЛЬЦИН М. О. Новое женское имя в генеалогии князей Долгоруковых и Черкасских первой половины XVII века // ИРГО. – СПб., 1999. – Вып. 10. – С. 27–29.

116. МИРЗАКАНОВА Е. Князья, приставы, первые секретари, предисполкомов Малой Кабарды: генеалогия княжеских ветвей Гилахстановского и Талостановского родов // АО. – Нальчик, 2016. – № 37. – С. 8–16.

117. МУСУКАЕВ А. И., МАКСИДОВ А. А. К вопросу о становлении и развитии кабардинской и балкарской генеалогии // ГСК. – Нальчик, 2006. – № 16. – С. 132–150.

118. НАЛОЕВА Е. Д. Генеалогия кабардинских князей как исторический источник // В кн.: Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. – Нальчик, 2015. – С. 150–162.

119. НАЛОЕВА Е. Д. Генеалогия кабардинских князей как исторический источник. – Нальчик, 2015. [альбом из 14 генеалогических таблиц]

120. НАЛОЕВА Е. Д. Идаров род (комментарий к генеалогии) // В кн.: Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. – Нальчик, 2015. – С. 166–168.

121. НАУМОВ О. Н. Московская ветвь рода князей Черкасских в конце XVIII–XX вв. // Проблемы истории Московского края: Тез. рег. конф., посв. 70-летию образования Московской области. – М., 1999. – С. 24–26.

122. НАУМОВ О. Н. Князья Черкасские в XIX – начале XX века // Эльбрус. – Нальчик, 2000. – № 1 (12). – С. 81–83.

123. НАУМОВ О. Н. Новые материалы о роде князей Бековичей-Черкасских // ГСК. – Нальчик, 2002. – № 4. – С. 112–116.

124. НАУМОВ О. Н. Князья Черкасские // ДК. – М., 2011. – Тетр. 16. – С. 242–261.

125. НАУМОВ О. Н. Новые материалы о роде князей Бековичей-Черкасских // Очерки по русской генеалогии. – М., 2012. – С. 495–500.

126. НАУМОВ О. Н. Князья Черкасские в XIX – начале XX века // Очерки по русской генеалогии. – М., 2012. – С. 626–628.

127. ОЗОВА Ф. А. Черкесские князья при дворе царя Ивана Грозного // Социально-гуманитарные знания. – М., 2011. – № 8. – С. 241–253.

то же: // В кн.: Очерки политической истории Черкессии. – Пятигорск – Черкесск, 2013. – С. 151–165.

128. ОЗОВА Ф. А. К вопросу о происхождении княжеской династии Черкессии // Археология и этнология Северного Кавказа. – Нальчик, 2012. – Вып. 1. – С. 134–158.

то же: // В кн.: Очерки политической истории Черкессии. – Пятигорск – Черкесск, 2013. – С. 19–60.

129. ОПРЫШКО О. Л. Князь Александр Бекович Черкасский // Адыги. – Нальчик, 1991. – № 1. – С. 130–139. [Родословная кабардинских князей]

130. ПАНЕШ Р. А. Взаимодействие феодальных элит России и Черкессии как фактор межкультурного диалога // Образование перед лицом современных вызовов: сб. статей Девятых н. чтений, посв. Дню славянской письменности и культуры (Майкоп, 20 мая 2016 г.). – Майкоп, 2016. – С. 191–204.

131. ПЕТРОВ П. Н. Черкасские. Княжеский род // Всемирная иллюстрация. – СПб., 1870. – Т. 4. – № 82. – С. 526.

132. ПЕТРОВ П. Н. Черкасские и горские князья // Всемирная иллюстрация. – СПб., 1871. – Т. 5. – № 126. – С. 355.

133. ПЕТРОВ П. Н. История родов русского дворянства. – Т. 1. – М., 1991 [репринт изд. 1886 г.]. – 400 с.

Из содержания:

Князья Черкасские (княжеский род турецкого происхождения). – С. 221–222.

134. ПОСТНИКОВ С. В. Князь А. М. Черкасский и его потомки // Архивные документы как источник формирования представлений об истории Отечества: Матер. 37-й Всерос. заочной н. конф. – СПб., 2005. – С. 33–38.

135. ПЧЕЛОВ Е. В. Кабардинская земля в царском титуле и русской государственной геральдике XVI – начала XX века. – Нальчик, 2007. – 86 с.

136. ПЬЯНКОВ А. В. Роль княжеского рода Инал для потомков адыгов // Курорты. Сервис. Туризм. – Краснодар, 2016. – № 1 (30). – С. 98–102.

137. РОДОСЛОВНАЯ кабардинских князей и мурз XVII в.

(из родословной книги, принадлежавшей А. М. Пушкину) // ГСК. – Нальчик, 2007. – № 17. – С. 4–6.

138. РОДОСЛОВНАЯ кабардинских князей и мурз XVII в. (из родословной книги, принадлежавшей А. И. Лобанову-Ростовскому) // ГСК. – Нальчик, 2007. – № 17. – С. 6–11.

139. СБОРНИК документов по сословному праву народов Северного Кавказа 1793–1897 гг./Сост. Х. М. Думанов, А. И. Мусукаев, А. А. Максидов. – Нальчик, 2003. – Т. 1. – 343 с. – 500 экз.

140. СБОРНИК документов по сословному праву народов Северного Кавказа 1793–1897 гг./Сост. Х. М. Думанов, А. И. Мусукаев, А. А. Максидов. – Нальчик, 2003. – Т. 2. – 484 с. – 500 экз.

141. СИВЕР А. В. Об этногенетической интерпретации генеалогической традиции // Вестник Кабардино-Балкарского ин-та гуманитарных исследований. – Нальчик, 2010. – Вып. 17. – Ч. I. – С. 38–51. [Иналиды]

142. СИВЕР А. В. Об этногенетической интерпретации генеалогической традиции // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2014. – № 12. – С. 82–85. [Иналиды]

143. СИВЕР А. В. Родословные легенды об этногенетических процессах на Северо-Западном Кавказе // Археология и этнология Северного Кавказа. – Нальчик, 2014. – Вып. 3. – С. 100–109. [Иналиды]

144. СКИБА К. В. История «Княжества Темиргой» и рода князей Болотоковых в XV–XVIII вв. // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – IX. Матер. рег. н.-практ. конф. Пятигорск, 24–25 ноября 2016 г. – Пятигорск, 2016. – С. 182–188.

145. СОКУРОВ В. Н. О роде князей Черкасских // Генеалогия: Источники. Проблемы. Методы исследования: Тез. док. и сообщ. межвуз. н. конф. – М., 1989. – С. 29–31.

146. СОКУРОВ В. Н. Институт выезда на службу у черкесов // Эльбрус. – Нальчик, 1999 – № 1 (10). – С. 97–134.

147. СОКУРОВ В. Н. Об изменении династической идеологии адыгских князей и возведение рода к Ною // АО. – Нальчик, 2007. – № 1. – С. 59–76.

148. СОКУРОВ В. Н. Сказание о князьях черкесских // АО. – Нальчик, 2013. – № 26. – С. 38–59.

149. СОКУРОВ В.Н. Черкесия и Крымское ханство: династические связи // IV н. чтения пам. У. Боданинского. Междун. н. конф. Тез. док. и сообщ. – Симферополь, 2013. – С. 66–67.

150. СОФРОНОВ В.Ю. Тобольские воеводы князя Черкасские и первая сибирская школа // Общество, школа, педагог: Матер. н. конф. – Тобольск. 1997. – С...

151. СУРМИНА И. О., УСОВА Ю.В. Самые знаменитые династии России. – М., 2001. – 480 с. – 10000 экз.

Из содержания:

Черкасские. – С. 247–258.

152. ТЕМИРОВА Р.Х. Высшее сословие черкесов (адыгов) в названиях поселений в Карачаево-Черкессии // Дворяне Северного Кавказа в историко-культурном и экономическом развитии региона: Матер. н.-пр. конф. – Краснодар, 2002. – С. 165–175.

153. ТЕМИРОВА Р.Х. Род Хамурза и их поселения в бассейне р. Кубань в конце XVIII–XIX вв. // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. III. Матер. Междунар. н.-практ. конф., посв. 105-летию со дня рождения краеведа Михаила Николаевича Ложкина. – Армавир, 2015. – С. 118–122.

154. [ТРОЙНИЦКИЙ С.] С. Т. К истории герба князей Черкасских // Гербовед. – СПб., 1913. – С. 64–69.

то же: // В кн.: Гербовед. – М., 2003. – С. 75–80.

155. ТЮТЮНИНА Е.С. Аманаты в Кизляре 1756 г. // ГСК. – Нальчик, 2007. – № 18. – С. 189–196.

156. ФОМЕНКО В. А. Некрополь Атажукиных XVIII – начала XX в. у селения Заюково (Баксанский район Кабардино-Балкарской республики) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. – Ставрополь, 2011. – Вып. 3. – С. 77–85.

157. ФОМЕНКО В. А. К вопросу о месте погребения легендарного князя Инала // Археология и этнология Северного Кавказа. – Нальчик, 2013. – Вып. 2. – С. 108–112.

158. ФОМЕНКО В. А. Некрополь Атажукиных в устье реки Гунделен у селения Заюково // Вестник ИГИКБНРАН. – Нальчик, 2014. – № 2 (21). – С. 21–27.

159. ХАЧМАХОВА З. А. Связи адыгов с домом крымских Ги-

реев XV–XVIII вв. // Этюды по истории и культуре адыгов. – Майкоп, 1999. – Вып. 2. – С. 49–54.

160. ХОТЕЛАШВИЛИ-ИНАЛ-ИПА М.К. Адыгский князь Инал – абхазский царь Леон II? // Диалог времен. История. Традиция. Культура. Альманах. – Сухум, 2016. – № 1. – С. 93–118.

161. ХОТЕЛАШВИЛИ-ИНАЛ-ИПА М.К. VIII век в Абхазии: адыгский князь Инал – абхазский царь Леон II? // Вторые Междунар. иналиповские чтения. (Сухум, 11–13 октября 2011 г.). – Сухум, 2016. – С. 173–212.

162. ХОТКО С.Х. Генеалогические предания об Инале и их связь с легендарными версиями происхождения черкесских мамелюков // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар, 2015. – Т. 7. – № 7–1. – С. 29–37.

163. ХОТКО С.Х. Матримониальные союзы и система приемного родства как инструменты внешней политики Черкесских княжеств (XIII–XVIII вв.) // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2016. – № 2 (86). – С. 75–86.

164. ЧЕКАЛИН А.Е. Род князей Черкасских в России: социогенеалогический анализ // Преподавание истории в школе. – М., 2012. – № 9. – С. 75–78.

165. ЧЕКАЛИН А.Е. Род князей Черкасских в истории России: социогенеалогическое исследование. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2013. – 23 с.

166. ЧЕКАЛИН А.Е. Формирование рода князей Черкасских в России XVI в. // Вестник Московского гос. областного ун-та. Сер.: История и политические науки. – М., 2013. – № 1. – С. 17–23.

167. ЧЕРКАССКИЕ: Знаменитые династии России. – М., 2016. – № 157. – 31 с.

168. ЧЕРКАССКИЕ на государственной службе в России // ЛКБ. – Нальчик, 2007. – № 4. – С. 19–22.

169. ЧЕРКАССКИЙ Б.М. Материалы к родословной князей Черкасских // Головинский генеалогический альманах. – М., 1996. – Вып. 1. – С. 8–12.

170. ЧЕРКАССКИЙ Б.М. О роде князей Черкасских // Дворянское собрание. – М., 1996. – Вып. 5. – С. 171–179.

171. ЧЕРКАССКИЙ Б. М. О роде князей Черкасских // Эльбрус. – Нальчик, 1999. – № 1 (10). – С. 87–96.

172. ЧЕРКАССКИЙ Б. М. О роде князей Черкасских // ГСК. – Нальчик, 2003. – № 7. – С. 46–90.

173. ЧЕРКАССКИЙ Б. М. Материалы к родословной князей Черкасских // ГСК. – Нальчик, 2007. – № 17. – С. 11–22.

174. ШАПАРОВА А. К. Два века отразилось в них... Фотолегион черкесской аристократии середины XIX – начала XX века. – Нальчик, 2008. – 148 с.

Рец.: Дзагалов А. С. // Гуманитарный профиль: н. сб. Совета молодых ученых. – Нальчик, 2015. – С. 187–189.

175. ШВАТЧЕНКО О. А. Вотчинное и поместное землевладение князей Черкасских в России XVI – начала XVIII века // НСКР. – Нальчик, 2007. – С. 72–75.

176. [ШЕРЕМЕТЕВ С. Д.] Г. С. Ш. Духовное завещание князя Д. М. Черкасского // ЛИРО. – М., 1907. – Вып. 4. – С. 17–24.

177. ШОГЕНОВ Х. О родственных связях Лермонтова с кабардинскими князьями Черкасскими // ЛКБ. – Нальчик, 2014. – № 1. – С. 14–17.

178. ШОГЕНОВ Х. Родоначальник русской ветви Лермонтовых и князя Черкасские // ЛКБ. – Нальчик, 2014. – № 3. – С. 88–91.

179. ШОКАРЕВ С. Ю. Потомки египетского султана. Князя Черкасские // В кн.: Тайны российской аристократии. – М., 2008. – С. 116–141.

180. ШУМКОВ А. А. Потомство кабардинской княжны Джан, последней супруги калмыцкого хана Дондук-Омбо // ГНК. – Вып. IV. – Владикавказ, 2013. – С. 163–218. [Атажукины]

181. ШУМКОВ А. А. Новые материалы о князьях Дондуковых // ГНК. – Вып. IX. – Владикавказ, 2017. – С. 109–134.

182. ЯХТАНИГОВ Х. Х. Северокавказские тамги. – Нальчик, 1993. – 201 с. – 10000 экз.

183. ЯХТАНИГОВ Х. Х. Каталог фамилий и тамг народов Северного Кавказа // ГСК. – Нальчик, 2004. – № 11. – С. 61–125.

184. ЯХТАНИГОВ Х. Х. Адыгские тамги. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Нальчик, 2006. – 175 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамян Рафаэл Михайлович – кандидат педагогических наук, председатель Армянского историко-родословного общества (г. Москва, Россия).

Алиев Камилъ Магомед-Салихович – кандидат философских наук, председатель Кумыкского научно-культурного общества (КНКО), главный редактор республиканской общественно-политической газеты «Ёлдаш» (г. Махачкала, Россия).

Батчаев Шамиль Мухтарович – кандидат исторических наук, начальник отдела использования и публикации документов Государственного архива Карачаево-Черкесской Республики (г. Черкесск, Россия).

Вачагаев Майрбек Момуевич – кандидат исторических наук, со-редактор журнала *Caucasus survey* (Оксфорд, Великобритания), член Ассоциации кавказских исследований (г. Париж, Франция).

Гарсаев Ходжа-Ахмед Магомедович – исследователь-востоковед (г. Москва, Россия).

Гарсаев Лечий Магамедович – доктор исторических наук, профессор ЧГУ, г.н.с. КНИИ РАН им. Х.И. Ибрагимова, зав. отделом ИГИ АН ЧР (г. Грозный, Россия).

Григорян Артур Александрович – независимый исследователь (г. Рио-де-Жанейро, Бразилия).

Гусейнов Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович – доктор филологических наук, профессор, доцент кафедры русского языка Дагестанского государственного университета (г. Махачкала, Россия).

Гутиева Амина Эльбрусовна – ученица 9 класса МКОУ СОШ №2, Победитель XII Всероссийского конкурса «Национальное достояние России» 2017–2018 уч. г., награждена серебряным знаком отличия «Юность. Наука. Культура» 2017–2018 уч. г. (г. Владикавказ, Россия).

Дзагалов Анатолий Сосланбекович – кандидат исторических наук, (г. Санкт-Петербург, Россия).

Дзалаева Камила Руслановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СОИГСИ им. В. И. Абаева (г. Владикавказ, Россия).

Духаев Адам Идрисович – историк, писатель, публицист, фольклорист (г. Грозный, Россия).

Идрисов Юсуп Магомедович – кандидат исторических наук, учитель истории РЦ ДО ДИ РД (г. Махачкала, Россия).

Кзаков Аслан Владимирович – кандидат исторических наук (г. Ростов-на Дону, Россия).

Канукова Залина Владимировна – доктор исторических наук, профессор, директор Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и РСО-А (г. Владикавказ, Россия).

Кафар-заде Ламия Расим кызы – доктор философии по истории, старший научный сотрудник Института Истории им. А. А. Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана (г. Баку, Азербайджан).

Киреев Феликс Сергеевич – научный сотрудник Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания (г. Владикавказ, Россия).

Кулиев Муса Рагимоглу – доктор философии по истории, действительный член Азербайджанского историко-родословного общества, ведущий научный сотрудник Института истории, этнографии и археологии Нахичеванского отделения Национальной Академии Наук Азербайджана (г. Нахичевань, Азербайджан).

Марзоев Ислам-Бек Темурканович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СОИГСИ им. В.И. Абаева, председатель Северо-Осетинского историко-родословного общества (г. Владикавказ, Россия).

Тезиева Мадина Хазбиевна – член Союза кинематографистов РФ, член Союза журналистов РФ, член гильдии кинорежиссеров РФ, член Ассоциации документального кино СК РФ (г. Владикавказ, Россия).

Цагараев Марат Асланбекович – кандидат политических наук, (г. Владикавказ, Россия).

Научное издание

**ГЕНЕАЛОГИЯ НАРОДОВ КAVKAZA
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Выпуск X

Материалы публикуются в авторской редакции

*Технический редактор Е.Н. Маслов
Оформление обложки Е.Н. Макарова
Компьютерная верстка С.А. Булацева*

Подписано в печать 14.12.2018
Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆. Бум. офс. Печать цифровая.
Гарнитура «Times». Усл. п.л. 13,25.
Тираж 100 экз. Заказ №122.

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева –
филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального научного центра
«Владикавказский научный центр Российской академии наук»
362040, г. Владикавказ, пр.Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3